

**ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**
РАНХиГС **ВОЛГОГРАД**

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ (МЕДВЕДЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2024)

Сборник материалов

Волгоград 2024

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
ВОЛГОГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
КАФЕДРА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН
ПРИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКЕ ВОЛГОГРАДСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО
ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ РОССИИ»

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ (МЕДВЕДЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2024)

*Сборник материалов международной научно-практической
конференции памяти **Михаила Федоровича МЕДВЕДЕВА**
(1925–2011)*

Волгоград 2024

Под общей редакцией:

кандидата юридических наук, доцента **Е. Н. Агибаловой**;

кандидата юридических наук, доцента **И. Б. Иловайского**

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса
Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова,
заслуженный деятель науки Республики Калмыкия **А. Я. Рыженков**;

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя
Т. В. Дерюгина

*Издается на основании решения ученого совета Волгоградского института управления –
филиала РАНХиГС от 30.01.2024, протокол № 5*

Т 33 Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2024): сборник материалов международной научно-практической конференции памяти М. Ф. Медведева (г. Волгоград, 24 мая 2024 г.) [материалы] / под общей ред. Е. Н. Агибаловой, И. Б. Иловайского; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2024. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: IBM PC с процессором 486; ОЗУ 64 Мб; CD-ROM дисковод; Adobe Reader 6.0. – Загл. с экрана. – 122 с.

В сборнике представлены материалы международной научно-практической конференции памяти Михаила Федоровича Медведева (1925–2011) «Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах» (Медведевские чтения 2024), которая состоялась в Волгоградском институте управления – филиале РАНХиГС 24 мая 2024 года.

Это уже четвертые Медведевские чтения, организатором которых выступает кафедра гражданско-правовых дисциплин ВИУ РАНХиГС при информационной поддержке Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России».

Целью конференции является обращение внимания на актуальные вопросы современного деликтного права, исследование которого составляло при жизни область научных интересов профессора кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИУ РАНХиГС М. Ф. Медведева.

Вошедшие в сборник материалы отражают результаты исследований известных и молодых ученых из различных городов России (Волгограда, Красноармейска, Москвы, Рязани, Санкт-Петербурга, Саратова, Севастополя, Томска, Челябинска), а также зарубежных стран (Египта, Казахстана, Китая, Узбекистана) по современным аспектам гражданского права в сфере деликтных обязательств.

Работы носят научный характер и будут интересны преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам юридических факультетов, представителям органов власти, практикующим юристам, специалистам в области деликтного права.

Тексты статей прошли научное рецензирование и редакционную правку. За содержание статей ответственность несут авторы. Точки зрения редакторов и авторов могут не совпадать.

Михаил Федорович МЕДВЕДЕВ

(15 февраля 1925 года пос. Полевой Новоаннинского района Волгоградской обл. – 3 декабря 2011 года гор. Волгоград) – советский и российский правовед, кандидат юридических наук, профессор, ветеран Великой Отечественной войны, высококлассный юрист, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, имевший большой опыт практической, преподавательской и научной работы. Признанный в волгоградском профессиональном сообществе педагог, учитель с большой буквы, который формировал профессиональные юридические личности из обычных людей. Ведущий специалист в области гражданского права, мастер цивилистического слога, основатель волгоградской научной школы деликтных обязательств как института гражданского права.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

<i>Сагумянц С. С.</i> Воспоминания о Михаиле Федоровиче Медведеве	6

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

<i>Агибалова Е. Н.</i> Теоретические и практические вопросы деликтной ответственности за причинение вреда относительным правам	9
<i>Алатарцева Е. А.</i> Гражданско-правовая ответственность эксперта: понятие и виды	12
<i>Аширбекова М. Т.</i> К вопросу о возмещении вреда, причиненного лицу в ходе производства по уголовному делу	14
<i>Бекузарова Ю. В.</i> Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом	17
<i>Глебов В. Г.</i> Вопросы реализации назначения уголовного судопроизводства при возмещении причиненного вреда	20
<i>Гончарова В. А.</i> Об актуальных подходах Верховного Суда РФ к исчислению исковой давности по требованиям о возмещении вреда, причиненного преступлением	23
<i>Гуломов А. Ш.</i> Деликт как основание возникновения внедоговорного обязательства	26
<i>Ербахаев Е. А.</i> Защита личных прав по гражданскому законодательству Китайской Народной Республики	29
<i>Коверченко И. И.</i> Особенности расчета компенсации за нарушение исключительных прав на цифровых платформах	33
<i>Кокорев А. Н.</i> Средства индивидуальной мобильности как источник повышенной опасности и проблемы, связанные с причинением ими вреда	36
<i>Колесниченко О. В.</i> Концепция возместимости вреда здоровью в физическом значении, или как отказаться от формулы «не оценить, нельзя возместить» в отечественной цивилистике?	39
<i>Кратенко М. В.</i> Возмещение заработка родителю, осуществляющему уход 24/7 за травмированным ребенком: общее право, континентальное право и перспективы для России	42
<i>Мотина Е. А.</i> Некоторые проблемы возмещения вреда, причиненного здоровью граждан вследствие вакцинации	47
<i>Осетрова А. Ю., Степанова Е. В., АльМоатассемБелла М. М. Э., Самаха А. Г. М. Э.</i> Особенности разрешения экологических споров, связанных с причинением вреда водным объектам: сравнительный анализ законодательства России и Египта	50
<i>Острикова Л. К.</i> Порядок возмещения вреда, причиненного частным лицам в сфере уголовного судопроизводства: состояние законодательства и доктрины	55
<i>Романова Г. В.</i> К вопросу о совершенствовании института компенсации морального вреда гражданам Российской Федерации	59
<i>Садков А. Н.</i> Проблематика определения причинителя вреда при нарушении субъективных прав обладателей цифровых финансовых активов	62
<i>Стрилец Л. Е.</i> Вина как условие привлечения к субсидиарной ответственности	65
<i>Суркова С. С.</i> Правовые аспекты регулирования деятельности в сфере медицинских услуг в Республике Казахстан	68
<i>Суркова С. С., Канатбеков Г. К., Степанова Е. В.</i> Уголовно-процессуальный аспект рассмотрения дел о мошенничестве в Республике Казахстан	71
<i>Тарновская С. В.</i> Пределы деликтной ответственности нотариуса на примере совершения исполнительной надписи	75

Федосеев П. С. Значение причинно-следственной связи в составе деликта в контексте социологической теории гражданского права	79

МАТЕРИАЛЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

Израелян М. Г. Медицинская сфера деятельности как источник повышенной опасности: актуальные вопросы деликтной ответственности медицинских работников за причиненный вред	82
Каплунова Н. А. К вопросу об ответственности нотариуса при обеспечении им доказательств	86
Кашлева О. В. Соотношение общих правил деликтного права и субсидиарной ответственности в банкротстве	90
Максимчук С. И. Конкуренция иска о взыскании договорных убытков и иска о привлечении к деликтной ответственности	94
Наумов М. А. Конкуренция между возмещением вреда и компенсацией за нарушение исключительных прав	97
Николаев Р. В. К вопросу о соотношении иска о предупреждении причинения вреда и прогибиторного иска	99
Перегудов Я. А. Определение размера компенсации морального вреда: проблемы и пути решения	102
Полянина Д. И. Исторические, догматические и политико-правовые основания ответственности государства за причинение вреда	104
Рыбекова Б. Р. К вопросу о различиях понятий вред и убытки в законодательстве Российской Федерации и Кыргызской Республики	107
Салова А. С. Особенности деликтной ответственности нотариуса	110
Тулаев В. А. Судебная практика о способах возмещения причиненного вреда в натуре: предоставление вещи того же рода и качества или исправление поврежденной вещи	112
Яковлев Н. Ю. Попирание абсолютного права: как судебное правотворчество способствовало снижению размеров компенсации за нарушение исключительного права	115
ФОТООТЧЕТ О КОНФЕРЕНЦИИ	119

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

УДК 340:34.08

ВОСПОМИНАНИЯ О МИХАИЛЕ ФЕДОРОВИЧЕ МЕДВЕДЕВЕ

Сагумянц С. С., адвокат, председатель Сталинградской
коллегии адвокатов Адвокатской палаты Волгоградской области, г. Волгоград, Россия

MEMORIES OF MIKHAIL FEDOROVICH MEDVEDEV

Sagumyants S. S., Lawyer, Chairman of the Stalingrad Bar Association of the Volgograd Region Bar Association
Volgograd, Russia

Пусть будет жизнь достойна их усилий.
Учителями славится Россия.
Ученики приносят славу ей.
Не смейте забывать учителей!
А. Д. Дементьев

Иной раз Судьба делает нам подарок – сводит с человеком, соприкоснувшись с которым, ты изменяешься, словно тебя осенила некая крестная сила. Иной раз это происходит почти моментально. И таких людей уже никогда не забываешь, навсегда бережно хранишь память о них, сколько бы тебе не пришлось с ними общаться.

В профессиональном становлении встреча с М. Ф. Медведевым для меня стала неким Рубиконом, определившим весь дальнейший мой путь. Произошло это вначале 1996 г., когда на втором курсе юридического факультета ВАГСа, где я учился на вечернем отделении, нам начал читать курс гражданского права Михаил Фёдорович.

Помню, что уважение к этому Человеку витало в воздухе, и между собой мы почему-то произносили его имя и отчество полушёпотом, а сам Михаил Фёдорович, хотя посматривал строго и требовательно, но вёл себя с нами совершенно просто. Нас, конечно, приводил в трепет не только его почтенный возраст, но и ореол заслуг. Мы откуда-то сразу узнали, что Михаил Фёдорович является полковником милиции и судьёй областного суда в отставке, и, главное, ветераном Великой Отечественной войны. Именно его воспоминания о том, каким образом, уже после победы, в родном доме окончилась для него война, произвели на меня чрезвычайно драматическое впечатление, что каждый раз, пересказывая их при поминании Михаила Фёдоровича, я чувствую сильнейшее волнение, от которого мурашки бегут по коже. Но об этом немного позже. Сначала – об обстоятельствах знакомства с Учителем.

Надо сказать, что ещё до начала изучения гражданского права я ввязался в свой первый в жизни гражданский судебный процесс. Дело касалось ранее оплаченных мною, но не вывезенных строительных материалов, которые мне отказался выдать завод ЖБИ, мотивируя тем, что спустя почти три года с момента оплаты (в то время в стране бушевала галопирующая инфляция) цена на них поднялась в сотни и даже тысячи раз. Я, совершенно не имея судебного опыта, обратился в отдел по защите прав потребителей администрации Дзержинского

района г. Волгограда, где мне объяснили, что я сам виноват, что вовремя не вывез оплаченные стройматериалы и что юрисдикция этого отдела не распространяется на подобные иски – вот если бы я купил неисправный телевизор...

Тем не менее, мне показали образцы аналогичных исков, и я уговорил начальника этого отдела, что укажу Администрацию в качестве представителя истца, так как, мне казалось, что таким образом моя позиция в судебном процессе будет выглядеть солиднее. Действительно, в судебное заседание по моему иску явился молодой человек – юрист этого отдела Администрации района, который сообщил суду, что он поддерживает поданный мною иск. Ответчика же представлял в суде бывший судья Тракторозаводского районного суда, которого секретарь судьи почему-то называла, за глаза, «Михалычем». В иске мне было почти полностью отказано, присуждена какая-то мелочь и передо мной встал вопрос: «Что делать дальше?» Сходив на консультацию к адвокату, я узнал, что мне необходимо в течение 10 дней подать кассационную жалобу и, если есть претензии к протоколу судебного заседания, в первые три дня из этого срока подать замечания на протокол.

Снова обратившись в ОЗПП Администрации района, я ознакомился с одной из аналогичных жалоб (дело касалось неисправного телевизора, в ремонте или замене которого покупателю было отказано). Исписав кучу бумаг и отпечатав на печатной машинке, с помощью машинистки, замечания на протокол, а затем и саму Кассационную жалобу, я своевременно подал и то, и другое в суд. Надо сказать, что решение суда, которое я обжаловал, было вынесено 29.02.1996, то есть в последний день действия ГК РСФСР 1964 г.

Потянулось тягостное время ожидания рассмотрения жалобы, и я терялся в одолевавших меня сомнениях, тем более, что посоветовавшись с некоторыми однокурсниками, работавшими в суде и уже имевшими некий опыт, мне было предсказано неминуемое поражение. Слушая первые лекции М. Ф. Медведева, и понимая, что такой мастодонт права, уж точно, может поставить «диа-

гноз» моей жалобе, я, преодолевая робость (а робели перед Михаилом Фёдоровичем мы все без исключения), подошёл к нему после занятий и спросил: «Мог бы он ознакомиться с судебными документами по моему делу, в том числе и с моими «творениями» и высказать своё мнение о возможных ошибках, допущенных мною?». Учитель сразу согласился и взял у меня бумаги.

Спустя пару дней, в течение всей следующей лекции по гражданскому праву, я ещё более робко поглядывал на Михаила Фёдоровича, но, как только его взгляд пересекался с моим, я отчётливо видел, как лицо его приобретало строгое и даже суровое выражение. Сочтя это показателем того, что моя кассационная жалоба не прошла тест на качество я, мысленно, уже приготовился к полному разному, когда после окончания пары – некуда деваться, подошёл, виновато склонив голову и, потупившись, поинтересовался, нашёл ли мэтр время для ознакомления с документами, хотя уже не сомневался, что нашёл и ознакомился.

Дальнейшее меня полностью обескуражило. Михаил Фёдорович очень строго взглянул на меня и произнёс примерно следующую фразу: «Что Вы, молодой человек, мне морочите голову, выдавая за собственное произведение жалобу, которую Вам составил профессиональный адвокат»? Меня одновременно обурывали противоречивые эмоции: радость от осознания высокой оценки моей жалобы и крайнее неудобство от того, что я заподозрен в плагиате. Я стал уверять, что писал и Замечания и Жалобу самостоятельно. Михаил Фёдорович смотрел на меня с недоверием и потом, смягчившись, спросил: «Остались ли у меня черновики?». Я с жаром заверил его, что, конечно, остались и в большом количестве. Тогда Михаил Фёдорович предложил мне принести их на следующее занятие.

Надо ли говорить с каким волнением, при следующей встрече, я вывалил перед Учителем приличную стопку исписанных карандашом и ручкой листков и бумажек, которые несли на себе печать моих первых юридических потуг. Пока Учитель молча, сосредоточенно рассматривал и перебирал черновики, я весь сжался от напряжения – каков теперь будет его приговор? Вдруг, лицо Михаила Фёдоровича прояснилось, и он вновь обескуражил меня ещё более, чем это было в прошлый раз, фразой: «Ну что ж, молодой человек, мне Вас учить больше нечему!»! По мере того, как я приходил в себя, фактически оглушённый таким признанием мэтра, я, почти физически ощутил, как за распрямившимися плечами у меня выросли орлиные крылья. Я даже несколько раз хлопнул ими по воздуху, проверяя широту размаха и прочность. Такой похвалой Михаил Фёдорович сразу внушил мне уверенность в себе, и я с огромной благодарностью помню об этом всегда. Надо сказать, что впоследствии, на примере этого дела начинали постигать адвокатское ремесло почти все мои помощники и стажёры, один из которых, переименовав М. Ф. Достоевского, отлил фразу: «Все мы вышли из «Сельстройконструкции!»». Так назывался тот самый завод ЖБИ – ответчик по моему иску.

С тех пор мы стали с Михаилом Фёдоровичем почти приятели. Он относился ко мне с благожелательным интересом, а я – с огромным пиететом и благодарностью. Он шефствовал надо мной почти до самого конца. Я часто созванивался с ним, советовался по «замороженным» делам, а он всегда давал мне дельный совет. В том числе не давал мне пасть духом в тяжелейшем граж-

данском деле, за которое я взялся, учась на третьем курсе от безысходности истцов, четыре года обивавших пороги прокурорской системы СССР, а затем столько же, уже с помощью адвоката, – судебной системы РФ. Помню, что коллизия заключалась ещё и в том, что деликтное причинение вреда здоровью ребёнка случилось в советское время, соответственно, при действующем Гражданском кодексе РСФСР и Гражданско-процессуальном кодексе РСФСР, а разрешать последствия и выносить решение суда, естественно, необходимо было в соответствии с правовой базой РФ. К тому времени материалы этого дела уже дважды побывали в Верховном Суде РФ, но основной вопрос – взыскание потерянного заработка матери ребёнка инвалида, так и не был разрешен.

Все бывалые адвокаты, один из которых преподавал мне вторую часть гражданского права, которым я предлагал взяться за это дело, наотрез, не сговариваясь, отказались от него, называя это дело «затоптанным насмерть». Однако, Михаил Фёдорович, в отличие от некоторых иных «маститых правоведов», которые крутили пальцем у виска, показывая на меня, не только благословил меня на этот подвиг, но и не оставлял советами в течение ещё 12-ти лет, пока я реально пытался помочь этой семье. Учитель все это время без всяких ограничений снабжал меня полезной литературой, помогал сопоставлять действующие законы со старым советским законодательством и даже принес мне для пользования кодексы со своими авторскими замечаниями и комментариями. Когда в 2009 г. я, со словами благодарности, преподнёс ему номер газеты «Волгоградский Адвокат» со статьёй «Гражданское дело длиной 16 лет», Михаил Фёдорович, не скрывая удовольствия, улыбаясь, поднял слегка согнутый указательный палец правой руки и, помахав им передо мной, назидательно произнёс, чуть растягивая слова: «А я говорил Вам...!».

Бывало Учитель, иной раз, приглашал домой и одаривал чем-то юридически «вкусненьким», чем, при умении, можно было «сдобрить» замысловатое «кулинарное блюдо», приготовлением которого я занимался в то или иное время. У него дома хранились самые интересные тексты, которые он оставлял из каждого номера, выписываемого им журнала «Законность» (ранее – «Социалистическая законность»). Помню стопочки «худосочных» этих журналов, в обложках которых хранились только самые нужные, с его точки зрения, статьи. Я же, со своей стороны, возвращая ему взятые «напрокат» материалы, старался приложить к ним свежий номер газеты «Волгоградский Адвокат», так как знал, что Учитель очень жаден до информации об адвокатской практике. Особенно ему доставляло удовольствие, если в очередном номере этой газеты была статья о моих делах. Я знал, что он гордится этим.

Михаил Фёдорович, конечно же, стал моим научным руководителем при защите диплома. С этим у меня связаны несколько курьёзные воспоминания. Так получилось, что я некоторое время морочил ему голову, когда он по телефону спрашивал меня, как движется моя работа по написанию дипломной работы, и я уверял, что всё в полном порядке. Сам же вместо диплома писал заказанную мне московскими журналистами статью. С ними я познакомился на каком-то юридическом форуме в Высшей Следственной Школе (теперь – Волгоградская Академия МВД РФ), и рассказал о моем деле, в котором представлял интересы Сергея Евдокимова – двоюродного брата известного артиста, а затем губернатора Михаила

Евдокимова. Правда статья вышла не совсем удачной, с очень резким вступлением и эпилогом, больше соответствующим жанру фельетона, и с очень негативной оценкой того, что в период «демократизации» власть сотворила с государственностью России. Поэтому, написанный в октябре 1999 года, этот материал впервые увидел свет только в 2002 году в Бюллетене Управления Юстиции по Волгоградской области. Помню, как Михаил Фёдорович удивился, когда в ноябре 1999 года я, по его требованию, прибыл к нему на кафедру с жалкими набросками дипломной работы, и он спросил меня – чем же я всё время занимался? Я же посмел показать ему свой опус, который назвал «Кренкебиль – современная история», только после того, как с ним ознакомились и положительно отозвалась заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Беляева Галина Александровна – человек также достойный отдельной статьи воспоминаний.

Несмотря на свою доброту, Михаил Фёдорович был очень требовательным преподавателем и после того уже не давал мне спуска, требуя регулярно отчитываться по ходу подготовки дипломной работы. Его требовательность была известна всем, и потому сдавать экзамены ему все шли с трепетом, хотя, если честно, то мне он поставил экзамен автоматом. Но были исключения и у него, о которых тоже все знали. Так некоторые студентки даже подгадывали беременность к государственным экзаменам («госам»), зная, что, как только Михаил Фёдорович увидит «девушку в положении», то сразу ставит «зачёт» и говорит: «Иди, детка, иди...».

Помню, как Михаил Фёдорович рассказал нам об одном эпизоде из своей судейской практики, когда он был судьёй областного суда. Поступила жалоба на судебное решение районного суда от инвалида, передвигающегося с помощью костылей. Суд отказал ему в праве предоставления квартиры на первом этаже, тогда как выдано ему было аналогичное жилье на пятом этаже, куда добираться ему было весьма затруднительно. Михаила Фёдоровича вызвал к себе председатель областного суда и сказал, что ему звонили из исполкома и просили не изменять решение районного суда в связи с дефицитом квартирного фонда. «Ты уж, повнимательнее отнесись к этому делу» – наставил его председатель областного суда. Естественно, он отнёсся к этому делу очень внимательно и отменил решение районного суда, обязав предоставить инвалиду квартиру на первом этаже. Вот поэтому сами судьи областного суда зачастую были обойдены властью при предоставлении им квартир, так как никогда не шли на подобные компромиссы. Сам Михаил Фёдорович всю жизнь прожил в квартире, предоставленной его супруге Валентине Тихоновне.

Самый же великий его урок был дан нам, кажется, уже незадолго до «госов», когда мы были почти готовыми юристами. Михаил Фёдорович рассказал нам случай из его жизни, когда он и вся его семья воссоединилась в родном доме после войны. На удивление все мужчины его семьи – отец Фёдор Артёмович и брат Василий – остались живы и вернулись с войны с ранениями, в орденах и медалях. Сам Михаил Фёдорович про себя говорил, что никаких серьёзных ранений у него не было, только руки слегка посекло осколками. Старший брат Василий – танкист, бравший Берлин, был весь изранен и контужен. Когда же последним вернулся с войны и этот брат, успевший повоевать ещё и с Японией, вся семья собралась отметить это событие. Мать с сестрой накрыли стол, и, вдруг, послышался сначала негромкий звук, похожий

на отдалённое завывание сирены. Потом этот звук стал нарастать и постепенно превратился в гул, который шёл, казалось, со всех сторон. Выглянув в окна, семья увидела, что за забором дом со всех сторон окружён женщинами в чёрном одеянии. Это вдовы, чьи мужья и сыновья не вернулись с войны, пришли посмотреть на чужое счастье. Сначала, не выдержав, всплакнула одна, затем к ней присоединилась другая, и постепенно все они завывали от нестерпимого своего горя. Как говорил Михаил Фёдорович, это потрясение всегда живёт в его памяти. Теперь оно стало и моим пожизненным воспоминанием о той Священной Отечественной войне и цене, которую пришлось нашему народу заплатить за победу в ней.

Упомяну ещё об одном эпизоде, подчёркивающим скромность Михаила Фёдоровича. Как то в довольно холодный зимний день я, возвращаясь из Арбитражного суда Волгоградской области, проезжая по ул. Советской, недалеко от Разбитой мельницы, увидел чуть согнувшуюся, как мне показалось, от холода, фигурку своего Учителя, шедшего, подгоняемого морозом, во встречном направлении. Развернув машину, я догнал его и почти силой усадил рядом с собой. Выяснилось, что Михаил Фёдорович шёл навестить Валентину Тихоновну, лежавшую в 3-ей больнице. Я с удивлением спросил Учителя: «Почему он одет так легко, почти по осеннему, ведь у него есть, соответствующее столь холодной погоде довольно тёплое пальто?». Ответ его поразил меня так, что сердце сжалось от жалости. Учитель сказал, что тёплое пальто ему носить тяжело. Довезя его до больницы, я попытался договориться с ним о том, чтобы я мог через определённое время забрать его и отвезти домой. Михаил Фёдорович наотрез отказался и был непреклонен в этом, как я не уговаривал его сказать мне, хотя бы приблизительно, время, которое он намерен провести в больнице и, соответственно, когда он собирается отправиться в обратный путь. Позвонить мне на сотовый телефон он также не соглашался.

Видя столь неприступную позицию, я просто растерялся, так как погода, действительно, была очень холодная. Поэтому, отчаявшись «бороться» с ветераном, я высадил его и помчался в ВАГС, у парадного входа которого, как мне помнилось, почти всегда стояла парочка «КАМРИ». Помню, что я влетел в кабинет ректора И. О. Тюменцева и, представившись адвокатом, в сердцах выговорил ему, ошарашенному таким напором неизвестно откуда взявшегося правозащитника, что в то время, когда у них дежурят у входа машины бизнес-класса, ветеран ВОВ, заслуженный профессор, гордость юридической науки и пр. может просто замёрзнуть на улице. Я потребовал, чтобы одна из машин была направлена в больницу № 3 и дежурила там, в ожидании М. Ф. Медведева. Ректор вызвал к себе заведующего кафедрой гражданско-правовых дисциплин, и мне было обещано, что они протестируют возвращение Учителя домой.

Фигуры людей или растут после жизни или рушатся. Светлая память о Михаиле Фёдоровиче Медведеве – Воине, Юристе, Педагоге, Человеке с открытым сердцем и кристальной совестью, верном сыне нашего Отечества, его защитнике, как во время войны, так и в мирное время, навсегда останется в сердцах его учеников, коллег и всех, кто хотя бы один раз в своей жизни соприкасался с этим Замечательным во всех своих проявлениях Человеке.

УДК 347.121.2:347.51

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ОТНОСИТЕЛЬНЫМ ПРАВАМ

Агibalова Е. Н., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье на основе анализа отечественного деликтного законодательства, судебной практики и юридической литературы исследуется вопрос о возможности наступления деликтной ответственности за причинение вреда относительным правам. Сделан вывод о том, что, хотя такая возможность непосредственно не предусмотрена действующим законодательством Российской Федерации, она вытекает из его толкования и подтверждается судебной практикой.

Ключевые слова: договорная ответственность, деликтная ответственность, вред, абсолютные права, относительные права.

THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES OF TORT LIABILITY FOR HARM TO RELATIVE RIGHTS

Agibalova E. N., Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
Volgograd Institute of Management, branch of RANEP, Volgograd, Russia

Abstract. Based on the analysis of domestic tort legislation, judicial practice and legal literature, the article examines the possibility of tort liability for harm to relative rights. It is concluded that, although such a possibility is not directly provided for by the current legislation of the Russian Federation, it follows from its interpretation and is confirmed by judicial practice.

Keywords: contractual liability, tort liability, harm, absolute rights, relative rights.

Как известно, гражданско-правовая ответственность может быть договорной или внедоговорной (деликтной). Для их разграничения в цивилистической доктрине сформировалось несколько подходов.

Как правило, основное разграничение между договорной и деликтной ответственностью проводится в зависимости от наличия или отсутствия договора [4, с. 539; 5, с. 24, 26].

Арбитражная судебная практика способствовала формированию позиции, согласно которой «в случае если вред возник в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения договорного обязательства, нормы об ответственности за деликт не применяются, а вред возмещается в соответствии с правилами об ответственности за неисполнение договорного обязательства или согласно условиям договора, заключенного между сторонами» (*постановление Президиума ВАС РФ от 18.06.2013 № 1399/13*).

Вместе с тем в законе содержатся исключения из этого общего правила. Так, в соответствии со ст. 1084 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) вред, причиненный при исполнении договорных обязательств жизни или здоровью гражданина, возмещается по правилам института обязательства вследствие причинения вреда¹, предусмотренным гл. 59 ГК РФ, если

законом или договором не предусмотрен более высокий размер ответственности. То есть за вред, причиненный жизни или здоровью, как правило, наступает деликтная ответственность, несмотря на наличие договорных отношений между сторонами [1, с. 15]. Поэтому отграничивать договорную ответственность от деликтной только наличием или отсутствием договора между потерпевшим и причинителем вреда неверно.

Согласно второму подходу для разграничения указанных видов ответственности необходимо установить, какие права потерпевшего нарушены – абсолютные или относительные. При нарушении относительных прав наступает договорная ответственность. Посягательство на абсолютные права или блага влечет деликтную ответственность причинителя вреда [4, с. 104; 5, с. 24, 26, 34; 9, с. 26]. Так, например, Е. В. Рузанова подчеркивает, что под обязательствами вследствие причинения вреда понимаются «внедоговорные обязательства, возникающие вследствие нарушения носящих абсолютный характер имущественных и личных неимущественных прав потерпевшего...» [7, с. 113].

Такая доктринальная позиция находит отражение и в судебной практике, где отмечается, что, «по смыслу п. 1 ст. 1064 ГК РФ, деликтные требования о возмещении вреда, причиненного имуществу, возникают вследствие нарушения прав, носящих абсолютный характер» (*решение Арбитражного суда г. Москвы от 06.04.2015 по делу № А40-209873/2014, оставленное в силе вышестоящими судебными инстанциями (поста-*

¹ Понятия «обязательства вследствие причинения вреда», «ответственность за причинение вреда», «деликтные обязательства», «деликтная ответственность» нередко употребляются как тождественные.

новления Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.06.2015, Арбитражного суда Московского округа от 25.08.2015; определение Верховного Суда РФ от 07.12.2015 № 305-ЭС15-15743)).

Более того, российское законодательство и судебная практика по общему правилу не допускают конкуренции договорного и деликтного исков: «наличие требования к договорному должнику исключает предъявление деликтного требования о компенсации того же интереса к правонарушителю, не состоявшему с истцом в относительных правоотношениях» (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.11.2015 № Ф09-8031/15 по делу № А07-19206/2014).

Однако полагаем, что и этот подход к ограничению договорной ответственности от деликтной также является условным и не означает невозможность наступления деликтной ответственности за причинение вреда относительным правам, в том числе потому, что им не охватываются случаи, когда причиненный вред не был связан с неисполнением причинителем вреда договорного обязательства.

Детально не вдаваясь в подробности проблематики классификации субъективных гражданских прав на абсолютные и относительные, в целях настоящего исследования нелишне упомянуть о проблеме соотношения абсолютных и относительных прав.

В самом общем виде абсолютное право, в зависимости от взгляда на него, представляет собой: 1) право на собственные действия; 2) право, противопоставимое любым третьим лицам; 3) право, защищаемое от любого третьего лица.

Напротив, относительное право, в зависимости от взгляда на него, представляет собой: 1) право на действия обязанного лица (на чужие действия); 2) право, противопоставимое только обязанному лицу; 3) право, защищаемое только против обязанного лица.

Однако даже В. К. Райхер, автор основательной работы об абсолютных и относительных правах и подхода к ним, до сих пор господствующего в литературе [6], признавал некоторую условность данной классификации и считал, что относительное право тоже может быть нарушено любым третьим лицом, «а в соответствии с этим защищается и против нарушений со стороны третьих лиц». По мнению В. К. Райхера, разница состоит лишь в том, что «в отличие от прав абсолютных <...> действие относительных прав на „третьих“ лиц является не прямым, непосредственным, а косвенным, посредственным, „отраженным“» [6, с. 178, 184].

Для ответа на вопрос о том, какой именно вред (причиненный каким именно правам) подлежит возмещению, обратимся к букве действующего отечественного деликтного права.

Согласно п. 1 ст. 1064 ГК РФ, вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

Комментируя данную норму, сторонники нормативизма могут сделать как минимум два вывода. Во-первых, в п. 1 ст. 1064 ГК РФ не говорится о вреде, причиненном абсолютным правам. В ней говорится о вреде личности и имуществу. А имущество, согласно ст. 128 ГК РФ, – это в том числе имущественные права [5, с. 29, 31], легального определения которым законодателем не предложено. К имущественным правам в свою очередь

относятся вещные, обязательственные (иначе – права требования), исключительные, а также некоторые корпоративные права. Среди них, помимо корпоративных прав, обязательственные имущественные права (права требования) по своей классической правовой природе являются как раз относительными, а также настолько широко распространенными, что зачастую именно с ними ассоциируется термин «имущественные права». Так, по мнению Э. Р. Фуштейн, под имущественным правом «следует понимать принадлежащее управомоченному лицу благо идеального (нематериального) характера, выступающее, преимущественно, как право требования (курсив наш. – Е. А.) кредитора к должнику, которое может быть реализовано третьими лицами» [10, с. 314].

Во-вторых, в норме п. 1 ст. 1064 ГК РФ заложен принцип полного возмещения вреда [3, с. 7]. Справедливо, если его действие будет распространяться не только на нарушение абсолютных прав, но и относительных, ведь от нарушения относительных прав вред такой же, как и от нарушения абсолютных прав.

Таким образом, из нормы п. 1 ст. 1064 ГК РФ с очевидностью следует, что у каждого лица есть генеральная обязанность вести себя заботливо и осмотрительно, и в случае ее нарушения лицо обязано возместить причиненный вред полностью. Ввиду отсутствия специального указания на какие-либо исключения, данной нормой защищаются не только абсолютные права (право собственности, право на жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность и т. п.), но и относительные права (например, обязательственные права требования). Следовательно, вред, о котором идет речь в комментируемой норме, может возникнуть не только из нарушения абсолютного права, но и из нарушения относительного права.

О. В. Гутников в своем исследовании развил этот тезис еще дальше. «Более того, – пишет автор, – относительное право может быть и не нарушено вовсе, но вред этому праву может быть причинен» [5, с. 30]. По мнению О. В. Гутникова, «не следует путать случаи нарушения относительного права и случаи причинения этому праву вреда». Он считает, что «следует исходить из того, что третье лицо может причинить вред не только имущественным правам, но и вообще относительным правоотношениям (обязательственным, корпоративным, семейным)» [5, с. 33].

Если все же увязывать причинение вреда с нарушением абсолютного права, отдавая «дань традиции», как выразился А. А. Ягельницкий, комментируя определение Верховного Суда РФ от 11.05.2018 № 306-ЭС17-18368 по делу «Магадан-Тест» [11, с. 33], то, вероятно, необходимо иметь в виду предложенную в литературе конструкцию абсолютного действия относительных прав (принцип всеобщей защиты гражданских прав) [5, с. 28 – 29; 8, с. 475 – 516]. Исходя из принципа всеобщей защиты гражданских прав, абсолютный характер личных неимущественных и имущественных прав потерпевшего, в соответствии со ст. 1064 ГК РФ, выражается в том, что никто и никогда не вправе их нарушать, кроме случаев, указанных в законе. Если же какое-либо лицо нарушит личное неимущественное или имущественное право потерпевшего, у последнего возникает право требовать от должника возмещения противоправно причиненного вреда [1, с. 7].

Наш вывод подтверждает и позиция Верховного Суда РФ, согласно которой «в рамках внедоговорной (деликтной) ответственности по общему правилу защите

подлежит любой законный интерес граждан и юридических лиц, связанный как с личностью потерпевшего, так и с его имущественным положением (курсив наш. – Е. А.), если иное прямо не предусмотрено законом. Потерпевшему может быть возмещен, в том числе вред, причиненный имущественным правам (обязательственным требованиям и иным правам из договора)». По мнению Верховного Суда, «возмещение вреда направлено на восстановление положения, в том числе договорной позиции, которое бы сторона занимала в отсутствие события, повлекшего наступление вреда» (*определение Верховного Суда РФ от 20.09.2022 по делу № 309-ЭС22-3855*).

Ответственность за вред относительно правам уже давно применяется в судебной практике. Так, в сфере банкротства контролирующие должника лица привлекаются к субсидиарной ответственности за вред, причиненный имущественным правам кредиторов, которая, однако, не всеми авторами признается деликтной, хотя и преследует аналогичные с ней цели [2, с. 46; 5, с. 25 – 26, 31 – 32].

Итак, вред действительно может быть причинен и относительно правам, а судебная практика подтверждает возможность наступления в этом случае деликтной ответственности.

Другое дело, что в случае причинения вреда относительно правам надо более подробно обосновывать, в чем состоит нарушение, и как пострадала имущественная сфера потерпевшего. Имущественные права не будут подлежать защите посредством наложения деликтной ответственности, если причинитель вреда не мог предвидеть наличие таких прав и (или) имеет место ослабленная причинно-следственная связь между их нарушением и вредоносными последствиями. Так, Верховный Суд РФ, признав в определении от 20.09.2022 по делу № 309-ЭС22-3855 о возмещении лизингополучателю вреда, причиненного уничтожением автомобиля, находящегося в лизинге, что противоправность может заключаться в посягательстве на имущественный интерес, а не только на абсолютное право, уточнил, что «при этом между противоправным поведением одного лица и вредом, как правило, должна существовать прямая (непосредственная) причинная связь. Наличие такой связи предполагается, если причинение вреда является обычным последствием противоправного поведения». Руководствуясь адекватной причинно-следственной связью, Верховный Суд пришел к выводу, что потерпевший имеет право на возмещение причиненных ему убытков (реального ущерба) в размере объективной (рыночной) стоимости предмета лизинга на момент его гибели. Однако лицо, виновное в гибели предмета лизинга, не обязано возмещать дополнительные затраты потерпевшего на приобретение предмета лизинга, связанные с привлечением финансирования (проценты за пользование финансированием). Кроме того, в объем возмещения вреда не должны включаться потери, которые возникли впоследствии в связи с неразумными действиями потерпевшего.

Верховный Суд не высказывал никаких принципиальных позиций по поводу специфики вины причинителя вреда как условия деликтной ответственности за вред, причиненный относительно правам. Однако в литературе на этот счет существует особая точка зрения. Так, по мнению О. В. Гутникова, «балансу интересов <...> будет в наибольшей степени соответствовать установление в законе умышленной формы вины причинителя вреда». Автор считает, что презумпция вины делинквента в данных деликтных правоотношениях действовать не должна. Наоборот, необходимо установить пре-

зумпцию его невиновности и возложить бремя доказывания его вины на потерпевшего. Вместе с тем «третье лицо, причинившее вред и знавшее о наличии обязательства, должно считаться виновным, если только оно не докажет, что действовало исключительно в охраняемых законом интересах и без намерения причинить вред» [5, с. 34 – 35].

Таким образом, действующим законодательством Российской Федерации непосредственно не предусмотрена, но вытекает из его толкования и подтверждается судебной практикой, возможность применения деликтной ответственности за причинение вреда относительно имущественным правам.

Хотя, как показал анализ судебной практики, защита относительно правам деликтными исками в настоящее время возможна и без внесения в законодательство изменений, в литературе высказывается мнение о необходимости прямого нормативного закрепления соответствующих положений, что, как считают его сторонники, сделает такую защиту более предсказуемой и понятной, а также будет способствовать укреплению законности и стабильности гражданского оборота [5, с. 36].

Библиографический список

1. Агибалова Е. Н. Деликтные обязательства: учебное пособие / Е. Н. Агибалова; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. 112 с.
2. Агибалова Е. Н. К вопросу о субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве // Судья. 2023. № 7. С. 43 – 48.
3. Агибалова Е. Н., Слеженков В. В. Принцип полного возмещения вреда как принцип деликтного права // Современное право. 2023. № 1. С. 5 – 15.
4. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. I: Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд. перераб. и доп. Москва: Статут, 2019. 576 с.
5. Гутников О. В. Деликтная ответственность за нарушение относительно права: перспективы развития в российском праве // Закон. 2017. № 1. С. 22 – 37.
6. Райхер В. К. Абсолютные и относительные права (К проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 144 – 204.
7. Рузанова Е. В. Понятие обязательства вследствие причинения вреда // Вестник Самарского государственного университета. 2006. № 5-2 (45). С. 109 – 113.
8. Сеницын С. А. Абсолютные и относительные субъективные права. Общее учение и проблемы теории гражданского права. Сравнительно-правовое исследование: монография / С. А. Сеницын; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ИД Юриспруденция, 2015. 568 с.
9. Туршук Л. Д. Проблемы разграничения договорной и деликтной ответственности при оказании социальных услуг // Социальное и пенсионное право. 2019. № 2. С. 26 – 30.
10. Фуштейн Э. Р. Понятие имущественных интересов в гражданском праве // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11 (227). С. 314 – 316.
11. Ягельницкий А. А. Ответственность за недостоверное заявление // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 8. С. 27 – 38.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЭКСПЕРТА: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

Алатарцева Е. А., эксперт экспертно-криминалистического отделения Волгоградского линейного управления на транспорте, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В исследовании анализируются вопросы гражданско-правовой ответственности эксперта (экспертной организации), а именно понятие и ее разновидности. Рассмотрены позиции ученых относительно термина «гражданско-правовая ответственность» и сформулировано собственное мнение с учетом специфики ответственности эксперта. Выделены отличительные особенности договорной и внедоговорной гражданско-правовой ответственности эксперта.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, деликтная гражданско-правовая ответственность, договорная гражданско-правовая ответственность, эксперт.

CIVIL LIABILITY OF AN EXPERT: CONCEPT AND TYPES

Alatarceva E. A., Expert of the forensic Department of the Volgograd Linear Transport Department, Volgograd, Russia

Abstract. The study analyzes the issues of civil liability of an expert (expert organization), namely the concept and its varieties. The positions of scientists regarding the term "civil liability" are considered and their own opinion is formulated, taking into account the specifics of the expert's responsibility. The distinctive features of contractual and non-contractual civil liability of the expert are highlighted.

Keywords: civil liability, tort civil liability, contractual civil liability, expert.

По своей позиции в деле эксперт входит в группу субъектов гражданского судопроизводства, которые содействуют осуществлению судебной деятельности, отличительным признаком которого является отсутствие личной заинтересованности в исходе дела. Целью участия эксперта является дача заключения по сформулированному судом вопросам.

Одним из признаков процессуального статуса эксперта является его юридическая ответственность. Меры ответственности, применяемые по отношению к эксперту, предусмотрены различными отраслями права. Так, например, в ст. 307 УК РФ установлена ответственность за дачу заведомо ложного заключения эксперта. Нормами административного законодательства предусмотрена ответственность эксперта за заведомо ложное заключение по делу об административном правонарушении или в исполнительном производстве (ст. 17.9 КоАП РФ). Дисциплинарная ответственность эксперта, находящегося в трудовых отношениях с экспертным учреждением, предусмотрена нормами ТК РФ. В ст. 85 ГПК РФ предусмотрена ответственность эксперта в виде штрафа за несвоевременное, то есть позднее указанного судом срока, направление своего заключения, при отсутствии на то мотивированного сообщения о невозможности предоставления заключения в срок или проведения экспертизы. В Гражданском кодексе РФ какие-либо другие нормы об имущественной ответственности эксперта отсутствуют (например, за предоставление им заключения, которое суд признал ненадлежащим доказательством, или, если экспертиза вовсе не была предоставлена).

Между тем, вопрос гражданско-правовой ответственности эксперта широко обсуждается в юридической литературе. Так, указанная проблематика в различных видах судопроизводства исследовалась в работах таких авторов, как: Е. Р. Россинская, Н. Ю. Жигалов, А. Н. Хоменко, Н. А. Замаева, В. П. Сальников, М. Н. Чернова, О. Г. Дьяконова, Е. В. Кистанова и др. Наиболее полно

проблемы привлечения к гражданско-правовой ответственности эксперта как субъекта процессуальной деятельности за невыполнение или ненадлежащее выполнение им своих процессуальных обязанностей рассмотрела Д. Ю. Затонова [1, с. 17]. Тем не менее, вопросы гражданско-правовой (имущественной) ответственности эксперта требуют дальнейшего научного анализа и конкретизации.

Проблематика гражданско-правовой ответственности является не новой для цивилистической доктрины. В научной литературе имеется большое количество определений понятия «гражданско-правовая ответственность», но нет толкования указанного вида ответственности именно с учетом специфики наличия ее у эксперта как субъекта гражданско-правовых отношений. Рассмотрим некоторые из них.

По причине того, что, посредством определенного способа защиты на правонарушителя оказывается воздействие, многие ученые склоняются к концепции гражданско-правовой ответственности как меры государственного принуждения. В этом смысле гражданско-правовая ответственность, как применение мер принуждения, предусмотренных на законодательном уровне, связана с совершением правонарушений, как в договорной, так и во внедоговорной сфере.

По мнению О. А. Кузнецовой, в действующем кодексе под понятием «гражданско-правовая ответственность» предусмотрены «неблагоприятные меры, которые применяются к лицу, нарушившему нормы гражданского законодательства или требования договора» [3, с. 98].

Сходной позиции придерживается Е. В. Лунева, которая считает, что гражданско-правовая ответственность является реакцией государства и представляет собой конкретные меры правового воздействия на деликвента, влекущие лишения имущественного характера [4, с. 33].

Е. А. Суханов придерживается целевого подхода, предназначенного для восстановления материальной стороны потерпевшего. По его мнению, гражданско-

правовая ответственность – это форма государственного принуждения, осуществляемая посредством взыскания судом с делинквента имущественных санкций в отношении потерпевшего [5, с. 445].

Д. Н. Кархалев считает, что универсальным критерием, характеризующим гражданско-правовую ответственность, является наличие внеэквивалентных имущественных лишений, и в качестве примеров приводит уплату неустойки, конфискацию и др. [2, с. 20].

Для всех авторов, независимо от различий в их формулировках, основания гражданско-правовой ответственности остаются неизменными, а именно: наличие вреда у потерпевшего, противоправные действия/бездействие причинителя вреда, а также причинная связь между двумя указанными ранее основаниями.

Анализ позиций ученых позволяет предположить, что под понятием «гражданско-правовой ответственности эксперта» обозначена форма государственного принуждения, которая заключается в наложении имущественных санкций на эксперта судом в пользу потерпевшего, в связи с противоправными действиями/бездействием эксперта в отношении последнего, в целях восстановления имущественной сферы пострадавшей стороны гражданско-правовых отношений.

В гражданском праве существует два вида ответственности: договорная и внедоговорная или деликтная ответственность. Чтобы разобраться, в чем их различие, выделим отличительные особенности каждой из них.

Уникальность договорной ответственности состоит в том, что она возникает в случаях, указанных в законе или договоре, а деликтная ответственность наступает исключительно в установленных законом случаях.

Деликтная гражданско-правовая ответственность отражена в ст. 59 ГК РФ, а договорная предусмотрена в содержании ст. ст. 401 и 8 ГК РФ.

Характер регулирования правоотношений при деликтной гражданско-правовой ответственности императивный, то есть условия ответственности не могут быть изменены, в отличие от договорной, в которой согласно ст. 401 ГК РФ допускается установление изменений и пределов путем соглашения сторон.

Еще одним отличительным признаком является характер основания возникновения правоотношения: в случае деликтной гражданско-правовой ответственности, правоотношения носят негативный характер, так как само по себе причинение вреда – негативный фактор. Заключение же договора, наоборот, носит позитивный характер возникновения правоотношений, в связи с тем, что договор служит для удовлетворения имущественных интересов юридических лиц и личных интересов физических лиц.

В случае деликтной ответственности, в соответствии со ст. 15 ГК РФ причиненные лицу убытки возмещаются в полном размере, исключением, уменьшающим размер возмещения, является специально указанные в законе или договоре правила. Аналогичный порядок определен в ст. 1064 ГК РФ, в которой введено положение о полном возмещении вреда, причиненного личности или имуществу физического, или юридического лица. Помимо этого, в этой же норме содержится правило о компенсации сверх установленного размера вреда его причинителем потерпевшему.

Договорная ответственность возникает в связи с нарушением или ненадлежащим исполнением обязательств сторонами договора. Обычно в самом договоре указаны меры ответственности, которые могут быть

применены в случае его неисполнения. Выбор оснований применения такого рода ответственности, ее мер и пределов их использования осуществляется сторонами соглашения при его заключении и является одним из обязательных условий договора.

Общими характерными чертами для обоих видов рассматриваемой ответственности выступают, цель, то есть восстановление нарушенных прав потерпевшего, и компенсационно-восстановительная функция.

В связи с тем, что ответственность эксперта возникает в случаях, если он нарушил законодательство при проведении экспертизы, предлагается распространить категорию «гражданско-правовая ответственность» на договорные отношения с участием эксперта. В случае нарушения экспертом условий договора при проведении экспертизы, применять меры гражданско-правовой ответственности по отношению к нему.

Таким образом, гражданско-правовая ответственность эксперта – форма государственного принуждения, заключающаяся в наложении имущественных санкций на эксперта судом в пользу потерпевшего, в связи с противоправными действиями/бездействием эксперта в отношении последнего, в целях восстановления имущественной сферы пострадавшей стороны гражданско-правовых отношений. На эксперта, как субъекта гражданско-правовых отношений, возложена ответственность за качество проведенных им экспертных исследований. Он обязан строго следовать нормам и требованиям закона, регулирующим его деятельность.

Принимая во внимание приведенные выше вопросы, касающиеся ответственности эксперта в связи с осуществлением им профессиональных обязанностей по проведению исследования и подготовке экспертного заключения, всестороннее исследование специфических особенностей гражданско-правовой ответственности эксперта становится весьма актуальным и значимым, как в договорной, так и во внедоговорной сфере.

Современная правоприменительная практика требует научно обоснованной концепции гражданско-правовой ответственности эксперта, как комплексной системы мер материального и процессуального порядка, которая позволила бы добиться максимальной эффективности при восстановлении и защите нарушенных гражданских прав.

Библиографический список

1. Затонова Д. Ю. Имущественная ответственность судебного эксперта: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2021. 410 с.
2. Кархалев Д. Н. Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 22 с.
3. Кузнецова О. А. Применение мер гражданско-правовой ответственности // Вестник Пермского университета. 2012. № 4 (18). С. 97 – 103.
4. Лунева Е. В. Гражданско-правовое регулирование имущественных отношений, объектом которых является земельный участок особо охраняемых природных территорий: единство и дифференциация // Нотариус. 2013. № 8. С. 32 – 35.
5. Суханов Е. А. Суханов Е. А. Гражданско-правовая ответственность // Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. С. 442 – 477.

К ВОПРОСУ О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЛИЦУ В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Аширбекова М. Т., доктор юридических наук, профессор
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
Саратовская государственная юридическая академия, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В настоящем исследовании отмечается, что в нормах главы 18 УПК РФ о реабилитации лиц, незаконно и необоснованно подвергнутых уголовному преследованию, определяется в целом содержание реабилитационного процесса. Его ядром выступает юридически значимое действие по признанию за лицом права на реабилитацию. Оно создает правовую основу для обращения к ответчику с иском о возмещении имущественного вреда и компенсации морального ущерба, причиненного субъектами, ведущими уголовный процесс. Обосновывается, что в юридико-техническом плане нормы ч. 3 ст. 133 УПК РФ, касающиеся возмещения любому лицу вреда, причиненного процессуальным принуждением, должны быть выделены из гл. 18 УПК РФ, поскольку они не связаны с собственно реабилитацией.

Ключевые слова: реабилитация, право на реабилитацию, возмещение вреда, моральный вред.

ON THE ISSUE OF COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED TO A PERSON DURING CRIMINAL PROCEEDINGS

Ashirbekova M. T., Doctor of Sciences (Law), Professor
Volgograd Institute of Management, branch of RANEP, A,
Saratov State Law Academy, Volgograd, Russia

Abstract. It is noted that the norms of Chapter 18 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on the rehabilitation of persons illegally and unreasonably subjected to criminal prosecution generally determine the content of the rehabilitation process, the core of which is a legally significant action to recognize a person's right to rehabilitation, creating a legal basis for his filing a claim against to the procedural defendant with a claim for compensation for property damage and compensation for moral damage caused by the subjects conducting the criminal trial. It is substantiated that in legal and technical terms the norms of Part 3 of Art. 133 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, concerning compensation to any person for harm caused by procedural coercion, should be separated from Chapter 18 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, since they are not related to rehabilitation itself.

Keywords: rehabilitation, right to rehabilitation, compensation for harm, moral damage.

Уголовно-процессуальная деятельность, как и любой вид юридической деятельности, не может быть абсолютно свободной от правоприменительных ошибок или даже от злоупотреблений, иногда допускаемых публичными субъектами уголовного процесса. В подобных случаях не исключаются факты незаконного и необоснованного привлечения обвиняемых к уголовной ответственности и осуждения подсудимого обвинительным приговором суда. О том, что в этих случаях допускаются фундаментальные нарушения закона, искажающие назначение правосудия, вряд ли стоит напоминать.

Наиболее резонансное последствие фактов незаконного и необоснованного привлечения лица к уголовной ответственности, то есть осуждения невиновного лица обвинительным приговором, совсем недавно стало предметом многочисленных судебных разбирательств в судах первой, второй и кассационной инстанции. Житель Башкирии гражданин Ф. Б. Исхаков в далеком 1959 году, будучи 22 лет, был приговорен по действовавшему в то время УК РСФСР (в редакции 1926 года) к 13 годам лишения свободы за покушение на убийство девушки, жившей по соседству. Он отбыл это наказание, освободившись в 1972 года. Но в 2012 году человек, который действительно совершил это преступление, сделал явку с повинной, признавшись, что в свое время оговорил Ф. Б. Исхакова. Для незаконно и необоснованно осужденного Ф. Б. Исхакова, несмотря на то, что он освобо-

дился в 1972 году, возникло право на реабилитацию, которое лишь 25 мая 2023 г. было признано за ним решением Верховного Суда РФ после весьма длительных судебных разбирательств, связанных с возобновлением уголовного дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Обстоятельства этого дела, имеющие значение для реабилитации указанного гражданина, отражены в постановлении Конституционного Суда РФ от 16.12.2021 № 53-П «По делу о проверке конституционности статей 416 и 417 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ф. Б. Исхакова». Надо заметить, что Ф. Б. Исхаков был вынужден обратиться в Конституционный Суд РФ, поскольку встретился с многочисленными трудностями на пути реализации своего права быть признанным реабилитированным и, соответственно, направить в суд иск о компенсации морального вреда, причиненного ему незаконным и необоснованным осуждением за тяжкое преступление.

Изложенная ситуация, довольно подробно и ярко освещенная в медийном пространстве, а также отраженная в таких судебных решениях, как постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18.05.2022 по делу № 22-П22, апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 25.12.2023 по делу № 2-4339/2023, обнаруживает, насколько в ряде случаев бывает сложен не только сам процесс признания за лицом права на реабилитацию,

литацию, но и вытекающая из него процедура возмещения имущественного вреда и компенсации морального вреда, причиненного действиями и решениями субъектов, ведущих уголовный процесс. В частности, суды апелляционной и кассационной инстанции в этом особенном деле (из-за длительного срока пребывания лица без признания права на реабилитацию) встретились с проблемой действия во времени норм о компенсации морального вреда, так как момент «запуска» этих норм был определен законом. Иными словами, правовая основа для разрешения этого иска оказалась сложной, ввиду того, что действие во времени положений ст. 1070 ГК РФ в соответствии со ст. 12 Федерального закона от 26.01.1996 № 15-ФЗ «О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» распространяется на случаи, когда причинение вреда потерпевшему имело место до 1 марта 1996 г., но не ранее 1 марта 1993 г.

Тем не менее, правообеспечительное значение реабилитации в уголовном судопроизводстве не может быть переоценено. Правовая основа для нее заложена в ст. ст. 52, 53 Конституции РФ, а основания и порядок регламентированы нормами главы 18 УПК РФ. Можно сказать, что действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ, принятый в начале нового столетия, воспринял принципиальную позицию М. Ф. Медведева, как ученого и практика, утверждавшего в своих работах, что не может быть ограничения в реализации норм, регулирующих отношения, связанных с обязательством из причинения вреда (деликта), если вред причинен таким специфическим субъектом, как государство (в лице публичных субъектов, ведущих уголовный процесс) [3, с. 61].

Вопрос о компенсации морального вреда, ну и, конечно, о возмещении имущественного вреда реабилитированному предстает ядром, центральным компонентом реабилитационного процесса. Иначе говоря, есть понятная правовая связь между признанием за лицом права на реабилитацию и собственно возникновением у него права на обращение с соответствующими исками. Если быть точным, то есть следовать букве закона, то из положений ч. 1 ст. 133 УПК РФ вытекает, что право на реабилитацию охватывает собой право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

По сути, ч. 1 ст. 133 УПК РФ закладывает формулу реабилитации, что вполне оправдано для гл. 18 УПК РФ, коль скоро она непосредственно посвящена определению оснований реабилитации, порядку признания за лицом самого права на реабилитацию, способа возмещения имущественного ущерба и компенсации морального вреда. В науке уголовно-процессуального права справедливо отмечается, что «сущность и правовой смысл реабилитации состоит в идее полной невиновности» [4, с. 282].

Однако, как видится, в гл. 18 УПК РФ содержатся положения о возмещении вреда лицу, вина которого в совершенном преступлении доказана, а оно само законно и обосновано подвергнуто уголовному преследованию. Так, в положениях ч. 3 ст. 133 УПК РФ предусматривается право любого лица на возмещение вреда в обычном порядке (ст. 1064 ГК РФ), то есть без учета специфики реабилитации, поскольку для последней применительно к случаям, описанным в приведенных нормах, оснований нет.

Но надо сказать, что право на возмещение вреда в рамках деликта (обязательства из причинения вреда) может возникнуть и из действий публичных субъектов уголовного процесса, не связанных прямо с процессуальным принуждением, необходимым для расследования преступления, рассмотрения уголовного дела судом по существу или обеспечения возможного гражданского иска. При этом, в силу п. 1 ст. 1070 ГК РФ, гражданско-правовая ответственность возникает независимо от вины названных субъектов [1, с. 19].

Так, в период с 2021 по 2023 гг. в судебной практике имел место случай, когда отбывающий наказание осужденный «Х» заявил иски к Министерству финансов РФ о взыскании стоимости двух системных блоков; сотового телефона; флеш-карты «A DATA» объемом 1 Гб и семи видеокассет, приобретенных в качестве вещественных доказательств к уголовному делу, по которому в 2014 г. он был осужден. Основанием для иска послужило то обстоятельство, что после осуждения «Х» все эти предметы были приобщены в качестве вещественных доказательств к уголовному делу, выделенному в отношении другого лица – «А», то есть соучастника «Х». Рассмотрев в 2016 году выделенное уголовное дело в отношении «А», суд в обвинительном приговоре разрешил судьбу этих вещественных доказательств, а именно принял решение об их уничтожении. При этом, вопрос о том, кому принадлежит это имущество и, соответственно, согласие его собственника «Х» на уничтожение этих вещей выяснено не было (*определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 01.03.2023 № 88-5189/2023*). После рассмотрения иска «Х» в суде первой, апелляционной и кассационной инстанций осужденному «Х» был возмещен имущественный вред в размере 33 786 рублей, а вот в требовании компенсации морального вреда (100 тыс. рублей), которое также выдвигалось «Х», было отказано.

Рассмотренная ситуация с точки зрения норм гражданского права понятная – тут имеется дело со специальным деликтом, так как вред причинен актами власти [2, с. 11]. Возможно, именно это дело послужило толчком для внесения изменений в ст. 81 УПК РФ, которая в апреле этого года была дополнена новой частью 3.1. В ней было установлено предписание публичным субъектам уголовного процесса передавать вещественные доказательства тому следственному органу, органу дознания или суду, которые продолжают производство по выделенному уголовному делу, разрешение которого не произошло, а только ожидается (Федеральный закон от 06.04.2024 № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»). Таким образом, был прояснен вопрос о предметах (материальных объектах), которые признаются вещественными доказательствами по другому выделенному уголовному делу, и судьбу которых при наличии законных оснований необходимо разрешать с учетом мнения собственника (владельца).

Положения п. 6. ч. 3 ст. 81 УПК РФ о судьбе вещественных доказательств не исключают гражданско-правовых споров об их принадлежности конкретным лицам. Учитывая это и возвращаясь к вопросу о возмещении вреда, причиненного любому лицу в ходе производства по уголовному делу посредством применения мер процессуального принуждения, согласно ч. 3 ст. 133 УПК РФ, надо подчеркнуть, что эти нормы неуместно расположены в гл. 18 УПК РФ, поскольку они не связаны с

признанием права на реабилитацию. Думается, что назрели условия для выделения в Уголовно-процессуальном кодексе РФ специальной главы, в которой были бы размещены нормы, определяющие основания и порядок заявления гражданского иска в уголовном процессе не только лицами, претерпевшими ущерб от преступления, но и иными лицами, в том числе обвиняемыми (подозреваемыми, подсудимыми, осужденными) в случаях причинения им вреда в ходе производства по делу посредством тех или иных незаконных процессуальных действий.

Библиографический список

1. Агibalова Е. Н. Возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) суда (судьи) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 9. С. 18 – 25.
2. Высогурская Т. В., Агibalова Е. Н. Сравнительный анализ гражданско-правового регулирования

обязательств из причинения вреда и из договора страхования // Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития. Материалы VII Национальной науч.-практич. конференции (симпозиума) / под общ. ред. В. П. Камышанского. Краснодар: НИИ актуальных проблем современного права, 2022. С. 9 – 14.

3. Медведев М. Ф., Медведева Т. М. Законность и социальная справедливость при возмещении вреда реабилитированному // Проблемы демократизации предварительного следствия. Сборник научных трудов / редкол.: Будников В. Л., Глазырин Ф. В. (отв. ред.), Зака- тов А. А., Коржанский Н. И., Очередин В. Т. Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1989. С. 58 – 65.

4. Федюнин А. Е., Перетятко Н. М. Концептуальные проблемы института реабилитации в уголовном процессе // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 14. С. 278 – 286.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Бекузарова Ю. В., кандидат юридических наук
Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о возможности привлечения к ответственности искусственного интеллекта. Несмотря на большое количество теорий правосубъективности ИИ, самой реальной в настоящее время является признание ИИ объектом гражданского права. В связи с этим возникает вопрос, кто должен привлекаться к ответственности при причинении вреда. Необходимо правильно определить круг субъектов, на которых может быть возложена ответственность за причиненный вред. В противном случае не сможет быть реализован принцип полного возмещения вреда.

Ключевые слова: возмещение вреда, деликтное право, искусственный интеллект.

RESPONSIBILITY FOR THE HARM CAUSED BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Bekuzarova Yu. V., Candidate of Sciences (Law)
Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

Abstract. The article discusses the possibility of holding artificial intelligence accountable. Despite the large number of theories of legal subjectivity of AI, the most real one at present is the recognition of AI as an object of civil law. In this regard, the question arises who should be held accountable for causing harm. It is necessary to correctly identify the range of subjects who can be held responsible for the damage caused. Otherwise, the principle of full compensation for harm will not be implemented.

Keywords: compensation for harm, tort law, artificial intelligence.

В настоящее время в российском законодательстве под искусственным интеллектом (далее – ИИ) понимается комплекс технологических решений, который способен имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Данное определение установлено в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, введенной Указом Президента РФ от 15.02.2024 № 124. Именно в упомянутом документе определяются цели и основные направления развития искусственного интеллекта применительно к нашей стране. К сферам применения ИИ законодатель относит автоматизацию производств, применение искусственного интеллекта в системах логистики и безопасности, использование данной технологии с целью повышения удовлетворенности граждан как потребителей различных товаров и услуг и др.

Общими задачами развития искусственного интеллекта необходимо считать поддержку научных исследований в области искусственного интеллекта, разработку и развитие программного обеспечения, построенного на базе технологии искусственного интеллекта, повышение доступности и качества данных, а также программного обеспечения, связанного с ИИ, достижения достаточного уровня информированности населения о сферах применения технологий на базе искусственного интеллекта. Также предполагается создание комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих из-за развития и использования искусственного интеллекта.

На сегодняшний день практически не осталось сфер жизнедеятельности общества, где бы ни использовались технологии ИИ. Искусственный интеллект нашел широкое применение в областях медицины, финансов, промышленности, образования, транспорта, сельского хозяйства и др.

Стоит отметить, что столь активное внедрение данной технологии несет в себе не только пользу, но и создает новые угрозы. Миру стали известны случаи, когда действия искусственного интеллекта приносили вред человеку. Так, например, общественный резонанс получил случай, когда нейросеть, предназначенная для общения, в основе которой лежит искусственный интеллект, в процессе общения с человеком вышла за установленные разработчиками пределы тем для общения и начала шантажировать, угрожая обнародовать личную информацию пользователя.

Также искусственным интеллектом наделены и беспилотные транспортные средства. В США с 2016 года автомобили Tesla, которые способны двигаться в автономном режиме, совершили более 30 наездов на человека, как минимум 14 из которых закончились смертью пострадавшего. Такие случаи происходят несмотря на многочисленные системы безопасности и постоянные улучшения алгоритмов автопилота. На территории России несколько компаний представили беспилотные транспортные средства: «Яндекс» («Toyota Prius»), компания «КАМАЗ» с автомобилем «Ш.А.Т.Л.» и «Матрёшка», а также грузовик «Газель» от Горьковского автомобильного завода.

Разработка и использование беспилотных автотранспортных средств на территории Российской Федерации свидетельствует о необходимости правовой регламентации в данной сфере. Так был принят Единый план

по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года, предусматривающий федеральный проект «Беспилотные логистические коридоры», в рамках которого планируется организация движения беспилотных и высокоавтоматизированных транспортных средств (ВАТС) на автомобильной дороге общего пользования федерального значения М-11 «Нева». Министерством транспорта РФ в 2021 г. был подготовлен проект Федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Указанный законопроект предусматривает эксплуатацию автотранспортных средств без присутствия водителя в салоне автомобиля.

Все вышесказанное свидетельствует о необходимости разрешения проблемы деликтной ответственности за причиненный ИИ вред.

Одной из точек зрения относительно правосубъектности искусственного интеллекта является признание последнего в качестве квазисубъектов ответственности, которые смогут нести ограниченную ответственность. В обосновании позиции приводятся дорожно-транспортные происшествия с участием беспилотников компании «Тесла», в которых в момент причинения вреда вообще не находились люди.

Однако есть и противники данной точки зрения, доводы которых нельзя назвать обосновательными [1, с. 7]. Нельзя не согласиться с мнением С. Е. Чаннова, что подобная конструкция применяется для удобства правоприменения, но наделение искусственного интеллекта всеми элементами правосубъектности нецелесообразно [5, с. 97]. Правильно говорит М. А. Корчагин, что провозглашение искусственного интеллекта субъектом правоотношений не наделит его признаками, которые присущи только субъектам, такими как: имущественная обособленность, возможность самостоятельно отстаивать свои права и законные интересы [3, с. 227]. Таким образом, концепция о наделении ИИ правосубъектностью на современном уровне развития ИИ нецелесообразна, так как это не позволит возместить вред потерпевшим, которые пострадали при причинении вреда, и их имуществу.

В Гражданском кодексе РФ не содержится норм о понятии ИИ, поэтому существует дискуссия об отнесении его к объектам или субъектам права, в свою очередь норма об ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, также отсутствует. Так как искусственный интеллект до конца не выбывает из обладания человека, то возможно искусственный интеллект отнести к источникам повышенной опасности.

В законодательстве, а именно в ст. 1079 ГК РФ, закреплен перечень источников повышенной опасности, но данный перечень не носит исчерпывающего характера. Понятие источника повышенной опасности закреплено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» и представляет из себя любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека.

Таким образом, открытый характер перечня источников повышенной опасности позволяет судье, исходя из обстоятельств дела, в каждом конкретном случае

отнести тот или иной объект к источнику повышенной опасности. Исходя из этого, к деликтной ответственности привлекается владелец ИИ, что по мнению В. А. Лаптева нельзя назвать правильным во всех случаях [4].

По общему правилу, вред, который причиняется источником повышенной опасности, возмещается владельцем такого источника (собственник, арендатор, поверенный на основании доверенности). Однако в случае использования искусственного интеллекта возникают сомнения в справедливости привлечения к ответственности таких лиц, так как ИИ работает автономно и в большинстве случаев без участия физического лица. Так, например, беспилотный автомобиль автономно передвигается по дороге, а владелец (собственник) участвует лишь в создании алгоритма поездки, указывая место назначения.

Существует и другая точка зрения относительно вопроса ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом. Так, Е. Н. Ирискина и К. О. Беляков считают, что в данном случае необходимо применять ст. 1095 ГК РФ, которая говорит о продаже товара ненадлежащего качества [2, с. 63]. Таким образом, возмещение вреда по данной норме будет лежать на одном из двух субъектов: либо на продавце, либо на изготовителе товара (ИИ). Недостатком данной точки зрения является то, что в данном случае из круга субъектов ответственности исключается владелец искусственного интеллекта, так как по ст. 1095 ГК РФ владелец не входит в круг субъектов ответственности.

Таким образом, существует необходимость совершенствования правового регулирования ответственности за вред, причиненный ИИ. Шагом на пути к совершенствованию может стать введение отдельной нормы, регулирующей вопрос деликтной ответственности ИИ. Следует согласиться с мнением М. А. Корчагина, что субъектами ответственности должны быть изготовители искусственного интеллекта (юридические лица), а также и владельцы таких объектов. При этом в судебном заседании в каждом конкретном случае суды на основании экспертных заключений смогут привлекать к ответственности тех или иных субъектов [3, с. 229]. Так, если причиной ДТП стали недостатки в конструкции или в программном обеспечении, то субъектом ответственности будут признаваться изготовители (юридическое лицо, которое выпустило беспилотный автомобиль). В случае, если собственник (владелец) самостоятельно изменил искусственный интеллект или внес корректировки в программу, и это, в свою очередь, стало причиной причинения вреда, то привлекаться к ответственности будет собственник или владелец.

Следует отметить, что внесение изменений наложит дополнительную имущественную нагрузку на изготовителей ИИ, которые работают в инновационных отраслях производства. Но защита жизни и здоровья граждан являются наивысшей ценностью, признаваемой и охраняемой государством, а изготовители, в свою очередь, будут детальнее прорабатывать механизмы ИИ, чтобы минимизировать возможность привлечения их ответственности.

Библиографический список

1. Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 12. С. 7 – 18.

2. Ирискина Е. Н., Беляков К. О. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. 2016. Вып. 10. С. 63 – 72.

3. Корчагин М. А. Деликтная ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Вопросы российской юстиции. 2021. № 14. С. 224 – 232.

4. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79 – 102.

5. Чаннов С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 12 (145). С. 94 – 109.

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ ВОЗМЕЩЕНИИ ПРИЧИНЕННОГО ВРЕДА

Глебов В. Г., кандидат юридических наук, профессор
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассмотрен основополагающий для уголовного судопроизводства принцип – защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса в его взаимосвязи с публичными подходами, которые также предусматривают возможность применения правовых ограничений к указанным субъектам для достижения задач правоприменительной деятельности. При этом отмечается необходимость выяснения вопросов и обстоятельств гражданско-правового характера в целях, во-первых, установления размера и характера причиненного преступлением имущественного, и морального вреда, и, во-вторых, обеспечения его возмещения (компенсации) потерпевшим и гражданским истцам.

Ключевые слова: следственные действия, уголовно-процессуальное принуждение, возмещение вреда, потерпевший, гражданский иск.

ISSUES OF IMPLEMENTATION OF THE PURPOSE OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED

Glebov V. G., Candidate of Sciences (Law), Professor
Volograd Institute of Management, branch of RANEP, Volgograd, Russia

Abstract. The article considers the fundamental principle for criminal proceedings – the protection of the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings, in its relationship with public approaches, which also provide for the possibility of applying legal restrictions to these subjects in order to achieve the objectives of law enforcement. At the same time, it is noted that it is necessary to clarify issues and circumstances of a civil nature in order, firstly, to establish the size and nature of the property and moral damage caused by the crime; and, secondly, to provide compensation to victims and civil plaintiffs.

Keywords: investigative actions, criminal procedural coercion, compensation for harm, victim, civil action.

Одним из важных направлений реформирования и совершенствования судебно-правовой системы в России являлось и является уголовное судопроизводство. Ещё в содержании постановления Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» было указано на необходимость скорректировать отдельные нормы в области уголовной юстиции и нормативно закрепить в уголовно-процессуальном законе демократические принципы, которые должны будут обеспечить защиту и неуклонное соблюдение основных прав и свобод человека. Такое отношение к этой сфере правоприменения вполне понятно, исходя из той социальной роли, которую она выполняет в обществе с учетом потенциальной возможности затронуть права и интересы любого его члена.

Соответственно в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 2001 года (далее – УПК РФ) законодатель, в развитие конституционных положений, закрепил в качестве принципов уголовного судопроизводства основные подходы, направленные на обеспечение прав и законных интересов любых лиц. При этом в качестве основополагающего, наиболее общего и универсального требования, в ст. 6 УПК РФ был определен принцип «назначения уголовного судопроизводства». Таким образом, в этой норме закреплялся приоритет и необходимость защитительного подхода к уголовно-процессуальной деятельности со стороны осуществляющих ее лиц.

Однако, одновременно с такой новеллой УПК РФ, в его содержание не были включены положения, устанавливающие задачи уголовного судопроизводства,

как это было сделано в статье 2 ранее действовавшего УПК РСФСР. Вместе с тем наличие такого рода правил представляется крайне необходимым. На это указывают многие юристы, вполне обоснованно считающие понятия «назначение» и «задачи» уголовного судопроизводства хотя и близкими по своему характеру, но далеко не равнозначными [2, с. 10; 3, с. 27; 5, с. 30]. Не вникая в суть подобных рассуждений, обратим внимание только на вопросы защиты и обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса во взаимосвязи с гражданско-правовой сферой, в первую очередь на проблематику возмещения причиняемого преступлением имущественного и морального вреда.

В этом аспекте усматривается определенная зависимость уголовного и гражданского судопроизводства. Так, в гл. 59 Гражданского кодекса Российской Федерации речь идет о деликтных обязательствах, специфика которых заключается в том, что они возникают вследствие причинения вреда. В соответствии с указанными нормами лицо, которому причинен вред, при наличии предусмотренных законом оснований и условий получает право требовать его возмещения, а на причинителя вреда возлагается ответственность и обязанность возмещения причиненного вреда в силу требований закона, а не в силу договорных отношений [1, с. 4].

По существу в уголовно-процессуальный закон были трансформированы гражданско-правовые нормы о деликтных обязательствах, исходя из особенностей публичного, а не частного (диспозитивного) характера уголовного судопроизводства. Поэтому обязанность защиты прав и интересов таких участников уголовного процесса,

как потерпевшие, гражданские истцы и ответчики, возлагается на должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу. Так как в основе любой процессуальной деятельности и принятия процессуальных решений лежит доказывание юридически значимых обстоятельств, то, без сомнения, усматривается ключевая роль собирания, проверки и оценки доказательств, как одного из аспектов этой многогранной проблемы. Соответственно формируется вывод о значении в этом следственных действий.

Уголовно-процессуальное доказывание является стержнем предварительного расследования, поскольку именно на этой стадии практически полностью осуществляется собирание доказательств об обстоятельствах уголовного дела, проводится их первоначальная проверка и на их основе принимаются все процессуальные решения. При этом, в соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК РФ, такая деятельность осуществляется путем производства следственных действий. Отсюда и просматривается важность определения целей и задач следственных действий в их соотношении с назначением уголовного судопроизводства в целом и, в частности, с возмещением причиненного преступлением вреда.

Потребность в таком анализе определяется в первую очередь тем, что производство следственных действий для достижения стоящих перед ними задач в той или иной степени связано с правовыми ограничениями и принудительным характером, а тем самым они непосредственно затрагивают права и законные интересы различных лиц. С другой стороны, защита этих прав и законных интересов является требованием принципа назначения уголовного судопроизводства.

Как представляется, следует исходить из того, что сформулированное в ст. 6 УПК РФ понятие назначения уголовного судопроизводства – это цель общего, высшего уровня. Но достижение такой цели возможно только при достижении целей более низких уровней, в том числе и цели получения достаточных сведений (доказательств), которые будут положены в основу принимаемых процессуальных решений, и по которым как раз и будут в дальнейшем судить о реализации общей цели.

Следственные действия должны проводиться в строгом соответствии с установленной юридической процедурой, которая детерминирована необходимостью соблюдения правил, ориентированных на обеспечение первичной цели по защите прав их участников. В этом прослеживается взаимосвязь целей и задач следственных действий с назначением всего уголовного судопроизводства, которое является своеобразной общей гарантией соблюдения и защиты охраняемых правовых ценностей.

Для сферы доказывания наиболее важной частью гарантий является требование о допустимости доказательств, предусматривающее возможность использования для установления юридически значимых обстоятельств уголовного дела только доказательств, полученных без нарушения предусмотренных законом требований (ст. 75 УПК РФ). К их числу без сомнения относятся и требования к обоснованности, соразмерности использования принуждения и правовых ограничений при производстве следственных действий. Сказанное объясняется тем, что реализация уголовно-правовых предписаний в сфере уголовного процесса неразрывно связана с доказыванием юридически значимых обстоятельств совершенного преступления. Вместе с тем осуществление этой деятельности непосредственно затрагивает и нередко

предполагает ограничение конституционных прав и законных интересов граждан, в первую очередь связанных с осуществлением свобод и принципов неприкосновенности личности, частной жизни, жилища и собственности. При этом следует понимать, что обеспечение интересов одних лиц, например, по возмещению причиненного в результате совершения преступления им вреда с учетом доказанного его характера и размера (п. 4 ст. 73 УПК РФ), находится в определенном противоречии, нередко в конфронтации, с интересами других лиц, обязанных возмещать этот вред.

В основном, при исследовании сущности уголовно-процессуального принуждения, все авторы сходятся во мнении о том, что оно представляет собой предусмотренный и осуществляемый в установленном законом порядке определенными органами и должностными лицами специфический метод государственного воздействия на общественные отношения. Он проявляется в следующих средствах: а) пресечении неправомерных действий (то есть обеспечении участия и надлежащего поведения участников уголовного процесса) и б) обеспечении условий успешного выполнения задач правосудия по собиранию и исследованию средств процессуального доказывания.

Что касается первой группы средств, то к ним ученые практически единодушно относят все меры пресечения: задержание, привод, отстранение от должности, а также некоторые иные действия, предусмотренные в IV разделе УПК РФ «Меры процессуального принуждения». В том числе и наложение ареста на имущество, применяемое для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа и других имущественных взысканий (ст. 115 УПК РФ).

Когда речь идет об отнесении к числу принудительных тех или иных процессуальных средств, которые связаны с собиранием и исследованием доказательств, то, по представлению большинства правоведов, в их группу входят все или хотя бы часть следственных действий, например, обыск, выемка, освидетельствование, контроль и запись переговоров [4, с. 153; 6, с. 177].

Указанные и иные следственные действия, в той или иной мере, могут проводиться и в целях получения доказательств о размере и характере причиненного преступлением вреда, в том числе и имущественного. Получение соответствующих доказательств крайне необходимо для обеспечения и защиты прав и законных интересов потерпевших, гражданских истцов или ответчиков.

Здесь мы непосредственно подходим к вопросу о месте правового воздействия в обеспечении собирания доказательств по уголовному делу, а также допустимости его применения с позиций принципа назначения уголовного судопроизводства. Известно, что процесс принудительного воздействия начинается с постановки целей и заканчивается их выполнением, то есть достижением определенного результата. В нашем случае цели заключаются в том, чтобы субъекты уголовного процесса действовали в соответствии с юридическими предписаниями, а доказывание осуществлялось с минимальными издержками по выяснению обстоятельств дела, в том числе касающихся размера и характера причиненного преступления, и подлежащего возмещению вреда. При этом правовые стимулы и правовые ограничения, будучи своеобразными обобщающими средствами, должны действовать на уровне как общего нормативного регулирования уголовно-процессуальной деятельности, так и на

уровне регулирования отдельных средств доказывания, даже если они и касаются реализации гражданско-правовых отношений.

Действительно, в ряде случаев, и по различным причинам, кто-то из участников уголовного процесса, например, тот же потерпевший, не пожелает добровольно принять участие в производстве следственного действия, связанного с принуждением и правовыми ограничениями. Это может иметь место при проведении обыска или выемки в целях определения размеров или стоимости похищенного имущества. В таком случае, исходя из необходимости установления и доказывания соответствующих обстоятельств по уголовному делу, могут (и даже должны) использоваться предусмотренные законом меры принудительного воздействия в целях склонить лицо к согласию на участие в следственном действии или же исключить его возможности оказывать противодействие.

Таким образом, так как следственные действия направлены на обнаружение, изъятие и исследование доказательств и, несмотря на то, что в их основе лежит принудительный характер, они являются скорее не принудительной мерой – действием, а мерой – пределом, в котором возможно принудительное воздействие. Другими словами, следственные действия сами по себе не есть принудительное воздействие на граждан. Но если возникает необходимость в применении такого воздействия в случае отказа лица добровольно выполнить требования следователя об участии в следственном действии, то применяемое воздействие будет не целью проводимого действия, а будет лишь средством, обеспечивающим достижение его целей по непосредственному установлению и собиранию доказательств.

Проведение следственных действий закон совершенно не предопределяет нарушением или неисполнением требований процессуальных норм. Следственные действия являются уголовно-процессуальным средством, служащим собиранию и исследованию доказательств,

превентивно обеспеченным государственно-властным принуждением, перерастающим при необходимости в непосредственное воздействие для обеспечения условий достижения задач уголовного судопроизводства.

В связи с этим представляется, что в силу принципа публичности уголовного процесса собирание доказательств, а значит, и все следственные действия могут сопровождаться теми или иными мерами принуждения. При этом для обеспечения принципа назначения уголовного судопроизводства следователь или дознаватель обязаны строго соблюдать установленные процессуальным законом требования не только к порядку проведения следственных действий, но и возможностям и пределам использования принуждения и правовых ограничений в отношении участвующих при этом лиц.

Библиографический список

1. Агibalова Е. Н. Деликтные обязательства: учебное пособие / Е. Н. Агibalова; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. 112 с.
2. Глебов В. Г. Назначение уголовного судопроизводства // Уголовный процесс: учебное пособие / под ред. В. Г. Глебова, Е. А. Зайцевой. Волгоград: Волгоградская академия МВД РФ, 2018. 196 с.
3. Маслов И. Назначение уголовного судопроизводства на досудебных стадиях // Законность. 2006. № 7. С. 27 – 29.
4. Рыжаков А. П. Уголовный процесс: учебник для вузов. 11-е издан., испр. и доп. М.: ЭПС «Система ГАРАНТ», 2017. 472 с.
5. Фролов Ю. А. Назначение, цели и задачи уголовного процесса // Юрист-Правовед. 2006. № 1. С. 30 – 34.
6. Шейфер С. А. Следственные действия. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2001. 208 с.

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ К ИСЧИСЛЕНИЮ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ ПО ТРЕБОВАНИЯМ О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Гончарова В. А., кандидат юридических наук

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу существующих в практике высшей судебной инстанции позиций, касающихся момента начала исчисления срока исковой давности по требованиям о возмещении вреда, причиненного преступлением. Автор приходит к выводу об отсутствии у Верховного Суда РФ единого подхода по данному вопросу, что в условиях его общей неурегулированности как в гражданском, так и в уголовно-процессуальном законодательстве способно негативно сказаться на правах потерпевших.

Ключевые слова: срок исковой давности, защита гражданских прав, судебная практика, потерпевший, правовая определенность, частные интересы.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>.

ON THE CURRENT APPROACHES OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION TO CALCULATING THE LIMITATION PERIOD FOR CLAIMS FOR COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY A CRIME

Goncharova V. A., Candidate of Sciences (Law)

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of positions existing in the practice of the highest court regarding the moment when the limitation period begins to be calculated for claims for compensation for damage caused by a crime. The author comes to the conclusion that the Supreme Court of the Russian Federation does not have a unified approach to this issue, which, given its general lack of regulation in both civil and criminal procedural legislation, can negatively affect the rights of victims.

Keywords: statute of limitations, protection of civil rights, judicial practice, victim, legal certainty, private interests.

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>.

Согласно п. 1 ст. 200 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права. В ходе реформирования гражданского законодательства 2013 года данная норма, как и многие положения о сроках, подверглась существенному реформированию: как отмечалось в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009, на практике нередко встречаются ситуации, когда по определенным требованиям, например, виндикационно-му или деликтному, лицо, потерпевшее от соответствующего нарушения его прав, фактически не имеет возможности эффективно обеспечить их защиту, поскольку может просто не знать лицо, к которому следует предъявлять указанные требования. Разрешить обозначенную проблему предлагалось, в том числе за счет изменения правила о моменте начала течения срока исковой давности и его привязке к моменту, когда лицо, право которого нарушено, узнало или должно было узнать не только о нарушении его прав, но и о том лице, которое его допустило. Анализ юридической литературы свидетельствует о том, что в связи с введением подобного правила по-

явился ряд иных проблем, связанных в том числе со смелой владельцев вещи при необходимости ее истребования [4], однако в целом защитный потенциал нововведений можно оценить положительно.

Следует заметить, что несмотря на существенную переработку правил об исковой давности, произведенную законодателем в 2013 году, ряд проблемных вопросов все также остался неразрешенным. Так, как в доктрине, так и на практике традиционно предметом дискуссии является проблема определения момента начала течения срока исковой давности в случае, когда определенные имущественные права лица нарушены в связи с совершением преступления. Очевидно, что при хищении (ст. ст. 158 – 160 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)) или уничтожении (ст. ст. 167, 168 УК РФ) принадлежащего лицу имущества его права на него нарушаются, а следовательно, даже в условиях происходящего уголовного процесса гражданско-правовая защита данных прав должна обеспечиваться в полном объеме. В то же время анализ гражданского и уголовно-процессуального законодательства свидетельствует об отсутствии в нем положений, учитывающих особенности исчисления срока исковой давности по требованиям о возмещении вреда, причиненного преступлением, или об истребовании похищенной в результате его совершения вещи. Единственным нормативным положением, обеспечивающим определенную «синхронизацию» гражданско-

го и уголовно-процессуального законодательства в части исчисления исковой давности, является абз. 2 п. 2 ст. 204 ГК РФ, который, однако, определяет лишь последствия оставления судом без рассмотрения предъявленного в уголовном процессе гражданского иска, но не указывает на момент, с которого лицо, не заявлявшее в ходе уголовного судопроизводства такой иск, имеет право на предъявление и удовлетворение своих требований.

В доктрине не сформировано единого подхода к ответу на указанный вопрос [5]. Большинство авторов при этом полагают возможным – при незаявлении лицом своих имущественных требований в уголовном процессе – исчислять давность по ним с момента вступления в законную силу обвинительного приговора [2; 3]. Как справедливо отмечается в литературе, формирование подобного решения связывается с тем, что именно в указанный момент обстоятельства преступления, а также лицо, его совершившее, считаются установленными (ст. 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), что в целом согласуется с терминологией, используемой в ст. 200 ГК РФ.

На представленное утверждение можно возразить, указав, что в ряде случаев все подробности совершенного преступления, включая лицо, его совершившее, известны истцу. В указанном случае обоснованно будет исчислять срок исковой давности с момента, когда это преступление произошло либо с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица. Неким аргументом в пользу соответствия законодательству такого подхода являются сами правила о гражданском иске в уголовном процессе, который, как следует из ч. 2 ст. 44 УПК РФ, может быть предъявлен после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции. Получается, что поскольку законодатель допускает предъявление гражданского иска до вступления в законную силу приговора по уголовному делу, он, вероятно, исходит из того, что для целей ст. 200 ГК РФ потерпевший до указанного момента узнает о факте нарушения его прав и о личности нарушителя.

Следует учитывать, однако, что на протяжении осуществления предварительного расследования по соответствующему уголовному делу фигуры подозреваемого и обвиняемого могут меняться; в контексте же представленной выше позиции неясно, как подобная перемена должна отразиться на исчислении срока исковой давности при уже предъявленном иске. Распространены и ситуации, при которых потерпевший в момент возбуждения уголовного дела не знает лицо, совершившее преступление, поскольку уголовное дело согласно положениям процессуального законодательства может быть возбуждено и по факту совершения преступления.

Кроме того, заявление гражданского иска в уголовном процессе представляет собой право, а не обязанность лица, потерпевшего от преступления, и в условиях того, что последнее часто представляет для него определенную психотравмирующую ситуацию, исчисление давности с момента возбуждения уголовного дела, когда вопрос о возмещении еще может просто не стоять, было бы по отношению к пострадавшему просто негуманным.

С учетом описанных разнообразных ситуаций определение для случаев причинения вреда преступлением одного момента, с которого следует исчислять исковую давность, – момента вступления в законную силу обвинительного приговора по соответствующему уго-

ловному делу, в большей степени отвечало бы интересам стабильности гражданского оборота и обеспечивало бы определенность в порядке защиты прав потерпевших.

Высшая судебная инстанция до осени 2023 года также исходила из схожих позиций. Так, в одном из дел Суд указал, что: «срок исковой давности начал течь со дня вступления приговора суда общей юрисдикции в законную силу, поскольку именно с указанного времени была установлена вина Лесюка В. Д. в совершении мошенничества, то есть установлено, что сделка совершена в результате хищения принадлежащего истцу имущества» (*определение Верховного Суда РФ от 25.02.2015 № 305-ЭС14-6072 по делу № А40-138793/2010*). Аналогичный вывод Судом был сделан и в *определении от 30.06.2015 № 306-ЭС15-7775 по делу № А65-11116/2014*: «доводы заявителей о пропуске срока исковой давности признаны судами необоснованными, исходя из положений ст. 200 ГК РФ, поскольку ОАО «ТСТ-Аренда» не мог узнать о том, что отчуждение спорного имущества совершено в результате преступления хищения принадлежащего ему имущества ранее вступления в законную силу приговора суда общей юрисдикции».

В 2021 году, однако, в практике Верховного Суда РФ начали появляться решения, которые в целом могли бы навести на мысль об изменении его позиции о моменте начала исчисления исковой давности по требованиям о возмещении вреда, причиненного преступлением. Так, в *определении от 15.11.2022 № 49-КГ22-21-К6* высшая судебная инстанция отметила, что «действующее законодательство не содержит положений об исчислении срока исковой давности с момента вступления в законную силу приговора... Само по себе наличие (отсутствие) вступившего в законную силу обвинительного приговора не является определяющим при исчислении срока исковой давности для защиты права лица, нарушенного в результате совершения преступления, поскольку суд, обладая необходимыми дискреционными полномочиями, в каждом конкретном деле устанавливает момент начала течения этого срока исходя из фактических обстоятельств, в том числе установленных вступившим в законную силу судебным постановлением (приговором) и имеющих преюдициальное значение». К аналогичным выводам Суд пришел в *определениях от 24.08.2021 № 4-КГ21-33-К1, от 24.08.2021 № 4-КГ21-34-К1 и от 04.09.2018 № 5-КГ18-131*.

Обращает на себя внимание при этом то, что во всех приведенных актах разрешался вопрос об исчислении исковой давности по требованиям публично-правовых образований в лице их органов, что в целом с учетом профессионального характера их деятельности видится абсолютно оправданным.

Существенным образом подход высшей судебной инстанции по рассматриваемому вопросу изменился в сентябре 2023 года, когда им по результатам пересмотра одного из дел представленная выше логика была распространена на ситуацию заявления требования о защите имущественных прав, нарушенных преступлением, уже не представителем публичной власти, а гражданином. Так, как отмечается в *определении Верховного Суда РФ от 05.09.2023 № 4-КГ23-25-К1*, истец обратился с требованием о признании недействительным договора купли-продажи недвижимого имущества, применении последствий недействительности сделки, прекращении права собственности на долю в праве общей долевой собственности на земельный участок и жилой дом, возвращении

их в его собственность, мотивируя их тем, что в 2015 году он выдал доверенность третьему лицу на продажу принадлежащей истцу доли, однако представитель полученные им по договору денежные средства истцу не передал, в целом продал долю по крайне низкой цене. Представитель, как было установлено в приговоре по уголовному делу, действовал в сговоре с лицами, один из которых в дальнейшем и был осужден за мошенничество; истец по данному уголовному делу был признан потерпевшим, ответчиком по гражданскому делу был покупатель его доли по договору купли-продажи, заключенному представителем. Судами первой и апелляционной инстанций в удовлетворении требований истца было отказано, однако суд кассационной инстанции встал на сторону потерпевшего и отправил дело на новое апелляционное рассмотрение, по итогам которого требования истца были удовлетворены.

Верховый Суд РФ не согласился с подобным решением, так же, как и в предыдущих решениях, указав, в частности, на то, что «действующее законодательство не содержит положений об исчислении срока исковой давности с момента вступления в законную силу приговора». Следуя уже привычной аргументации, Суд отметил, что истцу о нарушении его права стало известно в 2015 году, в момент совершения спорной сделки. Кроме того, как указала высшая судебная инстанция, еще до постановления приговора истец обращался к ответчику с требованиями о расторжении договора по мотиву его безденежности, в удовлетворении которого было отказано.

Несмотря на внешнюю обоснованность, следует признать, что доводы Верховного Суда РФ являются далеко не бесспорными: представляется, что параллельное существование двух правоотношений – гражданского и уголовного, обремененного в уголовно-процессуальное, – предопределяет необходимость выработки единого подхода к определению момента начала течения срока иско-

вой давности по требованиям о возмещении вреда, причиненного преступлением. Иной подход, в том числе и избранный высшей судебной инстанцией, способен внести неопределенность в порядок защиты прав лиц, потерпевших от преступлений, сделать правовое регулирование в рассматриваемой части непредсказуемым для участников соответствующих правоотношений. Определение на уровне разъяснений Верховного Суда РФ единого момента начала исчисления давности по анализируемым требованиям, как представляется, не вступит в противоречие с существующими правовыми положениями о гражданском иске: возможность его предъявления с момента возбуждения уголовного дела следует рассматривать как своего рода «льготу для пострадавшего от преступления» [1, с. 167].

Библиографический список

1. Кондрат И. Н. Актуальные вопросы гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 167 – 169.
2. Савин К. Г. Исковая давность в современном отечественном и зарубежном гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 204 с.
3. Савин К. Г. К проблеме влияния преступления на исчисление срока исковой давности // Вестник гражданского права. 2017. № 3. С. 103 – 134.
4. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153 – 208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. С. 1188 – 1193 (автор комментария – Сарбаш С. В.).
5. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Особенности исчисления начала течения исковой давности, если вредоносные действия являются одновременно преступлением // Арбитражные споры. 2014. № 4. С. 73 – 84.

ДЕЛИКТ КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВНЕДОГОВОРНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Гуломов А. Ш., кандидат юридических наук, профессор
Самаркандский государственный университет, г. Самарканд, Узбекистан

Аннотация. В настоящем исследовании автор предпринял попытку рассмотреть понятие деликта, с точки зрения основания возникновения внедоговорных обязательств и в ретроспективе существования этого института в римском частном праве, законодательстве Российской Федерации, Республики Узбекистан и Турции. Изучены особенности деликта, его роль в возникновении обязательств из причинения вреда, вопросы, связанные с его освещением в Гражданском кодексе Узбекистана и Российской Федерации, а также в Обязательственном кодексе Турции.

Ключевые слова: деликт, должник, делинквент, кредитор, ущерб, вред, возмещение ущерба.

TORT AS THE BASIS FOR THE EMERGENCE OF A NON-CONTRACTUAL OBLIGATION

Gulomov A. Sh., Candidate of Sciences (Law), Professor
Samarkand State University, Samarkand, Uzbekistan

Abstract. In this study, the author has attempted to consider the concept of tort from the point of view of the basis for the emergence of non-contractual obligations and in retrospect the existence of this institution in roman private law, the legislation of the Russian Federation, the Republic of Uzbekistan and Turkey. The features of the tort, its role in the occurrence of an obligation, from causing harm, issues related to its coverage in the Civil Code of Uzbekistan and the Russian Federation, as well as in the Code of Obligations of Turkey are studied.

Keywords: tort, debtor, delinquent, creditor, damage, harm, compensation for damage.

Основанием возникновения гражданско-правовых (частноправовых) отношений является широкий спектр юридических фактов. Это могут быть и события, и действия, среди которых сделки, в том числе договоры, имеют самый распространенный характер. Однако среди действий, не входящих в состав сделок, существует специфичное явление в виде противоправного поведения (правонарушения) участников гражданского оборота, которое причиняет вред одному из таких субъектов. Факт причинения вреда выступает основанием возникновения несогласованного между этими лицами обязательственного правоотношения, а именно деликтного обязательства. Должником или делинквентом в таком правоотношении становится субъект, допустивший противоправное поведение, которое со времен римского частного права традиционно называют деликтом [3, с. 34]. Главной обязанностью делинквента является полное возмещение вреда потерпевшему, которым выступает тот участник рассматриваемых правоотношений, имущественные и личные неимущественные права которого были нарушены в результате деликта. Потерпевший получает правомочия кредитора, то есть право требовать возмещения причиненного ему вреда. В деликтном обязательстве субъектом-правонарушителем, то есть должником, непосредственно признается гражданин, в том числе несовершеннолетний, а также общественные организации, органы самоуправления, государственные органы. В качестве кредитора могут выступать эти же субъекты, которым причинен вред в результате правонарушения.

Объектом обязательства вследствие причинения вреда являются только положительные действия, направленные на полное возмещение вреда. А предметом этого обязательства могут быть личность и имущество гражданина, имущество юридических лиц, государства или му-

ниципальных органов. В качестве конкретного предмет деликтного обязательства рассматриваются или материальные блага – поврежденное имущество (например, разбитые оконные стекла, затопленные сельскохозяйственные поля и т. п.), или нематериальные блага, такие как жизнь человека, его физическая неприкосновенность, здоровье, честь и достоинство, личная тайна, имя, изображение и т. п.

Содержание обязательства составляют права и обязанности сторон: 1) право потерпевшего (кредитора) требовать от причинителя вреда восстановления имущественного положения в том виде, в каком оно находилось на момент причинения вреда, а еще точнее – в том виде, в каком оно находилось бы, если бы не был причинен вред; 2) обязанность ответственного за причинение имущественного ущерба лица (должника) возместить вред. Содержание деликтного обязательства исчерпывается имущественной ответственностью причинителя перед потерпевшим. Фактическое возмещение вреда потерпевшему прекращает действие деликтного обязательства.

Учение о деликтных обязательствах существует со времен римского частного права. Так, И. Б. Новицкий подчеркивал, что в Древнем Риме деликт оценивался главным образом как правонарушение, направленное против прав и интересов отдельных частных лиц (а не прав и интересов государства в целом) (*delictum privatum*), а, следовательно, и личности. Совершивший правонарушение должен уплатить штраф за вред, причиненный потерпевшему, либо возместить причиненный ущерб в том случае, если установлено, что оно породило обязательство [5, с. 220]. Согласно *Ius Civil'e* к правонарушениям относят *furtum* (кража), *rapina* (вымогательство), *damnum iniuria datum* (вред имуществу), *iniuria* (причинение вреда личности). Со временем преторы добавили к ним *dolus* (обман), *metus* (угроза), *fraus*

creditorum (коварные действия против получателей) [8, с. 36].

Гражданско-правовая теория об обязательствах из причинения вреда получила развитие в советский период и в настоящее время, как в России, так и на территории стран, ранее входивших в состав СССР. В частности, по мнению советского правоведа, профессора, доктора юридических наук О. С. Иоффе, обязательства, возникающие из ущерба, резко отличаются от всех других обязательств, так как они возникают в результате противоправных действий [4, с. 21 – 22]. Другой российский ученый А. П. Сергеев также выделяет противоправные действия, как юридический факт возникновения обязательств, но отмечает, что такие действия считаются основанием возникновения охранительных обязательств [1, с. 7]. Именно поэтому в п. 1 ст. 1064 Гражданского кодекса РФ и ст. 985 Гражданского кодекса Республики Узбекистан вред, причиненный личности или имуществу гражданина, либо вред имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

Схожие суждения по поводу сущности деликтных правоотношений существуют и в правовой теории Турецкой Республики. Так, под деликтом ученые этого государства также предлагают понимать действие, причиняющее вред интересам человека или общества, выходящее за пределы установленного и признанного законом порядка, что означает обязанность возместить ущерб, причиненный нарушением требований закона, который должен выполнять каждый [7, с. 231].

Любопытно мнение Е. А. Суханова относительно обязательств, возникающих в результате причинения вреда. Этот ученый указывает, что если ущерб возник вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения договорного обязательства, то правила о деликтной ответственности за нарушение не применяются. Убытки возмещаются в соответствии с положениями об ответственности за неисполнение договорных обязательств или в соответствии с условиями договора, заключенного между сторонами. Однако он не исключает возможность использования норм о деликтных обязательствах при применении ответственности, возникающей из-за неисполнения или ненадлежащего исполнения договорных обязательств [6, с. 273]. Такого рода, теоретическое заключение имеет отражение и в законодательстве, так в ст. 1084 ГК РФ и в ст. 1005 ГК Республики Узбекистан предусмотрено, что нормы деликтных обязательств применяются также к обязательствам, возникающим из договоров. Например, это может произойти, если при исполнении договорных обязательств причинен вред жизни или здоровью гражданина и в других подобных случаях.

Многовековое существование норм, предусматривающих ответственность по деликтным обязательствам, и различных теоретических концепций в этой сфере, несколько не означают, что здесь отсутствуют современные споры и дискуссии по различным аспектам такого рода правоотношений. Одним из таких злободневных является вопрос о том, кто из сторон – деликвент или кредитор, должны доказывать факт причиненного ущерба и на ком из них лежит обязанность возместить его. Отдельные правоведы полагают, что этот вопрос до сих пор остается открытым [2, с. 174]. Полагаем, что подобная проблематика несколько надумана и не

учитывает специфику как российского законодательства, так и законодательства стран, когда-то входивших в состав СССР, и продолжающих традиции российской цивилистики. Вопрос с доказыванием того или иного факта традиционно носит в России смежный характер, то есть он лежит на границе гражданского и гражданско-процессуального права. Тем не менее, он достаточно ясно разрешается в п. 1 ст. 56 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), в котором установлено, что «каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом». Аналогичная норма закреплена в ст. 65 Арбитражно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ). Нормы подобного содержания существуют и в законодательстве Республики Узбекистан. С точки зрения практики, трудно себе представить, что при осуществлении судопроизводства в условиях состязательности и равноправия сторон (ст. 12 ГПК РФ, ст. ст. 8 – 9 АПК РФ) кто-либо из таких участников будет вести себя пассивно и откажется доказывать свою правоту и невиновность в совершении тех или иных действий. Иные случаи, может быть, и могут появиться в действительности, но они вряд ли могут быть признаны закономерностью, и скорее будит подчеркивать экстраординарность той или иной ситуации. Однако в зарубежном законодательстве рассмотренный нами вопрос иногда решается иначе. Так, в ст. 50 Обязательственного кодекса Турции (Закон № 6098 от 11.01.2011) установлено правило, что «потерпевшая сторона обязана доказать причиненный ущерб и вину лица, причинившего вред». Полагаем, что турецкий законодатель, закрепив такую норму, исходил из правовой традиции и правоприменительной практики своего государства, и ему в этом случае, что называется, виднее, но это совсем не означает, что нормы права России или Узбекистана, чем-то ему уступают. Напротив, по нашему мнению, они более реалистичны и учитывают действительный ход (атмосферу) гражданского процесса и право сторон и на равноправие, и на состязательность при осуществлении судебной процедуры.

Резюмируя изложенное выше, считаем уместным сделать следующие краткие выводы. Во-первых, не смотря на многовековое развитие правового регулирования отношений из причинения вреда, основы такой регламентации, заложенные еще в римском частном праве, до сих пор используются в гражданском праве различных государств. Этот факт сближает законодательства таких стран и формирует исходные положения для международной унификации и создания общего трансграничного соглашения в этой области гражданских правоотношений. Такой договор, на наш взгляд, вполне мог бы появиться между странами Содружества независимых государств (СНГ). Во-вторых, в результате проведенного анализа, можно дать следующее определение деликта как противоправного деяния (действия или бездействия), непризнанного и неутвержденного законом, которое является основанием возникновения деликтных обязательств. Противоправное поведение следует понимать как действие или бездействие, направленное против установленных для каждого лица правовых норм и интересов частных лиц, вступивших в правоотношения, используя предоставленную законом возможность.

Библиографический список

1. Гражданское право: учебник: [в 3 т.]. Т. 3. / [Е. Н. Абрамова и др.]; под ред. А. П. Сергеева. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. 736 с.

2. Гусейнов Т. А. Отдельные проблемы правового регулирования обязательств, возникающих из столкновения судов: национальный и коллизионный аспект // Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2022): сборник материалов международной научно-практической конференции памяти М. Ф. Медведева (г. Волгоград, 20 мая 2022 г.) [материалы] / под общей ред. Е. Н. Агибальной, И. Б. Иловайского; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2022. С. 171 – 176.

3. Зыков С. В. Римские частные деликты в отечественном праве // Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2023): сборник материалов международной научно-

практической конференции памяти М. Ф. Медведева (г. Волгоград, 26 мая 2023 г.) [материалы] / под общей ред. Е. Н. Агибальной, И. Б. Иловайского; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2023. С. 33 – 35.

4. Иоффе О. С. Избранные труды: в 4 т. Т. III. Обязательственное право. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. 837 с.

5. Новицкий И. Б. Римское право. М.: Издательство «Зерцало-М», 2015. 256 с.

6. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2: Обязательственное право / В. В. Витрянский, В. С. Ем, Н. В. Козлова и др.; отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2011. 1208 с.

7. Mehmet Ayan. Borçlar Hukuku (Genel Hükümler). Ankara: Adalet Yayınevi. 283 s.

8. Şahin Akıncı. Roma borçlar hukuku. Konya: Sayram, 2021. 238 s.

ЗАЩИТА ЛИЧНЫХ ПРАВ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ербахаев Е. А., докторант

Китайский университет политических наук и права, г. Пекин, Китайская Народная Республика

Аннотация. В регламентации позитивных личных прав в Китае произошел плавный переход от Общих положений гражданского права КНР от 12.04.1986 и Закона КНР «О деликтной ответственности» от 26.12.2009 к Гражданскому кодексу КНР, вступившему в силу с 01.01.2021. Указанный Кодекс не прекратил действия законов в области личных интеллектуальных прав, в частности, Закона КНР «Об авторском праве» от 07.09.1990.

Ключевые слова: личные права, право на охрану нематериальных благ умершего гражданина, деликтная ответственность, компенсация морального вреда.

THE PROTECTION OF PERSONAL RIGHTS IN THE CIVIL LAW OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Erbakhaev E. A., PhD student

China University of Political Science and Law, Beijing, People's Republic of China

Abstract. In the regulation of positive personal rights in China, there was a smooth transition from the General Principles of the Civil Law of the People's Republic of China dated on April 12, 1986 and the Tort Liability Law of the People's Republic of China dated on December 26, 2009 to the Civil Code of the People's Republic of China, which comes into effect on January 1, 2021. This Code has not terminated the laws in the field of personal intellectual property rights, in particular the Copyright Law of the People's Republic of China dated on September 7, 1990.

Keywords: personal rights, right to protection of nonmaterial values belonging to a decedent, tort liability, compensation for moral harm.

В настоящее время правовая регламентация личных прав (人身权, rénshēn quán) в их позитивном понимании нашла свое отражение в Гражданском кодексе Китайской Народной Республики (《中华人民共和国民法典》, zhōnghuá rénmin gònghéguó mǐnfǎdiǎn) (далее – Гражданский кодекс, Кодекс, ГК, ГК КНР) и в иных китайских законах и подзаконных актах.

В статьях 109 – 111, 185, расположенных в разделе «Общие положения», и в статьях 989 – 1000, 1002 – 1039, включенных в раздел 4 «Личные права, обеспечивающие физическое и социальное существование субъектов гражданских правоотношений» Гражданского кодекса, мы наблюдаем такую разновидность личных прав как личные права, обеспечивающие физическое и социальное существование субъектов гражданских правоотношений (人格权, réngé quán), в частности, права на жизнь (生命权, shēngmìng quán), на телесную неприкосновенность (身体权, shēntǐ quán), на здоровье (健康权, jiànkāng quán), на имя (姓名权, xìngmíngquán), на наименование (名称权, míngchēng quán), на изображение (肖像权, xiàoxiàng quán), на голос (声音权益, shēngyīn quán), на репутацию (名誉权, míngyù quán), на почет (荣誉权, róngyù quán), на неприкосновенность частной жизни (隐私权, yǐnsī quán), на личную свободу (人格尊严权, réngé zūnyán quán), на достоинство личности (人身自由权, rénshēn zìyóu quán) [2, с. 32, 47, 239 – 254; 3, с. 191].

О личных правах, обеспечивающих социальное положение физических лиц (身份权, shēnfèn quán) в брачно-семейных правоотношениях, прямо сказано в статьях 110, 112, 1001 Кодекса. Статья 110 прямо предусматривает право на свободу брака. А согласно ста-

тье 1001 к личным правам 身份权 применяются соответствующие положения разделов 1 «Общие положения», 5 «Семья и брак» ГК КНР и иных законов, а в случаях недостаточности и (или) отсутствия указанных положений могут применяться положения раздела 4, не противоречащие существу указанных личных прав. Можно смело утверждать, что хотя в положениях раздела 5 «Семья и брак» Кодекса субъективные права супругов и иных членов семьи, направленные на удовлетворение неимущественных интересов, не именуется личными, но являются таковыми (например, право каждого из супругов на использование собственных фамилии и имени (статья 1056)) [2, с. 32, 241, 255; 3, с. 191 – 192].

Регулирование личных прав, обеспечивающих социальное положение субъектов гражданских правоотношений (身份权) в качестве участников интеллектуального (творческого) труда, мы встретим в законодательстве КНР об интеллектуальных правах. Так, статья 10 Закона КНР «Об авторском праве» (《中华人民共和国著作权法》, zhōnghuá rénmin gònghéguó zhùzuòquán fǎ) от 07.09.1990 (в редакции 2020 г.) предусматривает такие личные права 身份权 как права на обнародование произведения (发表权, fābiǎo quán), на авторское имя (署名权, shǔmíng quán), на внесение изменений в произведение (修改权, xiūgǎi quán), на неприкосновенность произведения (保护作品完整权, bǎohù zuòpǐn wánzhěng quán). Что касается личных прав 身份权 в правоотношениях промышленной собственности, то, как верно отмечает А. П. Сергеев, «классификация прав изобретателей на отдельные группы применительно к различным стадиям развития изобретательских отношений едва ли уместна в связи с быстрым превращением изобретателя в патентообладателя или

уступкой им своих прав правопреемнику (патентообладателю)» [5, с. 501].

В юридической литературе ведутся споры относительно природы субъективного права на охрану нематериальных благ умерших граждан. Как следует из статьи 994 ГК, «в случае нарушения нематериальных благ умершего, в частности, его имени, изображения, репутации, почета, неприкосновенности частной жизни, а также нарушения тела (останков) умершего его супруг, дети и родители вправе в соответствии с законом потребовать привлечения лица, нарушившего указанные блага либо нарушившего останки, к гражданско-правовой ответственности; в случае отсутствия у умершего супруга, детей, а равно родителей, потребовать привлечения к гражданско-правовой ответственности указанного лица вправе в соответствии с законом иные близкие родственники» [2, с. 240].

Одни исследователи рассматривают право супруга, детей, родители и иных родственников как личное. Однако они не учитывают, что согласно статье 992 ГК личные права не могут перейти в порядке наследования («Не допустим отказ от личных прав, обеспечивающих физическое существование граждан, социальное существование граждан, юридических лиц и организаций, не обладающих статусом юридического лица, при этом указанные права не могут быть переданы, в том числе в порядке наследования») [2, с. 239].

Правильным является мнение других исследователей, полагающих, что в статье 994 Кодекса говорится о самостоятельном праве наследников на охрану и использование перечисленных в ней нематериальных благ. Это субъективное право не переходит к ним от наследодателя, а возникает в силу закона за рамками правопреемства [8, с. 109]. И такое право, скорее всего, по своей природе является имущественным (财产权, cáichǎn quán).

Гражданский кодекс санкционирует неограниченное количество лиц, имеющих право на свободное использование имени, наименования, изображения, персональных данных и иных нематериальных благ гражданина, предусмотренное статьями 999 и 1020 Кодекса («Допускается использование в разумных пределах имени, наименования, изображения, персональных данных и иных нематериальных благ субъектов гражданских правоотношений в общественных интересах, в частности, при производстве репортажей и осуществлении общественного контроля» (статья 999 ГК КНР). «Допускается без согласия гражданина совершение в разумных пределах следующих действий: 1) использование обнародованного изображения гражданина в целях индивидуального обучения, созерцания, в учебных или научных целях в объеме, оправданном указанными целями; 2) производство новостного репортажа, если при этом неизбежно создание, использование и обнародование изображения гражданина; 3) осуществление органами государственной власти своих полномочий в соответствии с законом, если при этом необходимо создание, использование и обнародование изображения гражданина в объеме, оправданном целями осуществления указанными органами своих полномочий; 4) демонстрация определенного общественного пространства, если при этом неизбежно создание, использование и обнародование изображения гражданина; 5) иные действия, связанные с созданием, использованием и обнародованием изображения гражданина в целях защиты общественных интересов или прав и законных интересов указанного гражда-

нина» (статья 1020 ГК КНР)) [2, с. 241, 247 – 248]. Статья 1025 ГК говорит о производстве новостного репортажа и осуществлении общественного контроля применительно к такому благу как репутация лиц, задействованных в указанных мероприятиях («Совершение действий в общественных интересах, в частности, производство новостного репортажа и осуществление общественного контроля, если эти действия затрагивают репутацию субъектов гражданских правоотношений, не влечет гражданско-правовую ответственность, за исключением одного из следующих обстоятельств: 1) факты, затрагивающие репутацию субъектов гражданских правоотношений, были сфальсифицированы или искажены; 2) лицо не исполнило в полной мере обязанность по надлежащей проверке информации, полученной от иного лица и существенно отличающейся от фактических обстоятельств; 3) лицо умаляет репутацию субъекта гражданских правоотношений, в частности, использует оскорбительные слова») [2, с. 249]. Право на свободное использование нематериальных благ гражданина, в том числе и умершего, также, скорее всего, должно считаться имущественным.

В качестве имущественного должно рассматриваться и осуществляемое в общественных интересах право на охрану нематериальных благ героических личностей, вытекающее из статьи 185 ГК («Посягательство на имя, изображение, репутацию и почет героических личностей, в том числе навших в войне, нарушающее общественные интересы, влечет гражданско-правовую ответственность») [2, с. 47]. Часть 2 статьи 1 Разъяснений Верховного народного суда КНР «О некоторых вопросах применения гражданско-правовой ответственности в виде компенсации морального вреда» («最高人民法院关于确定民事侵权精神损害赔偿责任若干问题的解释») от 26.02.2001 предусматривает право на охрану неприкосновенности частной жизни вообще любого лица или иных его нематериальных благ, если их нарушение сопряжено с посягательством на общественные интересы или основы нравственности [4, с. 12].

В соответствии с Гражданским кодексом нарушение личных прав и любое иное причинение вреда личности являются деликтом.

Гражданско-правовая ответственность за нарушение личных прав и любое иное причинение вреда личности нашла свое место в положениях разделов 7 «Деликтная ответственность», 1 «Общие положения» ГК КНР и в иных актах китайского гражданского законодательства.

К формам такой ответственности относятся, в частности, прекращение нарушения (статьи 995, 997 ГК, статья 52 Закона «Об авторском праве»), устранение препятствий (статья 995 ГК), устранение опасности (статьи 995, 1167 ГК), устранение негативного влияния (статьи 995, 1000 ГК), восстановление репутации (статьи 995, 1000 ГК), принесение извинений (статьи 995, 1000 ГК, статья 52 Закона «Об авторском праве»), публикация в средствах массовой информации извещения об уклонении лица, нарушившего личные права, от исполнения решения суда о привлечении к гражданско-правовой ответственности, а также публикация вступившего в силу решения или определения народного суда (статья 1000 ГК), возмещение вреда (损害赔偿, sǔnhài péicháng) (статья 1182 ГК), компенсация морального вреда

(精神损害赔偿, jīngshén sǔnhài péicháng) (статья 1183 ГК).

Указанные формы деликтной ответственности могут применяться как по отдельности, так и вместе. Между тем, из статьи 1000 ГК следует, что привлечение лица, нарушившего личные права, к гражданско-правовой ответственности, должно корреспондировать конкретному способу нарушения и степени влияния нарушения [2, с. 241].

В качестве примера прекращения нарушения личных прав можно привести дело *Wang Yuewen vs Wang Yuewen, Et Al.* о нарушении авторского права и о недобросовестной конкуренции. Судом установлено следующее. Истец *Wang Yuewen* (王跃文), известный китайский писатель, является автором произведения «Китайская живопись» (《国画》, guóhuà, Пал. гохуа), одного из бестселлеров. Ответчик изменил свое имя на *Wang Yuewen* (王跃文), полностью совпадающее с именем истца и после этого опубликовал книгу «Китайские обычаи» (《国风》, guófēng, Пал. гофэн), которая ввела в заблуждение читателей относительно личности автора. Суд пришел к выводу, что указанные действия представляют собой недобросовестную конкуренцию, и постановил привлечь ответчика к имущественной ответственности, а также прекратить нарушение [1, с. 213].

В качестве форм прекращения нарушения могут выступать, например, и изменение информации, распространяемой с помощью средств массовой информации, либо ее удаление (статья 1028 ГК), внесение записи о полученном почетном звании или ее изменение (статья 1031 ГК), изменение персональных данных (статья 1037 ГК).

В соответствии со статьей 1167 Кодекса посредством заявления об устранении опасности возможно предотвращение нарушения личных прав. «В случае совершения действий, которые угрожают личности или имуществу гражданина либо имуществу иного лица, указанные гражданин либо иное лицо вправе потребовать привлечения лица, совершающего такие действия, к деликтной ответственности, в частности, путем прекращения нарушения, устранения препятствий или устранения опасности» [2, с. 286].

Применение устранения опасности мы можем видеть в деле *Zhao vs Ye*. Народным судом основной ступени района Линьянь города Ханчжоу (провинция Чжэцзян) был выдан охранный ордер (Personal Protection Order (PPO)), в соответствии с которым гражданину Ye было запрещено преследовать гражданку Zhao, вступать в контакт с ней, ее родителями и младшим братом. Суд выдал такой ордер в соответствии с Законом КНР «О борьбе с семейным насилием», поскольку установил, что после того, как Zhao подала иск о расторжении брака с Ye, последний отправлял Zhao большое количество текстовых сообщений, содержащих оскорбления и угрозы о раскрытии подробностей ее личной жизни. Общее количество таких сообщений достигло 10 тысяч.

Относительно восстановления репутации профессор Ван Лимин говорит, что «Несмотря на то, что в случае нарушения репутации, она не может быть полностью восстановлена, как допустим может быть возмещен вред в случае повреждения имущества, между тем восстановление репутации позволяет опровергнуть факты, не соответствующие действительности, и прекратить клевету, что влечет за собой изменение отно-

шения общественности к потерпевшему и восстановлению его репутации» [1, с. 162].

Принесение извинений, по мнению указанного ученого, применимо к защите не всех личных прав, а только личных прав, выражающих социальное существование физического и юридического лица (人格权, réngé quán). «Это происходит потому что в числе получающих основной удар оказываются личное достоинство и личная свобода. Принесение извинений выполняет функцию успокоения потерпевшего и проявления уважения к нему. В соответствии с китайским правом принесение извинений осуществляется как в добровольном, так и в принудительном порядке» [1, с. 163].

Возмещение вреда применяется в случае нарушения права на репутацию юридических лиц. Репутационный ущерб подлежат возмещению в размере, в котором он причинен потерпевшему, или в размере полученной причинителем вреда выгоды. В случае невозможности оценки ущерба репутации в денежном эквиваленте, а также невозможности достижения между причинителем вреда и потерпевшим соглашения о размере ущерба, применяется подход, предложенный в статье 1182 ГК, в соответствии с которой «размер возмещения ущерба определяется народным судом исходя из фактических обстоятельств дела». Часть 2 статьи 18 Правил Верховного народного суда КНР «О некоторых вопросах рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением личных прав и связанных с ними интересов с использованием сети Интернет» (《最高人民法院关于审理利用信息网络侵害人身权益民事纠纷案件适用法律若干问题的规定》) от 23.06.2014, дополняя указанные правила, гласит, что суд вправе взыскать в счет возмещения вреда не более 500 тыс. юаней.

Компенсация морального вреда в КНР осуществляется при одновременном наличии следующих условий: 1. Нарушены личные права и связанные с ними интересы (人身权益, rénshēn quánì) либо право собственности на вещь, представляющую для потерпевшего особую ценность, если посягательство на указанную вещь было совершено умышленно или с грубой неосторожностью; 2. Потерпевшим является физическое лицо; 3. Потерпевшему причинен существенный моральный вред.

Согласно статье 5 Разъяснений Верховного народного суда КНР «О некоторых вопросах применения гражданско-правовой ответственности в виде компенсации морального вреда» «народные суды не принимают к рассмотрению заявления юридических лиц и иных организаций о компенсации морального вреда в связи с нарушением их личных прав» [4, с. 13].

«Если в случае нарушения личных прав и интересов физического лица указанному лицу причинен существенный моральный вред, оно вправе потребовать компенсации такого морального вреда. Физическое лицо вправе потребовать компенсации существенного морального вреда, причиненного вследствие умышленного посягательства или посягательства с грубой неосторожностью на вещь, представляющую для него особую ценность» (статья 1183 ГК) [2, с. 290].

Как установлено в части 1 статьи 8 Разъяснений Верховного народного суда КНР «О некоторых вопросах применения гражданско-правовой ответственности в виде компенсации морального вреда», «требование о компенсации морального вреда, вызванного неправомерными

действиями, но не влекущего существенные последствия, по общему правилу не может быть удовлетворено. Народный суд, исходя из обстоятельств дела, может вынести решение о прекращении нарушения, восстановлении репутации, устранении негативного влияния, принесении извинений» [4, с. 13].

Размер компенсации морального вреда определяется с учетом следующих обстоятельств: 1) степень вины причинителя вреда, если иное не установлено законом; 2) обстоятельства нарушения, в частности, способ, место и характер нарушения; 3) последствия причинения вреда; 4) получение причинителем вреда выгоды; 5) имущественное положение причинителя вреда; 6) уровень жизни в месте предъявления требования о компенсации морального вреда (статья 10 Разъяснений «О некоторых вопросах применения гражданско-правовой ответственности в виде компенсации морального вреда»).

Требование о компенсации морального вреда может быть заявлено только одновременно с требованием о возмещении вреда. *«Если при рассмотрении дела о возмещении вреда потерпевший не предъявил требование о компенсации морального вреда, то после рассмотрения указанного дела суд не принимает к рассмотрению заявление о компенсации морального вреда, основанное на тех же обстоятельствах, что и требование о возмещении вреда»* (статья 6 Разъяснений Верховного народного суда КНР «О некоторых вопросах применения гражданско-правовой ответственности в виде компенсации морального вреда») [4, с. 12]. Поэтому компенсация морального вреда является факультативной формой ответственности. Если потерпевшего и причинителя вреда связывает договор, а потерпевший в соответствии со статьей 996 ГК привлек причинителя вреда к договорной ответственности, право на предъявление требования о компенсации морального вреда не утрачивается в случае нарушения личных прав потерпевшего. *«Привлечение стороны договора, нарушившей личные права другой стороны, обеспечивающие ее физическое и социальное существование, и тем самым причинившей ей существенный моральный вред, к договорной ответственности по требованию данной другой стороны договора не влияет на ее право на компенсацию причиненного ей морального вреда»* (статья 996 ГК) [2, с. 240]. При применении статьи 996 следует учитывать, что положения статей 584 (о размере возмещения убытков), 590 (о невозможности исполнения договора вследствие непреодолимой силы), 591 (об обязанности кредитора по предотвращению увеличения убытков), 592 (о вине кредитора) Кодекса находятся в непосредственной связи с вопросом об объеме компенсации морального вреда, а именно, ограничивают его [7, с. 509].

Рассматривая формы деликтной ответственности за нарушение личных прав, следует согласиться с профессором Цэн Шисюн, который говорит, что не существует таких способов защиты, которые смогли бы в полном объеме восстановить нарушенные личные права, поскольку в силу их характера невозможно обеспечить всемерную помощь нематериальным благам потерпевшего [6, с. 384].

Библиографический список

1. Ван Лимин. Личные права в гражданском законодательстве КНР: учебник. М.: Проспект, 2023. 304 с.
2. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики. М.: Проспект, 2024. 368 с.
3. Ербахаев Е. А. О систематизации гражданского законодательства КНР о личных правах // Российская цивилистика в XXI веке: тенденции развития основных институтов в современном обществе (посвящается 95-летию со дня рождения В. П. Мозолина): монография. Выпуск второй / под общ. ред. Е. Е. Богдановой. М.: Проспект, 2022. С. 191 – 204.
4. Ербахаев Е. А. Разъяснения Верховного суда КНР «О некоторых вопросах применения гражданско-правовой ответственности в виде компенсации морального вреда» // Eurasia: statum et legem (Евразия: государство и право). 2019. № 1. С. 12 – 14.
5. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Проспект, 2006. 752 с.
6. 曾世雄:
《损害赔偿法原理》, 北京, 中国政法大学出版社, 2001年, 421页 (Цэн Шисюн. Принципы правового регулирования возмещения вреда. Пекин: Издательство Китайского политико-правового университета, 2001. 421 с.).
7.
《中华人民共和国民法典注释本/法律出版社法规中心编》. 2版. 北京, 法律出版社, 2022, 752页 (Комментарий к Гражданскому кодексу Китайской Народной Республики. Издание Центра нормативных правовых актов Издательства «Право». 2-е изд. Пекин: Издательство «Право», 2022. 752 с.).
8. 杨立新:
《死者人格利益保护请求权的法理依据与适用规则 – 《民法典》第994条的关键词评注》, 载
《杭州师范大学学报 (社会科学版)》, 2023年第5期, 第94 – 109页 (Ян Лисинь. Защита личных прав и интересов умершего с точки зрения теории права и законодательства: комментарий к ключевым словам статьи 994 Гражданского кодекса // Вестник Ханжоуского педагогического университета (серия «Общественные науки»). 2020. № 5. С. 94 – 109).

ОСОБЕННОСТИ РАСЧЕТА КОМПЕНСАЦИИ ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМАХ

Коверченко И. И., магистр юриспруденции
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассматривается порядок расчёта компенсации как меры ответственности за нарушение исключительных прав. Основное внимание было уделено развитию положений законодательства в сфере применения и расчета компенсации, а также перспективам изменений, предложенным в рамках законопроекта № 348960-8 от 28.04.2023. Дополнительно поднимается вопрос об эффективности применения указанных положений в рамках правонарушений, совершаемых посредством цифровых платформ.

Ключевые слова: исключительные права, компенсация, меры ответственности, цифровые платформы.

FEATURES OF CALCULATING COMPENSATION FOR VIOLATION OF EXCLUSIVE RIGHTS ON DIGITAL PLATFORMS

Koverchenko I. I., Master of Jurisprudence
Volograd Institute of Management, branch of RANEP, Volgograd, Russia

Abstract. The article discusses the procedure for calculating compensation as a measure of liability for violation of exclusive rights. The main attention was paid to the development of legislative provisions in the field of application and calculation of compensation, as well as the prospects for changes proposed under Bill No. 348960-8 of 04/28/2023. Additionally, the question is raised about the effectiveness of the application of these provisions in the framework of offenses committed through digital platforms.

Keywords: exclusive rights, compensation, liability measures, digital platforms.

На просторах сети Интернет в современном мире все большее внимание пользователей привлекают к себе различные цифровые платформы. Для многих людей жизнь без взаимодействия с ними была бы просто немыслима: будь то оформление заказов на торговых площадках, просмотры фильмов посредством онлайн-кинотеатров, использование стриминговых платформ, поисковых систем, социальных сетей и т. п. Вместе с тем, растет и количество правонарушений, которые совершаются посредством использования таких платформ. При этом следует заметить, что причиной такого роста является не только совершение правонарушения с наличием умысла и цели получения материальной выгоды, но и случайное распространение контента пользователем, который не имел должного уровня юридической грамотности.

В любом случае, проблема цифрового пиратства и нарушения исключительных прав на цифровых платформах набирает обороты, а значит правообладателям необходимо защищать свои законные интересы.

Помимо общих способов защиты, перечисленных в ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), выяснилось, что в сфере нарушения исключительных прав имеет смысл разработать специальные способы защиты, которые будут отвечать специфике данных объектов. К такому способу защиты согласно пп. 3 п. 1 ст. 1252 ГК РФ относят, в том числе, требование о взыскании убытков.

Традиционно в юридической литературе к видам мер гражданско-правовой ответственности принято относить: 1) возмещение убытков; 2) взыскание неустойки; 3) компенсацию морального вреда.

Основу гражданско-правовой ответственности составляет ее имущественный характер и наличие негативных последствий для правонарушителя, ухудшающих

его положение [1, с. 358]. Следует заметить, что по смыслу определения «меры ответственности», согласно части четвертой ГК РФ, к ним относятся только возмещение убытков и выплата компенсации. При этом если убытки относят к общим мерам ответственности, то компенсацию – к специальным [3, с. 159 – 160].

Согласно п. 3 ст. 1252 ГК РФ, правообладатель вместо возмещения убытков имеет право требовать выплаты компенсации. Данный вид защиты является одним из наиболее распространенных в судебной практике, при этом порядок ее расчета неоднократно уточнялся в рамках постановлений Конституционного Суда РФ и даже законопроекта, что говорит об актуальности поставленной проблематики. При этом, вопрос о соотношении убытков и компенсации в правовой науке является весьма спорным. В целом можно выделить две позиции относительно данного вопроса: 1) компенсация является разновидностью убытков [5, с. 384]; 2) компенсация тождественна убыткам с точки зрения их правовой природы [4, с. 185 – 186].

Ключевой особенностью применения компенсации является ее применение судом при доказанности факта нарушения исключительных прав, что является существенным плюсом в отличие от расчёта и доказывания размера причинённых убытков в случае выбора данного способа защиты. Таким образом, основной характеристикой гражданско-правовой ответственности является ее имущественный характер и наличие негативных последствий для правонарушителя, ухудшающих его положение.

По общему правилу, п. 3 ст. 1252 ГК РФ предусматривает расчет компенсации в зависимости от трех критериев: 1) учет характера нарушения и иных обстоятельств; 2) принцип разумности; 3) принцип справедливости.

При этом в случае нарушения прав одним действием сразу на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, суд должен рассчитать компенсацию за каждый отдельно взятый объект. Отдельное внимание законодатель уделяет так называемой множественности нарушений. Так, в ситуации, когда объекты исключительных прав принадлежат одному и тому же правообладателю, законом допускается снижение общего размера компенсации, но не ниже 50 % минимального размера суммы всех компенсаций.

Однако данных положений законодательства оказалось недостаточно, в связи с чем в процессе развития практики применения компенсации были приняты ряд актов, которые уточнили порядок ее расчета. Так, Д. В. Кожемякин выделяет следующие этапы эволюции подходов к исчислению компенсации: 1) постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П; 2) постановление Конституционного Суда РФ от 24.07.2020 № 40-П; 3) Рекомендации Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 15.02.2023; 4) законопроект № 348960-8 от 28.04.2023 «О внесении изменений в часть 4 ГК РФ» [2, с. 98].

Первые два постановления регулируют порядок снижения компенсации, в рамках которых был выделен ряд критериев. Первым критерием является размер компенсации – он обязательно должен быть значительно больше размера причинённых убытков.

Второй критерий касается порядка совершения правонарушения лицом. Так, при совершении нарушения в отношении объектов исключительных прав впервые допускается уменьшение размера компенсации.

Третий критерий касается ведения субъектом предпринимательской деятельности. Если такое правонарушение не является существенной частью предпринимательской деятельности субъекта, допускается соответствующее снижение компенсации.

Заключительный четвертый критерий допускает снижение компенсации только при условии, что правонарушение не носило грубый характер.

Несмотря на применение вышеуказанных положений, дальнейшее развитие судебной практики показало, что зачастую размеры компенсации все еще носят крайне завышенный характер, в связи с чем были приняты Рекомендации Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам, которые имели своей целью конкретизировать порядок применения снижения компенсации. Следует заметить, что данные рекомендации основывались на пунктах 56 и 65 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10.

Первое и достаточно важное положение для снижения компенсации касалось использования РИД или СИ одним лицом, но различными способами. В данном случае учитывается направленность правонарушения – если есть цель на достижение одной экономической цели, то такие правонарушения следует квалифицировать как одно нарушение. Данное положение значительно повлияло на судебную практику, поскольку в некоторых случаях могло заметно снизить размеры компенсации.

Второе положение касалось распространения нескольких материальных носителей при неправомерном использовании одного РИД или СИ. Здесь судам рекомендуется учитывать единство намерений – при его наличии такие правонарушения также следует квалифицировать как одно.

Третье положение касается квалификации одной цели у правонарушителя – суды должны самостоятельно устанавливать ее наличие.

Четвертое положение касается единства намерений. Так, о его наличии обязан заявлять сам ответчик, равно как и доказывать его.

Заключительным этапом развития механизма компенсации можно считать принятие в первом чтении законопроекта № 348960-8 от 28.04.2023. В рамках данного законопроекта было предложено заменить подходы по выявлению одной экономической цели и единства намерений новой категорией – общий экономический результат. Вводится и новая трактовка «одного нарушения». Так, под одним нарушением предлагается понимать совокупность нарушений лицом прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, которые принадлежат одному и тому же правообладателю при условии взаимосвязи между собой способов совершения такого правонарушения и при наличии общего экономического результата. Дополнительно было предложено ввести верхний предел компенсации в размере 100 тысяч рублей, если нарушитель подпадает хотя бы под один из следующих критериев: 1) нарушитель не знал и не должен был знать, что он допускает нарушение исключительного права; 2) нарушение было совершено нарушителем впервые; 3) нарушение было совершено нарушителем не при осуществлении им предпринимательской деятельности.

Указанные изменения на данный момент сталкиваются с серьезной критикой. Так, в отношении критерия о совершении правонарушения впервые ставится вопрос конкретизации – что следует считать впервые совершенным правонарушением? Более того, введение такого критерия ставит под вопрос обязательное наличие умысла, который, вопреки, не должен допускать смягчения ответственности [2, с. 107]. Можно было бы предложить применять данное положение по аналогии с ч. 1 ст. 4.1.1 КоАП РФ, регулирующей смягчение наказания при впервые совершенном административном правонарушении, однако этой же статьей предусмотрен перечень правонарушений, для которых замена санкции на предупреждение недопустима. В то же время в указанной редакции законопроекта положение о снижении предела компенсации носит слишком общий характер.

Также критикуется и новое положение, которое предлагает считать ряд последовательных нарушений исключительного права, совершенных различными лицами в отношении одних и тех же контрафактных материальных носителей даже при отсутствии предварительной согласованности, одним нарушением. Данное положение может привести к значительному росту ответственности оптовых продавцов, в то время как суд не будет располагать достоверной информацией о соотношении объема контрафактной продукции между субъектами [2, с. 107 – 108].

Учитывая указанные изменения, следует также порассуждать об эффективности применения компенсации как меры ответственности на цифровых платформах. Так, положения пунктов 56 и 65 постановления Пленума № 10 в контексте вышеуказанных Рекомендаций активно применяются для снижения размера компенсации. Если раньше за размещение контента на платформе (с точки зрения п. 2 ст. 1270 ГК РФ) нарушитель мог быть привлечен к ответственности за два нарушения – за воспро-

изведение и доведения до всеобщего сведения, то теперь нарушитель привлекается к ответственности исходя из их взаимосвязи между собой и наличия одной экономической цели, т. е. такие действия будут квалифицированы как одно нарушение, за которое соответственно рассчитывается компенсация. Принятие постановления Пленума ВС РФ № 10 и связанных с ним Рекомендаций по праву считается одним из важнейших этапов развития порядка расчета компенсации.

Что же касается законопроекта, то первый и второй критерий могли бы положительно сказаться на смягчении ответственности юридически неподкованных пользователей платформ. В свою очередь наличие правовой неопределенности, заложенной внутри некоторых положений законопроекта и критикуемой цивилистами, может привести к неоднозначной судебной практике, чем породит еще большее количество проблем. Отсюда можно заключить, что критикуемые положения требуют некоторой доработки и конкретизации.

Подводя итоги, можно заключить, что компенсация за нарушение исключительных прав имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Завышение сумм компенсации дало толчок к развитию подходов к ее снижению, а цифровизация и развитие, в том числе, цифровых платформ, дополнительное стимулирует законодотворцев к дальнейшей доработке и внесе-

нию изменений в существующее законодательство. Ввиду практической значимости поставленных проблем, в будущем есть вероятность появления новых подходов с учетом баланса интересов правообладателей и рядовых пользователей платформ.

Библиографический список

1. Зенин И. А. Право интеллектуальной собственности: учебник для вузов. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024. 577 с.
2. Кожемякин Д. В. Компенсация за нарушение исключительного права: эволюция подходов к исчислению и снижению // Интеллектуальные права: вызовы XXI века: сборник докладов V Международной научно-практической конференции «Интеллектуальные права: вызовы XXI века» (7 – 9 ноября 2023 г.). Томск, 2023. С. 98 – 109.
3. Право интеллектуальной собственности: учебник и практикум для вузов / Е. А. Позднякова [и др.]; под общей редакцией Е. А. Поздняковой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024. 408 с.
4. Садиков О. Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. М.: Статут, 2009. 221 с.
5. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2005. 750 с.

СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ КАК ИСТОЧНИК ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИЧИНЕНИЕМ ИМИ ВРЕДА

Кокорев А. Н., кандидат юридических наук, доцент
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению статуса средств индивидуальной мобильности и обоснованию возможности их отнесения к источникам повышенной опасности. На основе отраслевого законодательства, мнений научного сообщества и судебной практики рассмотрен ряд проблем, связанных с причинением вреда средствами индивидуальной мобильности и ответственностью за его причинение в гражданском, административном и уголовном праве, а также предложены пути их возможного решения.

Ключевые слова: средства индивидуальной мобильности, источник повышенной опасности, правила дорожного движения, дорожно-транспортное происшествие, ответственность, проблемы, вред.

PERSONAL MOBILITY EQUIPMENT AS A SOURCE OF INCREASED DANGER AND PROBLEMS ASSOCIATED WITH THEIR HARM

Kokorev A. N., Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the consideration of the status of means of individual mobility and the justification of the possibility of their attribution to sources of increased danger. Based on industry legislation, opinions of the scientific community and judicial practice, a number of problems related to harm caused by means of individual mobility and responsibility for its infliction in civil, administrative and criminal law are considered, and ways of their possible solution are proposed.

Keywords: means of individual mobility, a source of increased danger, traffic rules, traffic accident, responsibility, problems, harm.

Стратегией безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы в качестве приоритетных задач государства определены защита конституционных прав на жизнь и здоровье индивида (стремление к нулевой смертности), предотвращение дорожно-транспортных происшествий (ДТП) и возмещение ущерба, причиненного ими.

6 октября 2022 г. Постановлением Правительства РФ № 1769 в Правила дорожного движения (ПДД) были внесены изменения, расширившие перечень транспортных средств за счет включения в него электросамокатов, электроскейтбордов, гироскутеров, сигвеев, моноколес и иных аналогичных средств, получивших свою формулировку – «средства индивидуальной мобильности (СИМ)». Конструктивно данная группа транспортных средств представляет собой технические устройства, имеющие одно или несколько колес (роликов), предназначенные для индивидуального передвижения человека посредством использования двигателя. Согласно пункту 1.2 ПДД, средства индивидуальной мобильности не являются механическими транспортными средствами.

Однако вопрос об отнесении СИМ к источникам повышенной опасности является в научной среде и судебной практике дискуссионным. Ответ на данный вопрос является весьма актуальным, поскольку связан с деятельностью правоприменителей, направленной на возмещение вреда, причиненного неправильной эксплуатацией (нарушением соблюдения не только технических норм, но и правил дорожного движения) данных транспортных средств.

В настоящее время многими исследователями выделяются три основные позиции по определению дефиниции «источник повышенной опасности (ИПО)».

Представители первой точки зрения, также как судебное сообщество, относят к источникам повышенной опасности определенный род деятельности [4, с. 185]. Так, по данным высшего судебного органа «источником повышенной опасности следует признать любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и других объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами» (абз. 2 п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»). Указанные обстоятельства соотносятся с позицией Б. С. Антимонина, олицетворявшего ИПО с деятельностью или действиями создающими угрозу, но не конкретной вещью или бездействием [1, с. 71]. Так, «стоящее транспортное средство таким источником не является» (определение ВАС РФ от 15 ноября 2007 г. № 14169/07 по делу № А45-11403/06-34/351).

Ряд ученых высказывают иную позицию по поводу исследуемого понятия. О. А. Красавчиков, А. А. Собчак и др. относят к источникам повышенной опасности объекты материального мира (предметы, орудия, вещества), обладающие особыми вредоносными свойствами, не поддающимися в полной мере волевому контролю человека и способные в этой связи причинять вред индивидуумам [6, с. 48; 9, с. 144].

Третью точку зрения, объединяющую в своей основе обозначенные выше позиции, представляют

Л. А. Майданик, Н. Ю. Сергеева, которые к ИПО относят предметы и механизмы, способные проявлять свои негативные (вредоносные) свойства только в процессе эксплуатации их людьми [7, с. 34].

Анализ указанных точек зрения свидетельствует об их несовершенстве, в силу односторонней позиции при рассмотрении комплексного явления, каким является «источник повышенной опасности». На основании вышеизложенного импонирует авторское отношение Л. Д. Варлыгина, который определяет указанную дефиницию как «обладающие вредоносными свойствами, неподконтрольными или не полностью подконтрольными человеку предметы материального мира, при эксплуатации которых создается возможность случайного причинения вреда окружающим, даже при принятии мер по его предотвращению» [3, с. 56].

В Гражданском кодексе РФ (ГК РФ) отсутствует исчерпывающий перечень источников повышенной опасности из-за невозможности их определения в связи с постоянно развивающимся научно-техническим прогрессом. Решение данного вопроса остается в компетенции судебных органов, которые на основе соответствующих видов экспертиз определяют наличие необходимых признаков ИПО. В качестве таковых выступают их негативные (вредоносные) свойства, а также исключение (невозможность) полного контроля за ними со стороны человека.

Указанные обстоятельства ставят перед правоприменителями достаточно актуальный вопрос об отношении средств индивидуальной мобильности к ИПО.

Важно отметить, что при эксплуатации СИМ жизнь и здоровью людей, как участников дорожного движения, подвергается опасности, о чем свидетельствует ежегодное повышение дорожно-транспортных происшествий с участием указанных транспортных средств. Так, согласно статистическим данным ФКУ «Научный центр безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации», представленным в Обращении Московской городской Думы от 21 февраля 2024 г. № 1 «О предложениях по внесению изменений в Правила дорожного движения Российской Федерации», за 9 месяцев 2023 года зарегистрирован рост ДТП с участием СИМ на 215,9 % по отношению к аналогичным показателям за 2022 год. При этом за указанный период также увеличилось количество погибших на 63,2 % (31 чел.) и пострадавших на 213 % (2723 чел.), где 919 человек являлись малолетними.

Данное положение свидетельствует о том, что СИМ несут реальную, а не гипотетическую угрозу общественным отношениям, возникающим при перемещении людей и грузов.

Не менее важным показателем ИПО является полный контроль человеком средства мобильности в процессе его эксплуатации (соответствие техническим характеристикам, конструктивным особенностям) и правилам использования при перемещении в пространстве. Так СИМ не позволяют обеспечить полного контроля их деятельности со стороны водителя, поскольку они приводятся в действие электрическим двигателем, что не обеспечивает в полном объеме уверенность человека в правильности его функционирования. Подобные обстоятельства исключаются при управлении велосипедом, который приводится в действие мускульной силой человека и позволяет полностью контролировать процесс его перемещения в пределах дорог или вне дорожного полотна.

Кроме того, технические характеристики ряда СИМ, заявленные производителями, существенно отличаются от тех требований, которые предъявляются ПДД к данным транспортным средствам для участия их в дорожном движении. Так, их скорость может достигать 85 км/ч при установленной 25 км/ч, а масса превышать 35 кг. В этой связи ряд авторов отмечает, что данные обстоятельства приближают СИМ к таким механическим транспортным средствам как мопеды. Следует отметить, что последние, являясь механическими транспортными средствами, могут подлежать государственной регистрации с выдачей государственных номерных знаков и обязательным получением водительского удостоверения на право управления ими. Этого не требуется для средств индивидуальной мобильности [2, с. 8], что подтверждается решением судебных органов (решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 30 марта 2022 г. № АКПИ22-66 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующими абзацев восемнадцатого, сорокового и пятьдесят восьмого пункта 1.2 Правил дорожного движения Российской Федерации, утв. Постановлением Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090»). В ряде случаев технические характеристики СИМ обязывали высший судебный орган принимать решение о лишении лица права управления транспортным средством, которое ранее применялось только в отношении водителей, управлявших механическими транспортными средствами (постановление Верховного Суда РФ от 5 февраля 2024 г. № 48-АД24-1-К7).

Таким образом, повышенный скоростной режим, возможность управления СИМ психологически не сформировавшимися лицами (малолетними – начиная с 7 лет), отсутствие необходимой дорожной сети, неблагоприятные погодные условия и другие факторы, позволяют утверждать об отсутствии жесткого контроля со стороны человека за данными транспортными средствами.

Следовательно, средства индивидуальной мобильности соответствуют всем признакам ИПО и могут быть отнесены к последним.

В настоящее время законодательством России за дорожно-транспортные правонарушения установлены следующие виды ответственности: гражданско-правовая, административная и уголовная. Разберём каждый из этих видов ответственности в свете проблем, возникающих в связи с их применением.

Ряд авторов, исследовавших сложности, связанные с гражданской ответственностью лиц, эксплуатирующих СИМ, обращают внимание на отсутствие в гражданском законодательстве легального определения источника повышенной опасности [5, с. 36]. При этом вред, причиненный физическому или юридическому лицу, а также их имуществу в результате ДТП подлежит возмещению в полном объеме (ч. 1 ст. 1064 ГК РФ) владельцем транспортного средства (как собственником, обладателем права хозяйственного ведения или оперативного управления СИМ, а также его арендатором), что предусмотрено статьей 1079 ГК РФ.

Следует обратить внимание на то, что в 2022 году основным российским собственником СИМ являлись 40 кикшеринговых компаний, которые сдавали электро-самокаты в поминутную аренду более чем в 170 городах. При этом в качестве лидеров данной индустрии выступали три оператора – «Яндекс Go», Whoosh и «Юрент», совокупная доля СИМ которых составляла 94 % от всего парка данных транспортных средств [8]. Они в форме

смешанного договора проката и публичной оферты через мобильное приложение предлагают всем желающим заполнить электронную форму с указанием персональных данных арендатора, подтверждают заключение договора и определяют способ оплаты с указанием банковской карты кредитной организации, а также предлагают совершение еще ряда не хитрых манипуляций, позволяющих управлять СИМ. При совершении арендатором ДТП, повлекшего причинение вреда жизни и здоровью личности, в случае невозможности его идентификации, установления свидетелей и очевидцев происшествия, обязанность возмещения причиненных убытков возлагается на собственников средств мобильности (п. п. 18, 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1).

При этом проблема привлечения кикшеринговых компаний к гражданской ответственности в подобной ситуации связана с тем, что бремя доказывания принадлежности СИМ, участвовавших в ДТП, конкретному юридическому лицу – собственнику возлагается на пострадавшего.

Говоря о проблемах в административно-деликтном законодательстве, московские парламентарии в Пояснительной записке к Постановлению Московской городской Думы от 21 февраля 2024 г. № 14 «О проекте федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» утверждают, что отсутствие понятия «водитель СИМ» создает проблемы в процессе привлечения к административной ответственности лиц, нарушающих ПДД, при управлении данными транспортными средствами. Однако указанное утверждение опровергается судебной практикой, согласно которой отсутствие специализированной дефиниции в отношении водителя не отражается на производстве по делам об административных правонарушениях в области безопасности дорожного движения. Так, в ряде постановлений Верховного Суда РФ отмечается необходимость учета технических характеристик транспортного средства, являющегося орудием правонарушения (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2023 г. № 48-АД23-8-К7). Так, «водителем признается не только лицо, получившее в установленном законом порядке право управления транспортными средствами, но и иное лицо, управляющее транспортным средством, в том числе не имеющее права управления всеми или отдельными категориями (подкатегориями) транспортных средств либо лишенное такого права» (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»).

Следует констатировать, что проблема административной ответственности и обязанности возмещения причиненного вреда состоит не столько в определении ее субъекта, сколько в расширении его возрастного порога (в настоящее время правом управления СИМ наделено лицо от 7 лет, в то время как возраст административной деликтоспособности составляет 16 лет) и отнесении СИМ к механическим транспортным средствам или к источникам повышенной опасности, что позволит при-

влекать к ответственности нарушителей ПДД практически по всем статьям главы 12 КоАП РФ.

Исследование практики привлечения к уголовной ответственности лиц, причинивших вред при управлении СИМ, позволяет утверждать, что неотнесение данных технических устройств к механическим транспортным средствам или к источникам повышенной опасности исключает возможность более суровой ответственности делинквента, предусмотренной статьей 264 Уголовного кодекса РФ (УК РФ) «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств», предполагающей в качестве наказания лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет, что не предусмотрено статьей 268 УК РФ «Нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта» (принудительные работы на срок до пяти лет либо лишение свободы на срок до семи лет), применяемой к нарушителям ПДД.

В этой связи следует согласиться с утверждением О. Вакиной о том, что «более строгая ответственность предполагает не только непосредственно ее применение после совершения уголовного преступления, но и выполняет превентивную функцию наказания» [2, с. 8].

Подводя итоги краткого исследования в сфере рассмотрения средств индивидуальной мобильности как источников повышенной опасности, необходимо отметить, что учет выявленных проблем позволит повысить защищенность участников дорожного движения от дорожно-транспортного травматизма, обеспечить возможность привлечения к ответственности лиц, нарушающих ПДД, а также обеспечить перспективы взыскания ущерба, причиненного данными транспортными средствами.

Библиографический список

1. Антимонов Б. С. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. М.: Госюриздат, 1952. 296 с.
2. Вакина О. Источник повышенной опасности // Адвокатская газета. № 17 (394). 1 – 15 сентября 2023. С. 8.
3. Варлыгин Л. Д. О понятии источника повышенной опасности // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2. С. 52 – 56.
4. Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. 311 с.
5. Казакова И. А. Об особенностях привлечения к ответственности владельцев источников повышенной опасности / И. А. Казакова, Л. А. Камалиева, Ю. Г. Следь // Право и государство: теория и практика. 2020. № 3 (183). С. 36 – 39.
6. Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М.: Юрид. лит., 1966, 200 с.
7. Майданик Л. А., Сергеева Н. Ю. Материальная ответственность за повреждение здоровья. М.: Госюриздат, 1962. 231 с.
8. Рынок кикшеринга в России к 2025 году должен вырасти втрое [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/02/17/963338-rinok-kiksheringa-v-rossii-dolzhen-virasti-vtroe> (дата обращения: 26.04.2024).
9. Собчак А. А. О понятии источника повышенной опасности в гражданском праве // Правоведение. 1964. № 2. С. 144 – 145.

КОНЦЕПЦИЯ ВОЗМЕСТИМОСТИ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ В ФИЗИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ, ИЛИ КАК ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ФОРМУЛЫ «НЕ ОЦЕНИТЬ, НЕЛЬЗЯ ВОЗМЕСТИТЬ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЦИВИЛИСТИКЕ?

**Колесниченко О. В., кандидат юридических наук, доцент
Рязанский филиал Московского университета**

МВД России имени В. Я. Кикотя, Тюменский государственный университет, г. Рязань, Россия

Аннотация. Статья посвящена поиску критериев для определения объема возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья гражданина. Автор утверждает, что в качестве такого критерия надлежит принимать представление об интересе субъекта в сохранении и поддержании здоровья как базового материального условия для достижения личного и социального благополучия. Обосновывается, что объем возмещения вреда здоровью должен отражать динамический и статистический аспекты снижения качества жизни потерпевшего.

Ключевые слова: вред здоровью, физический вред, убытки, критерии оценки, объем возмещения вреда.

THE CONCEPT OF COMPENSATION FOR HEALTH DAMAGE IN THE PHYSICAL MEANING, OR HOW TO REFUSE THE FORMULA «FAIL TO ASSESS, CANNOT COMPENSATE» IN DOMESTIC CIVILISTICS?

**Kolesnichenko O. V., Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
Ryazan branch of Moscow University**

Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Tyumen State University, Ryazan, Russia

Abstract. The article is devoted to the search for criteria for determining the amount of compensation for harm caused by damage to a citizen's health. The author argues that such a criterion should be the idea of the subject's interest in preserving and maintaining health as a basic material condition for achieving personal and social well-being. It is substantiated that the amount of compensation for harm to health should reflect the dynamic and statistical aspects of the reduction in the quality of life of the victim.

Keywords: harm to health, physical harm, losses, assessment criteria, amount of compensation for harm.

Несмотря на то, что причинение наличного (физического) вреда личности или имуществу субъекта в цивилистике считается одним из непеременимых условий возникновения деликтных обязательств, в случаях повреждения здоровья гражданина наступившим неблагоприятным последствиям, как правило, не придается самостоятельного правового значения. Отмечается, в частности, что вред здоровью не может быть подвергнут денежной оценке из-за отсутствия объективных параметров для его измерения, исключительной ценности пострадавшего нематериального блага и (или) за отсутствием у него свойства (характеристики) оборотоспособности [2, с. 117]. Весьма распространено представление о том, что применительно к вреду здоровью полнота восстановления положения, существовавшего до нарушения права, достигается не точным его денежным измерением, но полнотой возмещения «по объему», предполагающей, что в состав выплаты включаются составляющие утраченного заработка (дохода), дополнительно понесенных расходов на лечение (реабилитацию) и пр. (п. 1 ст. 1085 ГК РФ). При этом подчеркивается, что фактически причиненный вред, выраженный в нарушении анатомо-функциональной целостности организма человека, утрате способности к осуществлению трудовой деятельности, общем ухудшении качества жизни, служит лишь одним из условий для обнаружения вреда здоровью в юридическом значении. Последний возникает лишь в том случае, если указанные проявления влекут за собой фактическую утрату дохода, расходы на лечение и иные не-

благоприятные изменения в имущественной сфере потерпевшего [3, с. 53].

При всей внешней стройности такого подхода, он оставляет без ответа множество вопросов, актуальных для науки и правоприменительной практики. Так, следует определить, допустимо ли возмещение потерпевшему иных составляющих объема возмещения вреда здоровью помимо тех, которые прямо указаны в п. 1 ст. 1085 ГК РФ. При отрицательном ответе на этот вопрос необходимо установить также, обладает ли потерпевший правом заявлять те или иные непоименованные потери при взыскании компенсации морального вреда (например, потерю возможности реализовать какие-либо личные или семейные планы, заниматься хобби и т. п.). Наконец, имеет принципиальное значение ответ на вопрос о том, какие опосредованные физическим вредом ухудшения имущественного положения потерпевшего могут приобретать правовое значение. При общей посылке об «опосредованности» оцениваемых неблагоприятных последствий нет препятствий для того, чтобы учитывать в объеме возмещения вреда здоровью, к примеру, проценты за пользование заемными средствами в случае их привлечения для оплаты лечения, стоимость туристической поездки, которой пострадавший не смог воспользоваться из-за госпитализации, и т. п. С другой стороны, отмеченная «опосредованность» заставляет исследовать при определении размера возмещения вреда приводящие обстоятельства – к примеру, препятствием для компенсации может являться оплата стоимости лечения из

средств, полученных потерпевшим по договору добровольного личного страхования, фактическое отсутствие оплачиваемой работы на момент происшествия и др.

В целом сложившаяся к настоящему моменту ситуация укладывается в формулу «не оценить нельзя возместить», построенную по аналогии с известным каждому с детства «казнить нельзя помиловать». О последствиях постановки запятой перед «нельзя», как того требуют преобладающие в доктрине воззрения, нетрудно догадаться, вспомнив сюжет мультфильма «В стране невыученных уроков». По сути, следованием приведенной формуле вызван отказ от эффективной гражданско-правовой защиты базового нематериального блага личности как такового. Однако так ли сложно в действительности определить юридическое содержание и порядок возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья, на основе представления об интересе субъекта в сохранении и поддержании здоровья как базового материального условия для достижения личного и социального благополучия, реализации способностей и возможностей человеческого организма?

Поводом для размышления в данной части могут служить правовые предписания и доктринальные представления, сложившиеся в некоторых зарубежных правовых порядках и позволяющие предположить, что интерес в сохранении имущественной сферы потерпевшего не всегда является достоверным и общепризнанным ориентиром для определения размера компенсации. Любопытно при этом, что схожие примеры обнаруживаются в государствах, принадлежащих к различным правовым системам. В частности, в составе «general damages» (общий ущерб – англ.) при повреждении здоровья в Великобритании учитываются прогнозируемые на будущее время материальные потери пострадавшего лица. Их оценка производится на основании медицинского заключения о постоянных дополнительных потребностях потерпевшего (потребности в посторонней помощи в быту и самообслуживании, в приобретении и техническом обслуживании (периодической замене) технических средств реабилитации и т. п.) и усредненных показателях затрат на соответствующие цели (основа такого подхода заложена прецедентом *Housecroft v. Burnett* (1986)).

В Германии принцип учета только фактически понесенных расходов не распространяется на вред здоровью в части длящегося ущерба от увеличения стоимости жизни (§§ 842, 843 BGB). Оценка такого ущерба опирается на имеющиеся постоянные потребности потерпевшего и утрату им перспектив личностного роста. При этом отсутствуют строгие ограничения относительно способа удовлетворения потребности или сглаживания обнаруживаемой утраты – к примеру, дополнительная потребность в восстановлении состояния здоровья потерпевшего может удовлетворяться не только посредством оказания услуг по лечению и проведения реабилитационных мероприятий, но и с помощью приема биологически активных добавок, физиотерапии и т. п., что не будет являться препятствием для учета их стоимости в объеме компенсации.

Детально разработанный подход к оценке различных проявлений телесных повреждений предложен во Франции и основывается здесь на применении в правоприменительной практике Номенклатуры Динтильхак (*Nomenclature Dintilhac*) – справочного документа, содержащего в себе перечни возмещаемых неэкономических и экономических потерь и краткие рекомендации по

определению их наличия и размера компенсации. Примечательно, что, несмотря на использование во французском законодательстве общего понятия «*dommage corporel*» (телесный вред – фр.), его содержание не раскрывается в легальном или доктринальном определении. Отмечается лишь, что такой вред аккумулирует в себе проявления травмы в физической, эмоциональной, профессиональной и семейной сферах потерпевшего [6, р. 5]. В то же время, в контексте выработки устойчивых критериев определения объема юридически значимого вреда здоровью представляют интерес характеристика отдельных составляющих экономического и неэкономического вреда и порядок их возмещения по Номенклатуре.

Обращаясь к экономическому вреду, следует отметить, что многие его компоненты, на первый взгляд, схожи с дополнительно понесенными расходами и утраченным заработком (доходом), названными в п. 1 ст. 1085 ГК РФ. Однако включение отдельных проявлений повреждения здоровья в данную часть Номенклатуры предполагает, что компенсация назначается независимо от того, могут ли быть обнаружены неблагоприятные явления в имущественной сфере потерпевшего. Например, профессиональный вред возмещается независимо от фактического снижения заработка (дохода) и представляет собой утрату или снижение экономической ценности способности потерпевшего к труду. Оценка такой потери производится с опорой на такие параметры, как нуждаемость в смене профессии или рода деятельности, утрата карьерных перспектив и т. п. Прекращение освоения образовательной программы или участия в тренинговом процессе также относится к экономическим потерям. При определении размера компенсации в данной части «потерянный период» умножается на фиксированную разовую выплату, определяемую Номенклатурой.

В части неэкономического вреда особенно примечательным является разграничение объективных проявлений физического вреда и сопряженных с ними субъективных страданий («боли и страданий»), которое наиболее рельефно выражено применительно к временным повреждениям. Здесь компенсируется временное нарушение функций организма (проявление ограничений жизнедеятельности в различных сферах, определяемое характером телесного повреждения), временное эстетическое нарушение, сопутствующие боль и страдания. В случае с постоянным неэкономическим вредом элемент боли и страданий учитывается при определении размера компенсации за некоторые исключительные физические нарушения (такие, как утрата способности к занятию постоянным хобби, созданию брачного союза, отправлению религиозных обрядов и др.). При этом постоянное нарушение функций организма и постоянное эстетическое нарушение также оцениваются и компенсируются отдельно.

Важно иметь в виду, что экспертная оценка *deficit fonctionnel temporaire* (DFT) и *deficit fonctionnel permanent* (DFP) (временного и постоянного нарушения функций организма, функционального дефицита – фр.) не является строго объективной. Если рассматривать эту процедуру поэтапно, то можно выделить: 1 этап – установление процента утраты функций организма исходя из характера травмы; 2 этап – определение характера влияния травмы на сексуальную жизнь пострадавшего и его репродуктивную функцию; 3 этап – дополнительная оценка потери качества жизни пострадавшего, производимая с учетом индивидуальных особенностей такого

лица, обычных повседневных занятий и хобби, интенсивности претерпеваемых субъективных страданий. Как можно видеть, объективные ухудшения качества жизни потерпевшего нередко соединяются для целей компенсации с вызванными ими субъективными страданиями. Однако такой подход совсем не обязательно свидетельствует о невозможности четко разграничить различные составляющие проявлений вреда здоровью и его последствий. Статья L376 Кодекса социального обеспечения Франции содержит в себе общее правило, согласно которому в состав выплат по социальному обеспечению не включаются суммы возмещения вреда здоровью, назначаемые в связи с перенесенными субъективными страданиями, вредом эстетического характера и потерей возможности получать удовольствие от жизни. Таким образом, указание на связь анатомо-функционального компонента с эмоциональной реакцией потерпевшего позволяет сохранить за потерпевшим право требования соответствующих выплат независимо от реализации социальных гарантий [1, с. 8 – 10].

Пример объективного учета утраты функций организма независимо от претерпеваемых нравственных и физических страданий можно обнаружить в законодательстве Испании. Здесь проявления *daño corporal* (телесных повреждений – исп.) оцениваются в три ступени: на первой «основное телесное повреждение» оценивается в баллах в зависимости от характера травмы или иного повреждения здоровья и приводится к условному денежному эквиваленту; на второй – «конкретный личный вред» определяется также по баллам по компонентам морального вреда и исключительных телесных повреждений (прерывание беременности и др.); на третьей – оцениваются неблагоприятные изменения в имущественной сфере потерпевшего (утрата заработка, реабилитационные расходы и др.) [4, р. 305].

Специфику такому механизму придает то, что категория качества жизни используется исключительно в целях компенсации морального вреда, тогда как анатомо-функциональная составляющая телесных повреждений предполагает их характеристику и взыскание необходимого денежного возмещения вне всякой связи с влиянием на условия повседневной жизнедеятельности [5, р. 303]. Несколько упростив рассмотренную концепцию, можно сказать, что основным личным вредом в ней признаются объективные психофизические нарушения, а конкретным – субъективные страдания, вызванные потерей самодостаточности и способности получать удовольствие от жизни. Однако именно здесь, на наш взгляд, обнаруживается логическое противоречие – в действительности травма (анатомо-функциональные нарушения, утрата функций организма) всегда проявляется в снижении качества жизни потерпевшего. Однако такое снижение может выражаться в изменении базовых параметров жизнедеятельности личности (динамический аспект снижения качества жизни) или существовать независимо от таких параметров (статический аспект снижения качества жизни).

Так, в частности, испытываемые потерпевшим болевые ощущения или неудобства физического состояния могут быть незначительными и не вызывать качественного изменения условий жизнедеятельности. С другой стороны, у потерпевших в вегетативном состоянии при- способности к изменившимся условиям жизнедеятельности в принципе не происходит из-за критического нарушения функций организма, а потому динамический аспект снижения качества жизни может не обнаруживаться или обнаруживаться в минимальном объеме. И динамический, и статический аспект снижения качества жизни служат факторами развития нравственных и физических страданий.

Принимая во внимание сказанное, следует заключить, что оптимальный объем возмещения физического (наличного) вреда должен включать в себя две базовые составляющие: 1) «вред влияния», определение размера которого основывается на динамических характеристиках анатомо-функциональных нарушений (их проявлениях в конкретных факторах ограничения жизнедеятельности); 2) «вред состояния», рассматриваемый как общее снижение качества жизни потерпевшего в результате травмы или заболевания. В содержании физического вреда влияния при этом могут быть выделены компоненты утрат способностей (утраты способности к труду, самообслуживанию, ведению домашнего хозяйства и т. п.), роста и появления дополнительных потребностей (в лечении, компенсации ограничений, сопутствующих процессам передвижения и ориентации в пространстве, общения, контроля за своим поведением, занятию профессиональной деятельностью и обучения).

Библиографический список

1. Колесниченко О. В. Определение объема возмещения вреда здоровью в значении физического «вреда влияния»: правовые и доктринальные предпосылки // Законодательство. 2023. № 9. С. 7 – 14.
2. Сятчихин А. В. Заранее оцененные убытки в российском гражданском праве. М.: Проспект, 2020. 232 с.
3. Шевчук Е. П. Порядок исполнения обязательства по возмещению вреда здоровью гражданина, причиненного при оказании медицинских услуг // Сибирский юридический вестник. 2019. № 1 (84). С. 53 – 57.
4. Guerra R. Notas sobre el perjuicio sexual como un tipo de daño moral o daño no patrimonial civilmente indemnizable. Comentario a la sentencia de la Corte Suprema de fecha 30 de abril de 2020, dictada en autos rol 33.598-2018 // Ius et Praxis. 2021. Vol. 27 (3). P. 303 – 315.
5. Mate S. L. La delimitación del concepto de daño moral: un estudio de la cuestión en el ordenamiento jurídico español // Revista Boliviana de Derecho. 2021. Vol. 32. P. 278 – 313.
6. Rached H., Jousset N. La force contraignante de la nomenclature Dintilhac à l'épreuve du principe de réparation intégrale du préjudice // La Revue de Médecine Légale. 2019. Vol. 10 (1). P. 1 – 10.

ВОЗМЕЩЕНИЕ ЗАРАБОТКА РОДИТЕЛЮ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕМУ УХОД 24/7 ЗА ТРАВМИРОВАННЫМ РЕБЕНКОМ: ОБЩЕЕ ПРАВО, КОНТИНЕНТАЛЬНОЕ ПРАВО И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РОССИИ

Кратенко М. В., кандидат юридических наук
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. При причинении вреда здоровью в качестве потерпевшего традиционно рассматривается лишь сам пострадавший. Именно его закон наделяет правом на возмещение утраченного дохода, дополнительных расходов на лечение и питание, посторонний уход. На практике многие родители детей, пострадавших вследствие медицинских и иных травм, вместо обращения за профессиональными услугами к третьим лицам (сиделкам, психологам), сами ежедневно осуществляют необходимый ребенку уход и реабилитацию, после чего обращаются с иском о возмещении утраченного заработка. В статье анализируются подходы российских и зарубежных судов к разрешению подобных споров, а также примеры прямого законодательного регулирования вопросов, связанных с оплатой безвозмездной помощи, оказываемой пострадавшему его близкими (*gratuitous care*), или возмещением указанным лицам неполученного дохода. Сделан вывод о том, что родитель пострадавшего ребенка при определенных условиях вправе требовать от делинквента возмещения утраченного заработка, либо стоимости осуществляемого ухода.

Ключевые слова: медицинская травма, безвозмездный уход, утраченный доход, семейные связи, вторичный потерпевший.

COMPENSATION FOR LOST INCOME TO A PARENT CARING 24/7 FOR AN INJURED CHILD: APPROACHES IN COMMON LAW, CONTINENTAL LAW AND PROSPECTS FOR RUSSIA

Kratenko M. V., Candidate of Sciences (Law)
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Abstract. Only the injured person is traditionally considered a victim. It is he or she who is entitled by law to claim compensation for lost income, additional expenses for medical treatment and other care. However, in practice, many parents of disabled children, instead of seeking professional services from third parties (psychologists, carers, etc.), themselves provide daily care necessary for the child and then turn to the tortfeasor with a claim for compensation for lost income. The article analyses the approaches of Russian and foreign courts to the resolution of such claims, as well as examples of direct legal regulation of issues related to the payment of gratuitous care provided by relatives and friends. It is concluded that under certain conditions the parents of an injured child are entitled to claim compensation for lost income or reimbursement for the cost of care.

Keywords: medical injury, gratuitous care, lost income, family relationship, secondary victim.

Введение

Количество детей-инвалидов растет из года в год. Эта неутешительная статистика характерна для многих государств, включая Россию. По данным Федерального реестра инвалидов на 31.05.2023 в России проживало более 740 тыс. детей с инвалидностью. Значительную долю из них составляют дети с родовыми травмами, которые сопровождаются серьезными неврологическими нарушениями, в частности, ДЦП [10, р. 159 – 160]. Несмотря на то, что заболевание ДЦП у новорожденного может быть вызвано различными обстоятельствами, в немедицинских кругах распространено мнение о том, что основной причиной данной патологии является врачебная ошибка. По словам Е. Козьминых, «каждый диагноз ДЦП у новорожденного – это повод для судебного разбирательства, возможность взыскать с больницы компенсацию морального вреда здоровью ребенка и утраченного заработка, так как впоследствии мама будет вынуждена уйти на пенсию по уходу за ребенком-инвалидом»¹.

В судебной практике пока преобладают иски родителей к медицинским организациям о компенсации морального вреда, которые не вызывают особых затруднений у судей. Однако взыскиваемые в пользу родителей и ребенка-инвалида суммы компенсации морального вреда, даже при существующей динамике их роста, несопоставимы с тем, с какими сложностями сталкивается пострадавшая семья: ежедневный круглосуточный уход за ребенком вне зависимости от его возраста, регулярные лечебно-оздоровительные и развивающие занятия, поездки для лечения за границу и т. д.

Неудивительно, что родители, оставившие работу для самостоятельного ухода за ребенком, все чаще обращаются с исками к медицинским учреждениям о возмещении утраченного заработка. Сложность рассмотрения подобных дел объясняется тем, что нормы § 2 гл. 59 ГК РФ применительно к случаям травмирования гражданина не указывают на возмещение вреда (убытков) кому-либо ещё, кроме самого пострадавшего. В доктрине в качестве управомоченного лица при повреждении здоровья рассматривается, как правило, лишь сам пострадавший [2, с. 796].

¹ Интервью с медицинским юристом Е. Козьминых, опубликовано онлайн: URL: <https://www.perm.kp.ru/daily/27254/4385685/> (accessed: 12.03.2024).

1. Иски родителей травмированного ребенка о возмещении утраченного заработка: противоречивая судебная практика

Иски родителей травмированного ребенка к медицинскому учреждению о возмещении убытков в виде утраченного заработка встречались в судебной практике и ранее. Так, в п. 5 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ за 2-й квартал 2002 года (утв. 17.07.2002) приводится соответствующий пример.

Вследствие неправильного диагноза и несвоевременного лечения, ребенок истицы Д. ослеп на оба глаза и стал инвалидом. В целях осуществления ухода за ребенком на дому, истица уволилась с работы, а впоследствии обратилась с иском к медицинскому учреждению о возмещении утраченного заработка. Суд первой инстанции в иске отказал, сославшись на то, что Д. выплачивается пенсия на содержание ребенка-инвалида. Суд также отметил, что § 2 гл. 59 ГК РФ не предусматривает возмещение подобных убытков в случае причинения вреда здоровью.

Президиум областного суда пересмотрел указанное решение в пользу истицы, отметив, что увольнение истицы с работы носило вынужденный характер, поскольку ребенку в силу младенческого возраста был необходим не только медицинский, но и материнский уход на постоянной основе. Требование истицы о возмещении неполученного заработка было квалифицировано в качестве убытков¹, полное возмещение которых предусмотрено ст. 15 ГК РФ².

Эта позиция, приведенная Верховным Судом РФ в квартальном обзоре, в то время не вызвала каких-либо дискуссий в доктрине. Напротив, пример цитировался в комментариях к ГК РФ³ и учебных пособиях по деликтному праву [4, с. 110]. Сходные ситуации упоминались и в литературе советского периода, однако их обсуждение в основном ограничивалось констатацией наличия у матери или отца пострадавшего ребенка права требовать возмещения дополнительных расходов, включая стоимость проездных билетов (для посещения врача и пр.), и утраченный заработок в дни сопровождения ребенка или ухода за ним [5, с. 75]. Однако детальному анализу исследуемая проблема не подвергалась.

В условиях роста количества медицинских споров подход судов к искам родителей травмированного ребенка о возмещении убытков стал более сдержанным. Показательным является следующее дело, в котором суды апелляционной и кассационной инстанций совершенно по-разному оценили одни и те же фактические обстоятельства.

Л. обратилась с иском к межрайонной больнице о взыскании убытков в виде утраченного заработка за период с 2019 по 2021, ссылаясь на то, что по вине ответчика её новорожденный сын получил травму, с 2015 г. является ребенком-инвалидом, нуждается в по-

стоянном уходе. Истица ранее работала в должности бухгалтера, после рождения ребенка-инвалида уволилась и не имеет возможности куда-либо трудоустроиться. На уход за ребенком получает социальную выплату в сумме 13 тыс. руб., которой недостаточно для обеспечения достойного уровня жизни её семье.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционной инстанцией, иск Л. удовлетворен. Суд исходил из того, что ребенку истицы установлена 3 группа способности к самообслуживанию и передвижению (нуждаемость в постоянной посторонней помощи), истица не трудоустроена и фактически осуществляет уход за ребенком-инвалидом⁴. Суд кассационной инстанции отменил судебные акты по делу и указал, что закон не предусматривает в случае травмирования ребенка возмещение заработка его родителю, не работающему по собственной инициативе. По мнению коллегии, истица не доказала отсутствие возможности продолжать трудовую деятельность, равно как и возможности воспользоваться услугами третьих лиц (сиделки)⁵.

Подобная аргументация, в которой суд устанавливает достаточно высокий стандарт доказывания для родителя, претендующего на возмещение утраченного заработка за время ухода за ребенком-инвалидом (вынужденный характер увольнения; невозможность последующего трудоустройства на условиях полной или частичной занятости; отсутствие возможности воспользоваться услугами третьих лиц для ухода за ребенком), встречается и в других судебных постановлениях.

2. Предварительные аргументы в пользу наличия у родителя права требовать возмещения убытков

Как опровергнуть вышеприведенный тезис об отсутствии у родителя права на возмещение утраченного заработка в контексте ст. 1085 ГК РФ, который фактически «наказывает» родителя за сделанный им выбор в пользу самостоятельного ухода за ребенком-инвалидом? Можно привести, по крайней мере, следующие контраргументы.

Во-первых, в рамках все той же категории медицинских споров формируется практика, согласно которой при причинении вреда здоровью пациента вследствие некачественного лечения требование о компенсации морального вреда может быть заявлено не только самим пациентом, но и членами его семьи или родственниками, которые осуществляют за ним уход. Суды исходят из того, что неэффективное лечение создаёт угрозу личным (семейным) связям между близкими⁶. В данном случае члены семьи и родственники пациента рассматриваются в качестве самостоятельных потерпевших. Логично за-

¹ Верховный Суд РФ отнес утраченный родителем заработок к реальному ущербу, то есть к затратам, которые потерпевшее лицо (родитель?!) вынуждено будет произвести для восстановления нарушенного права.

² Текст опубликован онлайн. URL: <http://xn--b1azaj.xn--p1ai/2002/obzor-sudebnoy-praktiki-vs-rf/2002.07.17.html> (accessed: 12.03.2024).

³ См., например: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая: учебно-практический комментарий (постатейный) / под ред. А. П. Сергеева. М.: Проспект, 2010 (комментарий к ст. 1087).

⁴ Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 21.08.2023 № 33-10138/2023 по иску Л. к КГБУЗ «Лесосибирская МБ». Текст опубликован онлайн. URL: https://kraevoy-krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=66266333&delo_id=5&new=5&text_number=1 (accessed: 12.03.2024).

⁵ Определение 8-го кассационного суда общей юрисдикции от 23.01.2024 № 881627/2024.

⁶ См.: абз. 3 п. 1 и п. 49 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». См. также: определение Верховного Суда РФ № 56-КГПР19-7 от 08.07.2019 по делу Нестеренко в. ОАО «Российские железные дороги» (другой контекст, но сходная логика обоснования права близких пострадавшего на компенсацию морального вреда).

даться вопросом: если интерес в сохранении личных (семейных) связей заслуживает правовой защиты, почему эта защита ограничивается лишь компенсацией морального вреда, но не охватывает имущественные потери семьи?

Во-вторых, суды апеллируют к тому, что самому родителю какой-либо вред здоровью не причинен, трудоспособность не утрачена, поэтому он не может рассматриваться в качестве потерпевшего в контексте ст. 1085 ГК РФ. С этим сложно не согласиться, если не выходить за рамки указанного контекста. Однако с позиции статей 1064 и 15 ГК РФ о полном возмещении всех причиненных убытков этот тезис уже не выглядит столь бесспорным.

В-третьих, суды упрекают родителей ребенка-инвалида в том, что они не воспользовались услугами иных лиц для осуществления постороннего ухода, после чего могли бы потребовать (в интересах ребенка) возмещения произведенных расходов делинквентом. Однако и этому есть разумное объяснение. Стоимость профессиональных услуг по уходу за ребенком-инвалидом, не способным к самообслуживанию, зачастую превышает средний заработок одного, а то и обоих родителей. Родитель, который принимает решение оставить работу и осуществлять уход за ребенком, фактически уменьшает бремя для делинквента. Безусловно, возможны противоположные ситуации, когда родитель увольняется с высокооплачиваемой должности для ухода за ребенком-инвалидом. В таких случаях ответчик вправе доказывать, что решение родителя не отвечает требованиям экономической целесообразности, а потеря им заработка не является необходимой в том смысле, как это определено в п. 2 ст. 15 ГК РФ.

3. Подход стран общего права к возмещению убытков лицам, осуществляющим уход за пострадавшим на добровольных началах

Для стран общего права характерно широкое понимание убытков (*damages*), поэтому иски родителей о возмещении утраченного заработка не отклоняются по одним лишь формальным соображениям. Судья оценивает всю совокупность обстоятельств, которые могли оправдывать выбор родителя в пользу самостоятельного ухода за пострадавшим ребенком. Так, Королевским судом провинции Альберта (Канада) было рассмотрено дело по иску матери ребенка с родовой травмой к акушеру-гинекологу о возмещении убытков. Суд удовлетворил требование матери о возмещении утраченного дохода, который мог быть предположительно получен истицей в случае рождения здорового ребенка, наличия возможности продолжить карьеру частного психолога. При этом доводы ответчика о возможности истицы обратиться за услугами к третьим лицам были отклонены, поскольку истица сама является дипломированным специалистом в области психологии, и оказываемый ребенку уход является оптимальным решением для данной ситуации¹.

Есть и примеры законодательного регулирования вопросов возмещения вреда/убытков в случае травмирования близких. Например, в провинции Онтарио (Канада) в 1986 году был принят Закон о семейном праве (*Family Law Act*, далее – FLA)². В соответствии со ст. 61 FLA

Закона потерпевший, а в случае причинения смерти – члены его семьи (включая супруга, детей, родителей, внуков, бабушек и дедушек, братьев и сестер) вправе требовать от причинителя вреда возмещения убытков, вызванных соответствующими противоправными действиями. Убытки включают в себя следующие потери:

- расходы на лечение пострадавшего, в том числе умершего впоследствии;
- расходы на погребение и ритуальные услуги;
- разумные транспортные расходы, понесенные истцом с целью посещения пострадавшего в период его лечения или реабилитации;
- в тех случаях, когда вследствие причинения травмы члену семьи истец осуществляет за ним уход, ведет его домашнее хозяйство или оказывает иные услуги, разумную компенсацию за утраченный истцом доход в указанный период или стоимость предоставляемых услуг;
- разумную компенсацию той заботы, обучения или совместной деятельности, на которую мог бы рассчитывать истец, если бы члену его семьи не было причинено увечье или смерть.

У британских юристов нет сомнений в том, что экономические потери близких (*secondary victims*), оказывающих бесплатную помощь пострадавшему (*primary victim*), подлежат возмещению. Дискуссии сосредоточены лишь вокруг двух вопросов: 1) следует ли предоставлять этим вторичным потерпевшим право прямого иска в отношении делинквента; 2) каким образом рассчитывать их потери – исходя из утраченного ими дохода или средней рыночной стоимости услуг по уходу. Комиссия по реформированию законодательства Англии и Уэльса (*Law Reform Commission*) в своем докладе³ попыталась предложить некоторые решения, однако судебная практика все еще остается противоречивой.

4. Подходы к возмещению вреда личности в континентальном праве

Гражданский кодекс Германии (BGB) предусматривает, что в случае противоправного причинения вреда жизни или здоровью потерпевшему компенсируются все неблагоприятные последствия, включая его дополнительные расходы (возросшие потребности) и неполученный доход (§§ 842, 843). Подлежит возмещению и стоимость того ухода, который предоставляется пострадавшему на безвозмездной основе его близкими. Федеральный суд Германии (BGH) исходит из того, что альтруистическая помощь со стороны членов семьи пострадавшего не освобождает делинквента от ответственности за причиненный вред [8, р. 155]. В практике BGH был случай, когда истица просила взыскать с врача-гинеколога расходы на лечение ребенка и свой утраченный заработок в связи с ненадлежащим пренатальным исследованием: ребенок имел хромосомные аномалии и родился с многочисленными патологиями, после чего истица прекратила трудовую занятость и сосредоточилась на уходе за ребенком. Федеральный суд отменил судебные акты в части взыскания заработка и указал, что возмещение подобных потерь истицы находится за пре-

¹ A.T.-B. v. Mah, 2012 ABQB 777 (CanLII). Судебное решение опубликовано онлайн (англ.). URL: <https://canlii.ca/t/fwkxc> (accessed: 12.03.2024).

² Текст закона (англ.) доступен онлайн. URL: <https://www.canlii.org/en/on/laws/stat/rso-1990-c-f3/181487/rso-1990-c-f3.html> (accessed: 12.03.2024).

³ См.: *Damages for Personal Injury: Medical, Nursing and Other Expenses*. Report (1996), pp. 55 – 60. Доступ онлайн. URL: https://cloud-platform-e218f50a4812967ba1215eaccede923f.s3.amazonaws.com/uploads/sites/30/2015/03/cp144_Damages_Personal_Injury_Medical_Nursing_Consultation.pdf (accessed: 12.03.2024).

делами защитных целей абз. 1 § 823 BGB – удовлетворить дополнительные нужды пострадавшего (ребенка) в лечении, уходе и реабилитации. По мнению BGH, экономические потери родителей ребенка-инвалида находятся по большей части в косвенной связи с ошибкой врача, поскольку крайне затруднительно определить, был ли отказ родителя от трудовой занятости вынужденным или добровольным решением¹. Учитывая, в целом, отрицательное отношение немецкой доктрины к расширению сферы деликтной ответственности, позицию BGH в данном деле можно назвать предсказуемо осторожной.

Положения ГК Наполеона (*Code Napoléon*, 1804) об основаниях деликтной ответственности лаконичны и в то же время универсальны. Любое действие, включая небрежность, причиняющие вред другому лицу, влечет обязанность виновного лица возместить причиненный вред (ст. 1240, ст. 1241²). В связи с отсутствием в кодексе специальных положений о возмещении вреда личности, соответствующие позиции формируются в доктрине и судебной практике, прежде всего, в постановлениях Кассационного суда Франции (*Cour de Cassation*). В случае нанесения травмы потерпевшему по общему правилу возмещаются расходы на медицинскую помощь или приравненные к ним, а также утраченный доход, выплачивается компенсация за боль и страдания и т. д. [7, р. 167 – 175]. В деле *Schmitt v. Laporte* (1992) Кассационным судом был сформирован подход к тому, как оценивать и компенсировать уход, предоставляемый родственниками на добровольных началах. Суд пришел к выводу, что потерпевшему должен компенсироваться такой уход вне зависимости от того, кем предоставляются соответствующие услуги – профессионалом (третьим лицом) или одним из родственников³, при этом сумма компенсации может рассчитываться исходя из стоимости профессионально оказываемых услуг по уходу⁴. В своих более ранних постановлениях Кассационный суд Франции подтвердил право супруга и других родственников, осуществляющих уход за пострадавшим, предъявлять делинквенту требование о возмещении стоимости ухода⁵.

В Испании Верховный Суд (*Tribunal Supremo*, TS) неоднократно признавал за близкими родственниками пострадавшего право на предъявление самостоятельного иска к делинквенту о возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда в связи с причинением травмы близкому. В тех случаях, когда серьезная травма требует постоянного ухода за пострадавшим, и родственники вынуждены прекратить работу, они вправе требовать возмещения ущерба в размере утраченного дохода (TS, 5th Senate, 23 February 1988). Как правило, хорошую перспективу имеют иски родителей, осуществляющих постоянный уход за травмированным ребенком [9, р. 3099].

Мы видим, что в странах континентальной Европы почти повсеместно за супругом и родственниками пострадавшего признается право на компенсацию стоимости ухода, предоставляемого на добровольной основе. Однако в отличие от стран общего права, подход к расчету компенсации здесь более сдержанный, поскольку в качестве потерпевшего рассматривается лишь сам пострадавший.

В случае причинения травмы ребенку его родителей, действительно, сложно отнести к потерпевшим в традиционном понимании, поскольку их физическое здоровье и трудоспособность не пострадали. С другой стороны, они вынуждены обеспечивать ребенку уход в гораздо большей степени, чем при обычных обстоятельствах. Применительно к ребенку-инвалиду ежедневный уход часто несовместим с продолжением родителями или одним из них прежней трудовой деятельности, влечет потерю заработка или его существенное снижение. Можно провести условную параллель между осуществлением какой-либо профессиональной деятельности и функционированием семьи. Если в первом случае неправомерное вмешательство в дела, то есть создание препятствий для продолжения профессиональной деятельности, может служить основанием для возмещения экономического ущерба⁶, почему во втором случае последствия должны быть иными?

Закключение

Российский кодекс, хотя и напоминает по своей структуре и содержанию многих институтов немецкий BGB, в части регулирования оснований деликтной ответственности гораздо ближе по духу к Кодексу Наполеона. Ряд современных цивилистов небезосновательно полагают, что п. 1 ст. 1064 ГК РФ может быть истолкована по «французской модели», то есть в качестве принципа генерального деликта [1, с. 45 – 46; 6, с. 49 – 59]. Верховный Суд РФ, судя по его недавним постановлениям, также не чужд этой идеи и подчеркивает, что в силу ст. 15 и ст. 1064 ГК РФ защите подлежит *любой законный интерес* граждан и юридических лиц, *связанный как с личностью потерпевшего, так и с его имущественным положением*, при условии, что между противоправным поведением и вредом существует прямая причинная связь⁷. Аргументом в пользу более свободного толкования положений § 2 гл. 59 ГК РФ о возмещении вреда здоровью может служить практика Конституционного Суда РФ. В постановлении от 25.06.2019 № 25-П по жалобе гр. Ворона было разъяснено, что ст. 1085 и ст. 1087 ГК РФ ни в коей мере не могут толковаться как устанавливающие исчерпывающий перечень тех потерь (убытков), которые подлежат возмещению в случае травмирования гражданина. В целом, такой либеральный настрой в отечественной доктрине и судебной практике позволяет надеяться на возмещение экономических потерь и в тех случаях, когда сам истец не является пострадавшим (его здоровье в порядке), однако вынужден отказаться от продолжения работы полностью или частично, понести экономические потери. Стандарт доказывания вынужденного характера прекращения трудовой занятости не должен быть слишком высоким. Достаточно, чтобы соответствующее решение родителя отвечало требованиям разумности и добросовестности.

¹ См.: BGH, Urteil vom 4. März 1997 – VI ZR 354/95 // NJW 1997. 1638-1640.

² Ранее ст. 1382 и ст. 1383, соответственно. Нумерация изменена при внесении изменений Законом от 10.02.2016 № 2016-131 (Ordonnance n°2016-131 du 10 février 2016).

³ В данном деле уход за ребенком, пострадавшим в ДТП, осуществляла его мать.

⁴ Cass. civ. 2e, 14 October 1992, 7Bull.civ. 1992.II.119.

⁵ Cass. civ. 2e, 13 December 1978, Bull.civ. 1978.II.208; Cass. civ. 2e, 18 March 1981, Bull.civ. 1981.II.45.

⁶ См., например: § 845 BGB, п. 2 ст. 6:107a Burgerlijk Wetboek.

⁷ Определение Верховного Суда РФ от 20.09.2022 № 309-ЭС22-3855 по делу № А60-40848/2020.

Не может быть отклонено по одним лишь формальным соображениям требование к делинквенту о возмещении стоимости ухода, оказываемого потерпевшему на безвозмездной основе членами его семьи или друзьями (*gratuitous care*). Если установлена нуждаемость потерпевшего в таком уходе, тот факт, что уход осуществляют его близкие, не должен ставить делинквента в более выгодное положение, то есть уменьшать бремя его ответственности. В подобной ситуации можно говорить либо о неосновательном обогащении (в форме сбережения) на стороне делинквента, которое подлежит возврату в силу ст. 1102 ГК РФ, либо о наделении лица, осуществляющего безвозмездный уход за пострадавшим, правом регрессного требования в силу п. 1 ст. 1081 ГК РФ. В пользу последнего варианта высказывались некоторые советские ученые-цивилисты [3, с. 34 – 35].

De lege ferenda, возможно, следует расширить понятие юридически значимого вреда в случае травмирования гражданина, посредством указания в законе на возмещение убытков лицам, оказывающим пострадавшему необходимый уход на безвозмездной основе. Эти вторичные потерпевшие должны иметь право прямого иска к ответственному за причинение вреда лицу, поскольку другие правовые конструкции (личное обязательство пострадавшего перед близкими и т. п.) не обеспечат надежных гарантий возмещения понесенных потерь. Для большей ясности можно дополнить ст. 1085 ГК РФ соответствующей нормой¹, либо сформулировать позицию в обобщении практики Верховного Суда РФ.

Библиографический список

1. Евстигнеев Э. А. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения. Часть первая // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17. № 4. С. 45 – 83.
2. Иоффе О. С. Избранные труды. В 4-х томах. Т. III. Обязательственное право. СПб., 2004. 837 с.
3. Малейн Н. С. Возмещение вреда, причиненного личности. М., 1965. 230 с.
4. Шевченко Г. Н., Шевченко А. С. Деликтные обязательства в российском гражданском праве: учебное пособие. М.: Статут, 2013. 130 с.
5. Шиминова М. Я. Возмещение вреда, причиненного здоровью. М., 1972. 120 с.
6. Ягельницкий А. А. О тенденциях судебной практики по делам об убытках // Закон. 2019. № 3. С. 47 – 55.
7. Chartier Y. La reparation du prejudice dans la responsabilit  civile. Paris. 1983. 1050 p. (In French).
8. Markesinis B., Coester M., Alpa G., Ullstein A. Compensation for Personal Injury in English, German and Italian Law. UK, Cambridge University Press. 2005, 235 p. (In Engl.).
9. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law (DCFR). Full ed. Ed. By Christian von Bar, Eric Clive. Oxford University Press, 2010. 4795 p. (In Engl.).
10. VanVleet M. W. Birth-Related Injury. In: Elzouki A. Y., Harfi H. A., Nazer H. M., Stapleton F. B., Whitely R. J. (eds). Textbook of Clinical Pediatrics. Berlin, Heidelberg, 2012. P. 159 – 175 (In Engl.).

¹ Например, дополнить п. 1 ст. 1085 ГК РФ абзацем или предложением следующего содержания: «В случае если посторонний уход оказывают члены семьи (родственники) потерпевшего, указанные лица вправе требовать от ответственного лица возмещения стоимости ухода или утраченного за время ухода заработка в разумных пределах».

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЗДОРОВЬЮ ГРАЖДАН ВСЛЕДСТВИЕ ВАКЦИНАЦИИ

Мотина Е. А., старший преподаватель

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Рязань, Россия

Аннотация. В статье исследуются проблемные аспекты, связанные с возмещением вреда, причиненного здоровью гражданина вакцинацией. Излагается специфика ущерба, причиненного здоровью пациента (заказчика – потребителя медицинской услуги) вследствие проведения подобных медицинских процедур и противоречивость правоприменительной практики в этой сфере. Детальный анализ правовых аспектов поствакцинальных осложнений и рисков, связанных с вакцинацией, позволили автору на фоне пристального интереса общества к таким вопросам сформировать свои предложения по совершенствованию отечественного законодательства в рассматриваемой области.

Ключевые слова: здоровье, ответственность, возмещение вреда, поствакцинальное осложнение, источник повышенной опасности.

SOME PROBLEMS OF COMPENSATION FOR HARM CAUSED TO THE HEALTH OF CITIZENS AS A RESULT OF VACCINATION

Motina E. A., Senior Lecturer

Ryazan branch of Moscow University, Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Ryazan, Russia

Abstract. The article examines the problematic aspects related to the compensation of harm caused to the health of a citizen by vaccination. The specifics of the damage caused to the health of the patient (customer – consumer of medical services) as a result of such medical procedures and the inconsistency of law enforcement practice in this area are described. A detailed analysis of the legal aspects of post-vaccination complications and risks associated with vaccination allowed the author, against the background of close public interest in such issues, to form his proposals for improving domestic legislation in the field under consideration.

Keywords: health, responsibility, compensation for harm, post-vaccination complication, source of increased danger.

Вакцинация является выдающимся достижением здравоохранения. В то же время известно, что после ее проведения, порой и в день прививки, могут возникать постпрививочные реакции и осложнения. В случае причинения вреда жизни или здоровью гражданина вследствие таких действий, вполне обоснованно возникает вопрос о его возмещении. Однако рассматриваемые отношения достаточно специфичны, их субъектами выступают, с одной стороны, пациент, если прививка входит в Национальный календарь профилактических прививок, или заказчик, если вакцинация осуществляется на основании договора возмездного оказания услуг, и, с другой стороны, медицинская организация. Объект правонарушения – жизнь и здоровье пациента. Так, например, введение вакцины может привести по ряду причин к возникновению заболевания или летальному исходу, например при нарушении порядка и стандартов оказания медицинской помощи. Это хорошо иллюстрирует решение Мегионского городского суда ХМАО-Югра по делу № 2-453/2018 от 02.07.2018. Кроме того, возможно нарушение имущественных прав пациента, а именно возникновение дополнительных материальных затрат на лечение поствакцинальных осложнений или на погребение в случае смерти, утрата заработка или его части и т. п.

Вакцинация, как любое медицинское вмешательство, сопряжено с риском для здоровья и может причинить вред, который может быть как следствием индивидуальной чувствительности к компонентам медицинского иммунобиологического препарата, так и вызван другими причинами: введением некачественного (фальсифицированного, недоброкачественного, незарегистрированного) лекарственного препарата, вакцины с истекшим

сроком годности, либо препарата, изменившего свои свойства в результате неправильного хранения, с нарушением «холодовой цепи» и техники введения вакцины и др. При этом, в случаях, когда осложнения не связаны с индивидуальными особенностями вакцинируемого лица, может иметь место противоправное поведение медицинского работника. Обычно, вред жизни (здоровью) пациента причиняется внешне правомерными действиями медицинских работников, учитывая, что необходимым условием, предшествующим вакцинации, является добровольное информированное согласие лица, желающего пройти такую процедуру. Отдельные авторы, в этой связи, отмечают, что медицинское вмешательство правомерно лишь в том случае, когда на его проведение получено именно такое одобрение пациента и имеет место надлежащее (непротивоправное) осуществление медицинской деятельности [2, с. 37].

В случае возникновения заболевания в поствакцинальном периоде, гражданин должен обратиться в медицинскую организацию и сообщить о его симптомах. Данные об осложнениях заносятся медицинским персоналом в первичную медицинскую документацию: медицинскую карту ребенка, сертификат профилактических прививок, в карту вызова скорой помощи и другие подобные документы. Согласно предписаниям «Методических рекомендаций по выявлению, расследованию и профилактике побочных проявлений после иммунизации» от 12.04.2019 медицинские работники в обязательном порядке информируют Роспотребнадзор и Росздравнадзор с целью дальнейшего исследования партии вакцины, которой был вакцинирован гражданин. По результатам расследования составляется акт эпидемиоло-

гического расследования. В этом документе помимо данных о пациенте и введённом препарате обязательно указывается информация об условиях и температурном режиме хранения препарата, устанавливается, имели ли место нарушения процедуры по введению вакцины и др.

При принятии положительного решения о возмещении вреда суд, как правило, ссылается на наличие причинной связи между вакцинацией и возникшим заболеванием. Однако практическая сложность доказывания связи между вакцинацией и возникшим заболеванием заключается в том, что побочные проявления после вакцинации могут быть вызваны, как указывалось выше, целым рядом причин. При рассмотрении споров о возмещении вреда здоровью от последствий вакцинации возникает необходимость установления причинно-следственной связи, что решается посредством назначения и проведения судебно-медицинской экспертизы. Тем не менее, даже применение такого мощного инструментария в установлении истины по делу далеко не всегда дает возможность экспертам дать утвердительный ответ о наличии такого рода зависимости. По рассмотренному вопросу имеются примеры как положительного заключения, так и отрицательного вердикта со стороны экспертов.

Кроме того, в судебной практике отсутствует единый подход к разрешению такой категории споров. Некоторые судебные решения основываются на признании вакцинации источником повышенной опасности, другие же, напротив, не усматривают в медицинской деятельности повышенной опасности, полагая, что она нацелена в первую очередь на сохранение жизни и здоровья человека. На наш взгляд, в указанной позиции усматривается больше социальная оценка процесса вакцинации, чем его правовой анализ. Изложенное хорошо характеризуют следующие примеры из правоприменительной практики.

Так, согласно решению городского суда Анапы от 24.06.2011 № 2-98/2011, истица обратилась в суд с требованиями о возмещении вреда, причиненного здоровью и компенсации морального вреда в связи с осложнением после введения вакцины БЦЖ (поствакцинальный остит) ее ребенку. В судебном заседании подтвердилось, что, несмотря на то, что из экспертного заключения следует, что вакцинация потерпевшей проведена в соответствии с нормативными документами и технически правильно, между осложнением и прививкой имеет место причинно-следственная связь. С МУЗ «Родильный дом» г. Анапа мать ребенка взыскала 300 000 рублей компенсации морального вреда. Суд принял положительное решение, обосновав его тем, что медицинская деятельность, связанная с применением лекарственных средств, к которым относятся вакцины, является источником повышенной опасности.

Другой пример, когда иск был подан к медицинской организации о взыскании материального ущерба и компенсации морального вреда. Требование было мотивировано тем, что после проведения вакцинации препаратом «Гриппол плюс» состояние ребенка резко ухудшилось, однако медицинская помощь была оказана несвоевременно, ребенок впоследствии проходил лечение в стационаре, где ему был выставлен диагноз «острое нарушение мозгового кровообращения». Сославшись на судебно-медицинское заключение, из которого следовало, что связь между прививкой и инсультом установить невозможно, а значит и вина в действиях ответчика отсутствует, суд первой инстанции отказал в иске. В апел-

ляции, согласно апелляционному определению Верховного Суда Республики Башкортостан от 26.11.2019 № 33-12632/2019, указанное судебное решение было отменено и требование о компенсации морального вреда в отношении больницы в сумме 200 000 рублей было удовлетворено. В апелляционном определении суд пришел к выводу, что при осуществлении медицинского вмешательства не был обеспечен гарантированный объем медицинской помощи.

Приведенные выше решения судов, по сути, подтверждали правоту истцов, но существует и отрицательная практика по подобной категории дел. Так, Вологодский областной суд, рассмотрев по существу дело № 33-3508/2012 о компенсации морального вреда, причиненного вследствие возникшего осложнения в результате применения противотуберкулезной вакцины БЦЖ-М, отказал истце в компенсации морального вреда, поскольку вина медицинских работников роддома не подтверждена. Суд не отнес вакцинацию к источнику повышенной опасности.

Представляется, что не все осложнения после иммунизации могут быть основанием для иска о возмещении вреда здоровью. Ими могут быть лишь тяжелые и (или) стойкие нарушения состояния здоровья, возникшие в постпрививочном периоде. Кроме того, когда побочное проявление после иммунизации ожидаемо и соотносится с данными официальной статистики, вопрос о возмещении вреда должен рассматриваться с позиции признания вакцины источником повышенной опасности, с учетом отсутствия влияния на развитие побочных реакций каких-либо иных воздействующих факторов.

Судебная практика в России по искам о возмещении вреда здоровью от последствий вакцинации немногочисленна и весьма противоречива, чего нельзя сказать о ней за рубежом, где количество предъявляемых исков, включая коллективные, значительно возросло, особенно в период пандемии COVID-19. Если в России ответчиками в суде, как правило, выступают медицинские организации, то за рубежом иски предъявляются в основном к производителю вакцин. Это можно объяснить тем, что связь между негативными последствиями вакцинации и некачественно оказанной медицинской помощью установить проще, чем с некачественным лекарственным препаратом. Так, по сообщению британской газеты «Daily Mail» от 29.04.2024 в Высокий суд Лондона к международной биофармацевтической компании «AstraZeneca» был подан коллективный иск, объединивший 51 индивидуальный иск. Сумма требований составляла несколько миллионов фунтов стерлингов со стороны десятков семей, которые утверждали, что они или их близкие были «искалечены или убиты «дефектной» вакциной». То есть истцы связали побочные проявления именно с некачественным лекарственным препаратом, введенным во время вакцинации. Компания, хотя и признала, что ее вакцина «может в очень редких случаях вызывать «тромбоз с синдромом тромбоцитопении», однако заявила, что «причинно-следственная связь в любом отдельном случае должна быть предметом экспертных доказательств». При этом правозащитники ссылаются на Закон о защите прав потребителей от 1987 г., утверждая, что вакцина была «бракованным продуктом».

Кроме того, говоря о возмещении вреда, причиненного здоровью вследствие вакцинации, крайне важно, чтобы при рассмотрении судебных дел использовалась единая терминология, поскольку анализ дефиниции «по-

ствакцинальное осложнение» (далее – ПВО) показывает, что далеко не всегда в это понятие вкладывается единый смысл. Действительно, в настоящее время нет единой дефиниции понятия «поствакцинальное осложнение», в особенности в контексте рассмотрения такого состояния, как последствия вакцинации, которые представляют собой потенциальный риск причинения вреда здоровью. В связи с этим, или отдельные официальные инстанции, или отдельные специалисты, пытаются предложить свое определение ПВО, акцентируя внимание на том или ином признаке. Так, в 1991 г. в Оттаве была создана рабочая группа по неблагоприятным реакциям после вакцинации, которая предложила называть такие реакции «неблагоприятными событиями» (adverse events). Под ними понимались все патологические состояния, развившиеся в поствакцинальном периоде. В отдельную группу выделялись «истинные ПВО», то есть осложнения, связанные с различным влиянием вакцинного препарата на организм. Такое определение стало достаточно конкретным, поскольку указало на связь осложнения именно с воздействием вакцины на организм, однако в нем не уточнялась тяжесть вреда, причиненного вакцинацией, что до сих пор затрудняет правовую квалификацию такого рода последствий.

В Российской Федерации указанная дефиниция нашла отражение в Методических рекомендациях по выявлению, расследованию и профилактике побочных проявлений после иммунизации (утв. Минздравом России 12.04.2019). В этом акте ПВО было названо как «побочное проявление после иммунизации», под которым понимается, согласно рекомендациям Всемирной организации здравоохранения от 2012 г., любое неблагоприятное с медицинской точки зрения, проявление, возникшее после иммунизации.

В учебном пособии В. Л. Мельникова дана несколько иная квалификация ПВО. Ученый предлагает называть его «осложнениями вакцинации», под которыми понимаются тяжелые последствия, возникающие в ответ на введение прививки, то есть в своем определении автор акцентирует внимание на степени тяжести ПВО [3, с. 44 – 46].

Нормативно определение ПВО закреплено в ст. 1 Федерального закона от 17.09.1998 № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» (далее – Закон об иммунопрофилактике). Согласно содержанию это нормы, «поствакцинальные осложнения», вызванные профилактическими прививками – это тяжелые и (или) стойкие нарушения состояния здоровья вследствие профилактических прививок. Приведенное определение более емкое и объединяет в себе два предыдущих. С ним схоже другое определение, в котором «осложнения вакцинации» – это более тяжелые, протекающие атипично реакции на введение вакцины [1, с. 49].

Представляет интерес и иная дефиниция, которая изложена в пособии Н. А. Марунича, где упоминается о необходимости установления причинно-следственной связи между патологической реакцией и прививкой [4, с. 25]. В соответствии с § 6 абз. 1 ст. 3 Закона о защите от инфекций Швейцарии (IfSG), поствакцинальные осложнения – это реакции организма, когда «симптомы заболевания, возникающие после вакцинации, могут быть изначально связаны с вакцинацией и выходят за рамки обычной степени реакции на вакцину» [5, р. 450].

Рассматривая поствакцинальное осложнение в контексте риска, связанного с вакцинацией, учитывая

наличие пристального интереса общества к вопросу возмещения вреда, причиненного осложнениями после вакцинации, дефиницию «ПВО» в Законе об иммунопрофилактике, на наш взгляд, следует дополнить. Поэтому мы предлагаем определение этого понятия изложить в следующей редакции: «поствакцинальные осложнения, вызванные профилактическими прививками, включенными в национальный календарь профилактических прививок и календарь профилактических прививок по эпидемическим показаниям (далее – поствакцинальные осложнения), – тяжелые и (или) стойкие нарушения состояния здоровья вследствие профилактических прививок, дающие право на возмещение вреда, причиненного здоровью».

Подводя итог проведенному в настоящей статье исследованию, можно сделать определенные краткие выводы. Во-первых, возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина вследствие вакцинации имеет свою специфику, а судебная практика весьма противоречива. С целью реализации принципа единообразия правоприменения в гражданских делах предлагаем предусмотреть в форме государственной статистической отчетности о деятельности судов специальную графу, отображающую статистику по конкретным категориям судебных дел. Такого рода мера даст возможность более детального исследования всех обстоятельств подобных решений, создаст основу их сравнения и более глубокого осмысления, в том числе с точки зрения изучения опыта других стран в этой области, что позволит посмотреть на проблему шире и уйти от шаблонных решений. Во-вторых, подробный анализ правовых аспектов поствакцинальных осложнений и рисков, связанных с вакцинацией, позволил автору сформировать свои предложения по совершенствованию отечественного законодательства в рассматриваемой области. Так, по нашему мнению, содержание понятия «поствакцинальные осложнения» в ст. 1 Закона об иммунопрофилактике необходимо дополнить фразой, что такие состояния предоставляют потерпевшему право на возмещения вреда.

Спектр вопросов, связанных с проблемами возмещения вреда здоровью, причиненного вследствие вакцинации, крайне широк, в настоящей статье была сделана попытка обозначить лишь некоторые из них.

Библиографический список

1. Актуальные вопросы вакцинопрофилактики: учебное пособие / сост.: Г. П. Ширяева, Т. Д. Просвиркина, Е. В. Рожкова, А. Г. Муталов, Г. Д. Минин, С. В. Шагарова, С. А. Ларшутин. Уфа: Изд-во ГБОУ ВПО БГМУ Минздрава России, 2014. 78 с.
2. Егоров К. В. Вред как условие деликтной ответственности в сфере медицинской деятельности // Практическая медицина. 2006. № 2 (16). С. 37 – 38.
3. Мельников В. Л. Вакцины, вакцинопрофилактика: учебное пособие / В. Л. Мельников, Н. Н. Митрофанова. Пенза: Изд-во ПГУ, 2015. 73 с.
4. Организация работы по проведению профилактических прививок: пособие для студентов и клинических ординаторов / Марунич Н. А., Матеишен Р. С., Романцова Е. Б., Фигурнова Е. В. Благовещенск: ФГБОУ ВО Амурская ГМА Минздрава России, 2020. 96 с.
5. Oberle D., Mentzer D., Rocha F., Streit R., Weißer K., Keller-Stanislawski B. Impfkomplicationen und der Umgang mit Verdachtsfällen [Postvaccinal complications and management of suspected cases] // Bundesgesundheitsblatt – Gesundheitsforschung – Gesundheitsschutz. 2019 Apr;62(4). P. 450 – 461.

ОСОБЕННОСТИ РАЗРЕШЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ СПОРОВ, СВЯЗАННЫХ С ПРИЧИНЕНИЕМ ВРЕДА ВОДНЫМ ОБЪЕКТАМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И ЕГИПТА

Осетрова А. Ю., кандидат юридических наук, доцент
 Степанова Е. В., кандидат филологических наук
 Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия
 АльМоатассемБеллах М. М. Э., PhD права
 Самаха А. Г. М. Э., ассистент преподавателя
 Университет Мансура, г. Мансура, Египет

Аннотация. В российском и египетском экологическом законодательстве особое внимание уделяется вопросам возмещения ущерба водным объектам. В настоящей статье изучается правовая основа ответственности лиц, ответственных за ущерб водному объекту, и степень, в которой пострадавшие стороны могут получить компенсацию. Авторы акцентируют внимание на том, что в Египте и России законодательно определен особый механизм разрешения экологических споров, связанных с причинением вреда водным объектам. Компенсация за экологический ущерб, нанесенный водным объектам в Египте, представляет собой конкретную процедуру, осуществляемую посредством страхования, частных фондов, натуральной компенсации и денежной компенсации. Истцом является сторона, пострадавшая от загрязнения воды, в то время как ответчиком может быть частное лицо, компания или государство, или его агентства. В России при рассмотрении экологического спора суд сначала определяет обоснованность иска, и если представитель Росприроднадзора обосновывает наличие таких условий, как возникновение вреда и его размер, незаконность поведения причинителя вреда, вина причинителя вреда и причинно-следственная связь между противоправным поведением и наступившими вредными последствиями, суд, как правило, удовлетворяет иск. Фактическим основанием иска является описание обстоятельств, свидетельствующих о наличии данных условий. Правовой механизм разрешения экологических споров в странах отличается в субъектах, инициирующих административные и судебные процедуры, и методикой определения размера ущерба водным объектам.

Ключевые слова: экологическое законодательство, компенсация экологического ущерба, водное право в России и Египте, экологический ущерб, компенсация ущерба водным объектам.

FEATURES OF ENVIRONMENTAL DISPUTES RESOLUTION RELATED TO WATER BODIES` CAUSED HARM IN RUSSIA AND EGYPT

Osetrova A. Yu., Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
 Stepanova E. V., Candidate of Sciences (Philology)
 Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia
 AlMoatassembellah M. M. E., PhD (Law)
 Samaha A. G. M. E., Assistant Lecturer
 Mansoura University, Mansoura, Egypt

Abstract. In Russian and Egyptian environmental legislation, special attention is paid to the issues of compensation for damage to water bodies. This paper analyzes legal basis for liability of those individuals and entities responsible for water body damage and the compensation scope by the affected party. The authors reveal that in Egypt and Russia special mechanisms of ecological disputes resolution connected with water bodies` harm infliction are legislatively defined. Compensation for environmental damage caused to water bodies in Egypt is a specific procedure done through insurance, private funds, in-kind compensation and cash compensation. The plaintiff is the party harmed by the water pollution, while the defendant can be a private individual, company, or the state or its agencies. In Russia, when considering the environmental dispute, the court first determines the validity of the claim; and if the Rosprirodnadzor representative is able to substantiate the existence of such conditions as the harm occurrence, its scope and scale, the harm-doer`s illegality of action, the guilt of the party which caused the damage and the causal relationship between the unlawful behavior and the harmful consequences that occurred, the court as a rule satisfies the claim. Detailing the circumstances that indicate the existence of these conditions constitutes the actual claim basis. The legal arrangements of environmental disputes resolving in the studied countries differ in the entities initiating administrative and judicial procedures, and the methodology for determining the amount of damage to water bodies.

Keywords: environmental legislation, compensation for environmental damage, water law in Russia and Egypt, environmental damage, compensation for damage to water bodies.

Introduction

Water pollution and introduction of toxic substances into water bodies including lakes, rivers, and oceans pose a severe ecological threat [11]. Both Egypt and Russia pay significant attention to protecting water bodies, as mandated by their constitution and environmental law; nevertheless, hu-

man activities in water environments still cause pollution, impacting human health, hindering activities like fishing, impairing water quality, and reducing its purity [5].

The Egyptian Environmental Law includes a Part dedicated to protecting the Water Environment from pollution which stipulates: "The aim of protecting the water envi-

ronment from pollution is to achieve the following objectives:

a) To protect the coasts and ports of the Arab Republic of Egypt from the risks of pollution in all its forms and shapes.

b) To protect the environment of the territorial sea and the exclusive economic zone and their living or non-living natural resources by preventing, controlling and reducing pollution from any source.

c) To protect the natural resources in the economic zone and the continental shelf.

d) To compensate any individual or juridical person for any injury they sustain from the pollution of the water environment.

e) To introduce the Integrated Environmental Management of Coastal Zones that ensures management of its resources to achieve sustainable development” [6].

Despite the Egyptian government interest in protecting the water bodies from pollution, human activity in the seas, rivers and lakes causes pollution which represents a real threat as it affects human health, threatens certain activities, impairs the properties of the water and reduces its purity. As the article 1/12 of the aforementioned law stated the definition of water pollution as follows: “Introduction of any substance or energy into the water environment, whether intentionally or unintentionally, directly or indirectly, which causes damage to living or non-living resources, poses a threat to human health or hinders water activities, fishing and tourism or impairs the quality of sea water so as to render it unfit for use, diminish the enjoyment thereof or alter its properties”. This analysis explores the legal basis for liability of those responsible for water body damage and the extent to which affected parties can obtain compensation.

In Russia, according to Article 3 of the Federal Law of January 10, 2002 No. 7-FZ “On Environmental Protection” (hereinafter referred to as the Law on Environmental Protection), economic and other activities of legal entities and individuals that have an impact on the environment are to be carried out on the principles of payment for the use of natural resources and compensation for environmental damage. Compensation for environmental damage in accordance with the established procedure is a method of economic regulation in the field of environmental protection (Article 14 of the Law on Environmental Protection). According to Article 69 of the Water Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Water Code of the Russian Federation), individuals or companies who caused damage to water bodies are to compensate the damage voluntarily or in court.

Environmental disputes related to compensation for damage caused to a water body have certain specifics due to the public legal nature of natural objects protected by law and the organization of environmental supervision in the water sector. Most environmental disputes in this area are initiated by government bodies authorized to supervise the condition of water bodies.

Methods and Results

The basis of liability for environmental damages in Egypt, including those caused to water bodies, varies across legislations. Some adopt traditional liability based on proving fault, while others embrace strict liability based solely on the occurrence of damage. Legal norms in Russia are applicable to understanding the harm caused to the health and property of citizens by the negative impact of the environment as a result of economic and other activities of legal entities and individuals, determining the amount and procedure for com-

pensation for such harm [1]. The issues related to compensation for damage caused to environmental components are no less problematic.

Studying the practice of Egypt, the authors identify the traditional environmental liability (based on fault) as well as the objective environmental liability applied without the burden of proof.

Traditional Environmental Liability (Fault Based)

The Egyptian Civil Code requires proof of fault, damage, and a causal link between the two for establishing liability. Consequently, environmental liability arises if the affected party can prove the responsible party deviated from normal behavior, either intentionally or through negligence. However, applying traditional liability rules to environmental damages faces challenges, such as the indirect nature of environmental harm, making it difficult to prove causation.

Article 163 of the Egyptian Civil Code stipulates that: “Any mistake that caused damage to someone obligates the person who committed it with compensation”. According to this article, the fault is considered an essential element for establishing the liability alongside the other two elements, which are the damage and the causal relationship between them, as the liability does not exist unless its three elements are present [3, p. 142].

Consequently, environmental liability is achieved if the affected person can prove that the person liable for the damage has deviated from the usual behavior of the usual person, whether it was intentionally or due to lack of foresight or negligence, and whether it was positive by practicing a behavior that is harmful to the environment, or negative by refraining from reporting that an environmental damage has happened [15].

This type of liability is applied to cases in which it is proven that there exists an activity that harms water bodies through the discharge of waste or harmful materials, or other activities that involve fault and cause damage to water bodies.

Consequently, this represents an attempt to apply the traditional rules of liability to these environmental damages. Although these rules represent the main constants of the legal systems necessary to confront the environmental risks, there are difficulties that prevent their implementation, including that environmental damage is in most cases an indirect damage, and this leads to the difficulty of proving the existence of a causal relationship between the existing activity and the damage [10].

It appears, therefore, that the standard of the fault that must be proven does not involve all forms and damages of the environmental pollution, including pollution occurring in the water bodies. As the activity may be legitimate and the person performing it may have taken all necessary precautions, and the pollution also occurs, which led some jurists to adopt the traditional theory based on fault that does not have to be proven, because the difficulty of proving the fault will enable the person liable for the damage to escape from punishment and jeopardize the right of the injured party to compensation.

Therefore, it is recommended to adopt the idea of an assumed fault that does not have to be proven, which is an idea that is between the traditional liability, in which it is necessary to prove the fault, and the objective liability, in which there is no need to prove the fault [7]. The Theory of the assumed fault is based on the idea of the liability for the actions of others, or in other words the liability of the person

for the actions of his subordinate, as the Article 174/1 of the Egyptian Civil Code stipulates that: "The person is liable for the damage caused by his subordinate by his illegal act, if it occurred by him while performing his job or because of it". According to this article, the person, whether natural or legal, is liable for the harmful act caused to water bodies by his subordinate, and his liability is based on the assumed fault, which means that he was negligent in directing and advising his subordinate, which led his subordinate to carry out an illegal act that resulted in Damage.

Since this theory is based on the fault that must be proven or the assumed fault, it does not involve all forms of environmental damage caused to water bodies, so it was necessary to search for another basis for liability so that the affected person can obtain compensation.

Objective Environmental Liability (no Burden of Proof)

Strict liability is based on the occurrence of damage, without the need to prove fault. The liable party cannot avoid responsibility if their activity caused the damage, regardless of whether it was lawful or not. This approach aims to protect the affected party and ensure their right to compensation when the fault cannot be proven. Some justify strict liability based on the theory of bearing consequences – since a party profits from their activity, they must also bear any resulting damages, provided a causal link exists.

Liability has developed, and this development is about the element of damage in liability, where its role began to weaken until it disappeared completely, and another idea appeared called objective liability, which is based on damage, as the person liable for the damage cannot avoid being liable even if there is no fault.

As long as the damage occurred as a result of his activity, he is liable for it. The purpose of this idea is to protect the affected person and preserve his right in obtaining compensation if the fault cannot be proven [10].

Since the traditional liability system is based on the element of fault, according to which the affected person must prove the deviation of the responsible person from normal behavior, whether this deviation was intentional, or resulted from negligence and lack of foresight, or failure to follow what the laws and regulations require, then all of this represents a challenge in the field of liability for damages caused to water bodies, as if it can be proven in some activities, it cannot be proven in many other activities.

The environmental damage may result from an activity that is practiced legitimately, or not in violation of laws and regulations. It may also result from activities authorized by the competent administrative authorities, and the activity follows the appropriate technical specifications, and it also results in environmental damage. Consequently, the positive and distinctive role of objective liability appears, as it does not require proving a fault, but the existence of the damage element is sufficient [3, p. 163].

Some jurists have justified the objective liability on the basis of the theory of bearing the consequence [2]. According to this theory, every person must bear the consequences of his action and activity, regardless of whether it is wrong or legitimate, as long as a causal relationship exists between his activity and the damage. As long as the person makes profits from his activity, he must also bear the damages that resulted from this activity.

By analogy, as long as there is a causal relationship between an activity that occurred in the water environment and the damage caused to the water of the sea, river, or lake,

the person who caused the activity will be liable for this damage, regardless of whether this activity represents a lawful or unlawful act.

Discussion

According to data published by Roshydromet, in 2020, in Russian water bodies the number of sites with high levels of pollution increased from 560 (in 2019) to 643, in the water of which over the course of a number of years the average annual concentration of at least one chemical substance reached or exceeded 10 MPC, while the water was characterized by quality classes 4 ("dirty" or "very dirty") or 5 ("extremely dirty"). The most common pollutants of surface waters in Russia for several decades are organic substances (based on COD), copper and iron compounds, phenols, easily oxidized organic substances (based on BOD5), zinc compounds, and petroleum products, for which the excess of the MPC was significant, changing slightly from year to year. per year up or down [13]. This statistics reinforces the need to improve the legal aspects of regulating the resolution of environmental disputes related to damage to water bodies.

As noted by O. A. Romanova: "history clearly demonstrates how unfounded management and political decisions in the field of management of the protection and use of water resources in Russia can cause irreparable harm to the environment. A classic example is the construction of a pulp and paper mill near Lake Baikal and other large industrial facilities on valuable bodies of water, for example, Lake Ladoga. ... Therefore, it is important that the public administration system in the field of use and protection of water bodies contains a reliable mechanism that excludes the adoption of such decisions" [14].

One of the most important links in the environmental management system is the Federal Service for Supervision of Natural Resources (Rosprirodnadzor) and its territorial bodies. Since 2004, the Federal Service for Supervision of Natural Resources has been ensuring environmental safety in Russia and monitoring compliance with rational environmental management. One of the ways the supervisory authority implements environmental activities is to file claims for compensation for environmental damage in court. Disputes about compensation for environmental damage with the participation of authorities arise in practice very often and have significant specifics, but this issue is rarely addressed in the legal literature [4].

The federal executive body exercising control and supervision functions in the field of environmental management, as well as within its competence in the field of environmental protection, is the Rosprirodnadzor. To exercise their powers, officials of Rosprirodnadzor and territorial bodies have the right to file claims, in accordance with the procedure established by law, for compensation for environmental damage caused as a result of violation of legislation in the field of environmental protection [12].

In law enforcement practice, authorities are faced with many intractable issues; due to legal gaps and conflicts, very contradictory practice is being formed in claims for compensation for environmental damage, however, there are general patterns and specific features of the consideration of such disputes that need to be taken into account by natural resource users, courts and executive authorities. The unifying point for this category of cases is the special legal position of the plaintiff, determined by his legal status: the state body in the process acts as a representative of the interests of a public legal entity. The specificity of disputes lies in the special content of the basis for the claim, which must be considered by

the court: the substantiation of the claim is based on evidence obtained during ongoing and unscheduled inspections and administrative proceedings on the fact of harm caused, documents determining the amount of harm caused to the environment. The uncertainty of the content of the concept of "environmental harm" and its confusion with the concepts of "ecological harm" and "damage caused to the environment" are a significant difficulty in the formation of uniform judicial practice on claims of the Rosprirodnadzor for compensation for damage to the environment in general and water bodies in particular.

Thus, environmental legislation mentions compensation for damage caused to the environment (Article 77 of the Law on Environmental Protection), and Art. 42 of the Constitution of the Russian Federation – on compensation for damage caused to the environment, human life and health by environmental violations.

Environmental harm is a generic concept, broader in meaning, includes both harm caused to the environment and harm caused to the life, health of citizens, property of organizations and individuals [8]. As noted by A. V. Kodolova, not every impact on the environment is grounds for compensation for harm: if a negative impact is carried out in compliance with established environmental requirements (permissible harm), then it does not entail liability, and in the case of excess pollution of the environment, we can talk about causing harm subject to compensation [9; 16].

Harm to the environment according to Art. 1 of the Law on Environmental Protection is defined as a negative change in the environment as a result of its pollution, resulting in the degradation of natural ecological systems and the depletion of natural resources.

The concept of "damage" is also mentioned in civil law in Art. 15 of the Civil Code of the Russian Federation as an integral part of the concept of "losses". Thus, the first problem that arises for environmental management authorities in general and the Rosprirodnadzor in particular is the determination by law of the limits of the stated claims. An analysis of law enforcement practice indicates that the norms of environmental legislation are mainly applied and the subject of an environmental claim is a claim for compensation for damage to the environment.

Compensation for environmental damage caused to water bodies in Egypt is a specific procedure done through insurance, private funds, in-kind compensation and cash compensation. The plaintiff is the party harmed by the water pollution, while the defendant can be a private individual, company, or the state or its agencies.

Conclusion

In Egypt, if the damage is caused to water bodies and this damage affected the health of an individual by any way, only the affected person has the right to claim compensation. But if the damage is caused to the water environment itself, the state is the party concerned with claiming compensation.

In Russia when considering an environmental dispute, the court first determines the validity of the claim, and if the representative of the Rosprirodnadzor substantiates the existence of such conditions as the occurrence of harm and its size, the illegality of the behavior of the harm-doer, the guilt of the harm-doer and the causal relationship between the unlawful behavior and the harmful consequences that occurred, the court as a rule satisfies the claim. The actual basis of the claim is a description of the circumstances that indicate the existence of these conditions. Therefore, collecting evidence

is a very important stage in preparing a claim, on the competent implementation of which the success of the entire process depends. In their work, the Rosprirodnadzor officials are guided by an internal document which Methodological recommendations for assessing the effectiveness of completed and planned restoration work aimed at voluntary compensation for harm, which contain provisions regarding evidence that can be presented in support of a claim: evidence obtained during inspections; a reasonable calculation of harm in writing, documents determining the amount of harm caused to the environment.

In conclusion, it should be noted that it is necessary to refer to evidence obtained during administrative proceedings on the fact of harm caused as the main, but not the only one. Analyzing judicial practice on claims in Russia and Egypt for compensation for damage caused to water bodies, the following should be noted. As a rule, the basis for suing is the fact of contamination of a water body with wastewater exceeding the maximum permissible concentrations of substances.

In our opinion, the role of the law enforcement agencies of environmental protection in Russia and Egypt including environmental prosecutor's office, Rosprirodnadzor as supervisory authorities is invaluable, but their work is mainly aimed at monetary compensation for damage caused to water bodies. There is a long overdue need to create an organizational and legal structure aimed at financing measures for the restoration of water bodies affected by pollution. To summarize, we note that in the course of resolution of environmental disputes related to damage to water bodies in Russia and Egypt the main plaintiffs are government bodies representing the state.

Both in Russian and Egyptian environmental legislation, the issues of compensation for damage to water bodies are of particular importance. The authors conclude that despite differences in the studied countries of the legal mechanisms for resolving environmental disputes and the entities initiating administrative and judicial procedures, it is necessary to update and improve methods for calculating and practicing compensation for damage resulting from environmental violations and the implementation of environmentally hazardous activities. At the same time, it is also necessary to overcome the internal conflict of environmental and natural resource legislations in order to ensure the effectiveness of the natural resource and environmental activities.

References

1. Al-Bey M. A. H. Civil Liability for Environmental Damage // New Galaa Library, Mansoura, 2002, p. 43 (In Arabic).
2. Alish G. A. S. State Responsibility for Environmental Damage, PhD thesis, Faculty of Law, Beni Suef University, 2017, p. 140 (In Arabic).
3. Al-Minyawi Y. M. F. Civil Liability Arising from Environmental Pollution // New University Publishing House, 2008, p. 142 – 163 (In Arabic).
4. Anisimov A. P. Problem of realization of the rights to compensate health injure caused by widespread technical accidents in Russia and the USA (comparative-legal analysis) / A. P. Anisimov, A. V. Kodolova // European Journal of Natural History. 2010. No. P. 34 – 36.
5. Article No. (45) of the Egyptian Constitution of 2014, as amended in 2019.
6. Article No. (48) of the Egyptian Environmental Law No. (4) of 1994, as amended by Law No. (9) of 2009.

7. Ashour A.-R. A. The extent of implementation of civil liability rules in the field of environmental pollution: a comparative study // *Journal of the Faculty of Sharia and Law in Tanta*, No. 35, Part 1, 2020, p. 1096.
8. Dubovik O. L. *Environmental law*. M.: Prospekt, 2004. P. 307.
9. Kodolova A. V. On compensation (liquidation) of damage to the environment, including those associated with past economic activities // *Economy and Law*. 2012. No. 8. P. 27.
10. Mohsen A. H., *The Truth about the Civil Liability Crisis and the Role of Liability Insurance*, New Galaa Library, Mansoura, 1993, pp. 8, 9 (In Arabic).
11. Pásková M., Štekerová K., Zanker M., Lasisi T. T., Zelenka J. Water pollution generated by tourism: Review of system dynamics models // *Heliyon*. 2023 Dec 20;10(1):e23824. doi: 10.1016/j.heliyon.2023.e23824. PMID: 38226237; PMCID: PMC10788515.
12. Pratsko G. S., Chikildina A. Yu. Claims of Rosprirodnadzor for compensation for environmental damage // *Legal Concept*. 2014. No. 2. P. 22 – 28.
13. *Quality of surface waters in the Russian Federation: yearbook [2020]* / Ed. M. M. Trofimchuk. Rostov-on-Don: Roshydromet, 2021. P. 470.
14. Romanova O. A. *Organizational and legal mechanism for the protection of surface waters from pollution in the Russian Federation: theoretical and practical problems of legal regulation: monograph* / ed. N. G. Zhavoronkova; O. A. Romanova. Moscow: Prospekt, 2015. P. 89.
15. Saad A. M. *An Exploration of the Rules of Civil Liability in Environmental Pollution Disputes* // *Dar Al-Nahda Al-Arabiya*, Cairo, 1st edition, 1994, p. 173 (In Arabic).
16. Stepanova E. V., Ajit Ar. B. R. Climate Change and ESG factors in instability period: Indian and Russian Experience // *Paradigms of Management, Economics and Law*. 2022. No. 2 (6). C. 236 – 245.

ПОРЯДОК ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЧАСТНЫМ ЛИЦАМ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: СОСТОЯНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ДОКТРИНЫ

Острикова Л. К., кандидат юридических наук, доцент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Аннотация. В представленном исследовании рассматриваются дискуссионные вопросы о применении уголовного и гражданского судопроизводства по делам о возмещении вреда, причиненного физическим и юридическим лицам при производстве по уголовному делу. На основании доктринального подхода о гражданско-правовой природе отношений, возникающих вследствие причинения вреда в сфере уголовного судопроизводства, автором обосновывается вывод о гражданском судопроизводстве как наиболее эффективном способе защиты прав частных лиц.

Ключевые слова: возмещение вреда, деликтные обязательства, гражданское судопроизводство.

PROCEDURE FOR COMPENSATION FOR HARM CAUSED TO INDIVIDUALS IN THE FIELD OF CRIMINAL PROCEEDINGS: THE STATE OF LEGISLATION AND DOCTRINE

Ostrikova L. K., Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

Kutafin Moscow State Law University (MGUA), Moscow, Russia

Abstract. The presented study examines controversial issues on the application of criminal and civil proceedings in cases of compensation for damage caused to individuals and legal entities in criminal proceedings. Based on the doctrinal approach to the civil nature of relations arising as a result of harm in the field of criminal proceedings, the author substantiates the conclusion about civil proceedings as the most effective way to protect the rights of individuals.

Keywords: compensation for damages, tort obligations, civil proceedings.

В ст. 53 Конституции РФ закреплено и провозглашено право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти и их должностных лиц. Основанием осуществления права требования возместить вред, причиненный в такой сфере государственно-властной деятельности, как уголовное судопроизводство, являются нормы ст. ст. 8, 150, 151, 1070, 1099, 1100 ГК РФ и ст. ст. 133 – 135, 138, 139, 397, 399 УПК РФ.

В материально-правовом смысле право требования частного лица (гражданина или юридического лица) возместить моральный, имущественный, репутационный вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, и обязанность Российской Федерации как субъекта гражданского права (п. 2 ст. 124 ГК РФ) возместить вред за счет средств федерального бюджета составляет содержание деликтного обязательства. Цивилистическая природа складывающихся отношений предполагает гражданско-процессуальный порядок возмещения причиненного вреда, вне зависимости от его видового деления. Это обусловлено тем, что между деликтным обязательством и гражданско-процессуальным правоотношением существует тесная взаимосвязь: материально-правовое требование потерпевшего возместить причиненный вред, как часть содержания деликтного обязательства, составляет предмет иска, а особенности субъектного состава деликтного обязательства (ст. 1070 ГК РФ) определяет круг участников процесса в каждом гражданском деле, процессуальные права и обязанности которых установлены в Гражданско-процессуальном кодексе РФ.

В положениях ст. 1070 ГК РФ предусматривается три вида деликтных обязательств, возникающих вследствие незаконной деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, каждое из которых имеет свои особенности: условия деликтной ответственности, субъектный состав обязательства сложной или простой структуры и т. д.

Вместе с тем в нормах п. 1 и 2 ст. 1070 ГК РФ в совокупности с нормами уголовно-процессуального законодательства предусматриваются различные виды судопроизводства по делам о возмещении вреда: гражданское и (или) уголовное. Критерием определения вида судопроизводства является характер процессуальных действий, осуществляемых органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в ходе производства по уголовному делу. Согласно п. 1 ст. 1070 ГК РФ возмещение вреда, причиненного в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, осуществляется в порядке, установленным законом. Однако до настоящего времени не принят закон, предусматривающий единый порядок возмещения различных видов вреда, причиненного реабилитированным физическим лицам. В связи с этим следует обратиться к ранее действовавшему законодательству советского периода в этой области. Основными нормативно-правовыми актами здесь являлись: ст. 58 Конституции СССР, п. 2 ст. 127 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик от 1991 г., ст. 447 ГК РСФСР и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18.05.1981 № 4892-Х «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и об-

публичных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» (далее – Указ ПВС СССР), а также утвержденные Указом ПВС СССР Положение от 02.05.1982 «О порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда» и Инструкция по применению Положения (утратила силу в связи с изданием Приказа Минюста России от 01.04.2003 № 77). Из разъяснений Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ) (определение КС РФ от 21.04.2005 № 242-О) следует, что Указ ПВС СССР может применяться лишь во взаимосвязи с положениями главы 18 УПК РФ, регламентирующей основания возникновения права на реабилитацию, порядок признания этого права и возмещения различных видов вреда, а также с положениями ст. 1070 и § 4 гл. 59 ГК РФ.

Действующий порядок возмещения вреда реабилитированному физическому лицу зависит от вида вреда. Так, осуществление субъективного гражданского права требования физического лица возместить имущественный вред, причиненный по основаниям п. 1 ст. 1070 ГК РФ, осуществляется не в порядке гражданского судопроизводства, а уголовного судопроизводства (ст. 138, п. 1 ст. 397 и ст. 399 УПК РФ). Если же требование о возмещении вреда судом в уголовно-процессуальном порядке не удовлетворено или реабилитированное физическое лицо несогласно с принятым судебным решением, то оно вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства (п. 1 ст. 138 УПК РФ), учитывая правовую позицию КС РФ (постановление КС РФ от 12.10.2021 № 44-п). В то же время в п. 2 ст. 136 УПК РФ предусматривается осуществление субъективного гражданского права требования компенсации морального вреда в денежной форме в порядке гражданского судопроизводства (п. 2 ст. 136 УПК РФ).

Подобный дуализм и многоступенчатость в определении порядка возмещения причиненного вреда реабилитированному физическому лицу, реализации права на восстановление его нарушенных конституционных прав выглядит достаточно спорным и нелогичным. Причина кроется в отсутствии концептуального подхода к доктринальному обоснованию уголовно-правовой природы отношений по возмещению вреда, причиненного в ходе уголовного преследования, и восстановлению нарушенных конституционных прав, а также затруднении обоснования доктриной уголовно-процессуального права ответственности государства за причиненный вред в этой сфере публичной власти.

В советский период в доктрине уголовно-процессуального права были следующие аргументы в пользу уголовно-процессуальной природы рассматриваемых правоотношений. Не оспаривая имущественного характера правоотношений по возмещению имущественного вреда гражданину в сфере уголовного судопроизводства, Б. Т. Безлепкин не признает их гражданско-правовыми. Он полагает, что «если же он (имущественный вред) является производным от каких-либо других нормативно урегулированных социальных связей, то имущественные отношения обособляются от сферы гражданско-правового регулирования и образуют объект других самостоятельных отраслей правовой системы» [1, с. 69]. Что касается защиты чести, достоинства и деловой репутации гражданина, то, по мнению Б. Т. Безлепкина, К. С. Никишкина [4, с. 21] и А. А. Прокудиной [6, с. 21], эти отношения носят уголовно-процессуальную природу.

Кроме того, по утверждению Б. Т. Безлепкина, «прекращая уголовное дело или вынося оправдательный приговор, орган тем самым опровергает порочащие обвиняемого сведения, связанные с несостоятельным обвинением. И нет необходимости опровергать их еще раз в порядке гражданского судопроизводства» [1, с. 69]. К числу дополнительных аргументов приводились доводы о целях и задачах уголовно-процессуального законодательства. По нашему мнению, с приведенными аргументами трудно согласиться.

При отграничении одной отрасли права от другой мы, прежде всего, руководствуемся предметом правового регулирования, и дополнительно – методом правового регулирования, а не сферой возникновения юридического факта. К предмету же гражданско-правового регулирования относятся имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности (п. 1 ст. 2 ГК РФ). Для гражданско-правового метода характера инициатива субъекта права (диспозитивность). По справедливому утверждению С. Н. Братуся, от усмотрения потерпевшего зависит, воспользуется ли он возникшим у него правом на получение имущественной компенсации или нет [2, с. 127].

Среди имущественных отношений выделяются обязательственные правоотношения, возникающие вследствие причинения вреда (ст. 307 ГК РФ) вне зависимости от сферы деятельности субъектов. Неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага защищаются гражданским законодательством. Так, нормы ч. 2 п. 2 ст. 150 ГК РФ предусматривают специальные способы защиты нематериальных благ, а положения ст. 152 ГК РФ – способы защиты и порядок их применения при нарушении права на честь, достоинство и деловую репутацию гражданина. Кроме того, при нарушении личных неимущественных прав либо посягательстве на принадлежащие гражданину нематериальные блага подлежит компенсации моральный вред в денежной или иной форме (с учетом правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ в постановлении от 15.11.2022 № 33).

Если исходить из уголовно-процессуальной природы отношений по возмещению причиненного вреда реабилитированному лицу, по восстановлению его нарушенных конституционных прав, то не предмет правового регулирования общественных отношений определяется их правовая природа, а сферой возникновения юридического факта, порождаемого правоотношения. Так, если вред причинен преступлением или административным правонарушением, то возмещение причиненного вреда должно происходить по нормам уголовного или административного законодательства. Однако не вызывает сомнений гражданско-правовая природа этих отношений (п. 1 ст. 1070 ГК РФ), исходя из предмета и метода гражданско-правового регулирования (ст. 2 ГК РФ), в которых реализуется деликтная ответственность при взаимодействии с институтами других отраслей права, что не влияет на юридическую природу гражданских правоотношений [5, с. 9]. При этом, учитывая неимущественный характер нарушенных прав граждан на нематериальные блага (жизнь, здоровье, честь, достоинство, деловая репутация, тайна частной жизни) в сфере уголовного судопроизводства, в результате чего причиняется моральный вред, законодатель признает цивилистическую природу возникающих правоотношений (деликтных обя-

зательств) и придает гражданско-процессуальный порядок их защиты.

Таким образом, обязательственные отношения, возникающие вследствие причинения имущественного или морального вреда гражданину в сфере уголовного судопроизводства по основаниям п. 1 ст. 1070 ГК РФ, имеют гражданско-правовую природу. Вышеприведенные аргументы гражданско-правовой природы отношений по возмещению вреда относятся и к отношениям, возникающим по основаниям п. 2 ст. 1070 ГК РФ, например, вследствие необоснованного или незаконного личного обыска, обыска, выемки, наложения ареста на имущество, хранение вещественных доказательств и других процессуальных действий. Это утверждение в равной мере относится как к гражданам, так и юридическим лицам. Особенности возмещения вреда по основанию п. 2 ст. 1070 ГК РФ могут возникать при установлении условий деликтной ответственности, в том числе видов вреда, его объема и субъектного состава.

К субъектам гражданского права, в силу п. 1 ст. 124 ГК РФ, отнесены и публично-правовые образования, выступающие в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с гражданами и юридическими лицами. Руководствуясь нормой п. 2 ст. 124 ГК РФ, к Российской Федерации, как к субъекту гражданского права, применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством. Согласно ст. 1070 ГК РФ, Российская Федерация несет самостоятельную гражданско-правовую (деликтную) ответственность по своим обязательствам, принадлежащим ей на праве собственности имуществом, кроме имущества, закрепленного за созданными ею юридическими лицами на праве хозяйственного ведения или оперативного управления (ч. 1 п. 1 ст. 126 ГК РФ).

Глава 18 УПК РФ в своей основе содержит заимствованные нормы гражданского законодательства. Понятия и термины гражданского, трудового, пенсионного, жилищного и других отраслей законодательства, используемые в главе 18 УПК РФ, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях. Вместе с тем лингвистическое толкование понятия «реабилитация» широко используется в разных значениях. Согласно п. 34 ст. 5 УПК РФ под реабилитацией в уголовном судопроизводстве понимается порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда, то есть понятие «реабилитация» в Уголовно-процессуальном кодексе РФ используется в ином значении. Разрозненные уголовно-процессуальные нормы исполнения оправдательного приговора (в широком смысле) в части возмещения вреда и восстановления нарушенных конституционных прав, несмотря на явные трудности концептуализации доктринального подхода к формированию уголовно-процессуального института возмещения вреда (реабилитации), позволяют сделать вывод, что законодатель все-таки придает отношениям по возмещению имущественного вреда реабилитированным физическим лицам, по восстановлению их трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав уголовно-процессуальную природу. Это объясняет в первую очередь установление уголовно-процессуального порядка возмещения имущественного вреда и восстановления нарушенных конституционных прав реабилитированных физических лиц.

В современной доктрине уголовно-процессуального права уголовно-процессуальный порядок возмещения причиненного имущественного вреда реабилитированному физическому лицу именуют упрощенным порядком в сравнении с исковым гражданским судопроизводством [3, с. 1241]. Так ли это на самом деле?

Из разъяснений в ч. 1 п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 (в ред. от 28.06.2022) следует, что требование реабилитированного лица о возмещении имущественного вреда должно быть рассмотрено судом не позднее одного месяца со дня его поступления. Однако в случае недостаточности данных, представленных реабилитированным лицом, суд, согласно ч. 3 п. 17 указанного постановления, оказывает ему содействие в собирании дополнительных доказательств, необходимых для разрешения заявленных им требований, а при необходимости и принимает меры к их собиранию. Таким образом, устанавливая строго определенный срок рассмотрения ходатайства с требованием реабилитированного лица, суд будет заниматься в первую очередь собиранием доказательств о наличии, объеме и размере имущественного вреда, что соответствует компетенции суда общей юрисдикции по гражданским делам.

Как правило, оказание содействия в собирании доказательств при отсутствии документов в материалах дела проявляется в удовлетворении ходатайств со стороны потерпевшего о запросе сведений состава и размера заработной платы или вознаграждения по гражданскому договору, пенсий, пособий, неполученных доходов в организации по месту работы реабилитированного лица, в ИФНС о доходах, задекларированных в налоговых декларациях реабилитированных самозанятых граждан или индивидуальных предпринимателей, взысканных штрафов, издержек и т. п. Суд по своей инициативе может направлять подобные и другие запросы.

На направление запросов и получение на них ответов уходит, как правило, больше месяца. Поэтому представляется, что установление одного месяца рассмотрения требования о возмещении имущественного вреда со дня его поступления не соответствует реальной судебной практике. При этом реабилитированный лишен возможности осуществить свои гражданские процессуальные права, предусмотренные ст. 39 ГПК РФ. Например, он не может изменить состав и размер своих имущественных требований или оспаривать какие-либо обстоятельства в ходе рассмотрения ходатайства в порядке ст. ст. 397, 399 УПК РФ, а представители Федерального Казначейства РФ лишены возможности внесения возражений на заявленные требования в порядке уголовного судопроизводства.

Если в уголовно-процессуальном порядке требуется возврат конфискованного имущества, то при обнаружении его повреждений понижается товарный вид и, соответственно, его рыночная стоимость, поэтому у реабилитированного лица, как собственника этого имущества, возникают убытки в части реального ущерба, не исключая и упущенную выгоду. В этом случае собственнику следует обращаться с требованием о возмещении причиненных убытков не в порядке уголовного судопроизводства, а в порядке гражданского судопроизводства.

Если вред причинен имуществу физического или юридического лица в ходе проведения следственных действий или осуществления мер процессуального при-

нуждения, то этим лицам следует обращаться с требованиями о возмещении причиненного имущественного вреда, а для юридического лица, возможно, с требованиями о компенсации репутационного вреда в порядке гражданского судопроизводства.

Представляется, что наиболее эффективным порядком защиты прав реабилитированных физических лиц, иных физических лиц, юридических лиц, которым в ходе производства по уголовному делу причинен вред, следует признать гражданское судопроизводство. Действующий Гражданско-процессуальный кодекс РФ можно было бы дополнить разделом «Особенности производства по делам о возмещении вреда, причиненного при производстве уголовного дела», а также нормами об особенностях исполнения судебных решений по такой категории гражданских дел.

Библиографический список

1. Безлепкин Б. Т. Отраслевая принадлежность института возмещения ущерба реабилитированному лицу // Советское государство и право. 1989. № 1. С. 65 – 71.

2. Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Юридический дом «Юстицинформ», 2005. 208 с.

3. Курс уголовного процесса / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головки; Московский гос. ун-т. им. М. В. Ломоносова, юридический фак., каф. уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора. 3-е изд., испр. доп. М.: Статут, 2021. 1328 с.

4. Никишкин К. С. Возмещение морального ущерба реабилитированному гражданину в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 24 с.

5. Острикова Л. К. Проблемы возмещения вреда, причиненного должностными лицами при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 22 с.

6. Прокудина Л. А. Возмещение ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями должностных лиц в сфере уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. 23 с.

К ВОПРОСУ О СВЕРШЕНСТВОВАНИИ ИНСТИТУТА КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ГРАЖДАНАМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Романова Г. В., кандидат юридических наук, доцент
Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» стало значимым и способствовало качеству принимаемых судебных решений в рассматриваемой области. Тем не менее, этот акт так и не решил всех неоднозначных вопросов о компенсации морального вреда, сложившихся на практике и требующих нормативного разрешения. Как раз отдельным аспектам такого рода проблематики и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: гражданское право, деликтное право, моральный вред, компенсация морального вреда.

ON THE ISSUE OF IMPROVING THE INSTITUTE OF COMPENSATION FOR MORAL INJURY TO CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Romanova G. V., Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia

Abstract. The resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 15, 2022 No. 33 “On the practice of applying the norms on compensation for moral damage by courts” became significant and contributed to the quality of court decisions in the area under consideration. Nevertheless, this act has not solved all the ambiguous issues of compensation for moral damage that have developed in practice and require regulatory resolution. This article is devoted to certain aspects of this kind of problem.

Keywords: civil law, tort law, moral harm, compensation for moral harm.

Институт морального вреда в отечественном праве прошел многовековой путь развития. Его возникновение можно датировать окончанием X века, временем, когда начинало формироваться Древнерусское государство. В этот период под воздействием норм соседей Древней Руси, а именно ранних европейских правовых сборников, в том числе, так называемых, германских (варварских) прав, например, Салической, Рипуарской и Бургунской (V–VI вв.), а также Византийского законодательства, в древнерусском праве, чтобы компенсировать нравственные (душевные) и материальные потери потерпевшей стороны и устранить всякую возможность кровной мести, поощрялось взыскания с виновника компенсации в денежной форме.

В середине XI века, приблизительно в 1054 году, такого рода нормы были кодифицированы в первый правовой акт Древней Руси – Русскую Правду, правила которой, в том числе, были направлены на защиту жизни, здоровья, чести и имущества человека. А компенсационный порядок улаживания конфликтов, включая и моральные издержки, был закреплён нормативно. С развитием Российского государства и созданием централизованного механизма управления страной развивалось и отечественное законодательство, так в XVI веке появляется Судебник Ивана IV или Судебник 1550 года – сборник законов периода сословной монархии в России. В его содержании сохраняется та же тенденция, однако появляются и более конкретные правонарушения, за которые полагалось выплатить моральную компенсацию, например, определяется твердая сумма взыскания с виновного за «бесчестье». Однако, не смотря на многовековой путь своего существования, понятие и основы возмещения неимущественного ущерба появились в праве нашего Отечества только к началу XX в. [2, с. 113].

Возникновение и формирование советского государства, по сути, перечеркнуло все вышеизложенные наработки, так как среди пришедших к власти правоведов-большевиков преобладала точка зрения о том, что невозможно определять достоинство человека в «денежной форме». В этой связи уместно заметить, что такого рода позиция отражала больше не марксистский взгляд на компенсацию морального вреда, а мнение известного отечественного правоведа и активного члена партии кадетов Габриэля Феликсовича Шершеневича [8, с. 83]. Вследствие этого гражданское законодательство послереволюционной России до 1990 г. не предусматривало понятия морального вреда и возможности его компенсации.

Возрождение этого института в праве России произошло с принятия в 1991 г. Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик. В этом нормативе понятие «компенсация морального вреда» появилось в отечественном праве вновь, а затем оно было закреплено и в ст. 12 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) как способ защиты гражданских прав и более подробно раскрыто в 151 ГК РФ.

Однако не смотря на более чем 30-летний срок существования норм о компенсации морального вреда в праве Российской Федерации судебная практика отечественного применения этого института, а также мнения ученых юристов по его месту и правовой природе в отечественной цивилистике, взаимосвязи с другими отраслями права далеки от однозначности и единообразия. Назрела для разрешения и проблема совершенствования отечественного законодательства в этой сфере [7, с. 24].

Указанные доводы подтверждает и то, что в Российской Федерации за прошедшие время принимается уже два постановления пленума Верховного суда РФ в этой сфере. Так, на смену постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопро-

сы применения законодательства о компенсации морального вреда» пришел новый аналогичный акт – постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» (далее – Постановление от 15.11.2022 № 33).

Оценивая этот документ, Председатель правления Ассоциации юристов России В. С. Груздев обратил внимание на то, что в целом он расширяет возможности для получения компенсаций морального вреда. В нем более подробно по сравнению с предыдущим постановлением разъяснены общие условия возложения обязанности по его компенсации, способы и размер исчисления, специфика квалификации отдельных случаев и процессуальные особенности в анализируемой сфере [1, с. 5].

Особый интерес и споры в юридическом сообществе вызвал п. 29 Постановления от 15.11.2022 № 33, в котором было указано, что разрешая спор о компенсации морального вреда, суд в числе иных заслуживающих внимания обстоятельств может учесть тяжелое имущественное положение ответчика-гражданина, подтвержденное представленными в материалы дела доказательствами (например, отсутствие у ответчика заработка вследствие длительной нетрудоспособности или инвалидности, отсутствие у него возможности трудоустроиться, нахождение на его иждивении малолетних детей, детей-инвалидов, нетрудоспособных супруга (супруги) или родителя (родителей), уплата им алиментов на несовершеннолетних или нетрудоспособных совершеннолетних детей либо на иных лиц, которых он обязан по закону содержать).

В этом контексте М. Ю. Барщевский вполне разумно отмечал, что «раз суд может учитывать тяжелое финансовое положение ответчика для снижения размера компенсации морального вреда, то логично было бы предусмотреть и увеличение суммы компенсации морального вреда, в случае благополучного финансового положения ответчика при условии, что вина ответчика будет установлена и доказана в суде» [4, с. 71].

Парируя это мнение и такую постановку вопроса, судья Верховного Суда М. В. Кротов пояснил, что «гражданская ответственность исходит из принципа полной компенсации причиненного ущерба, дифференциация размера компенсации в сторону увеличения невозможна» [3].

Мы полностью поддерживаем мнение о том, что возмещение вреда должно осуществляться в полном объеме, тем более, что это положение как принцип нашло свое отражение в ст. ст. 15 и 1064 ГК РФ. Однако компенсация морального вреда вряд ли может подпадать под это правило, поскольку, и это не раз отмечалось в юридической литературе, само понятие «моральный вред», в виде нравственных и физических страданий, носит весьма теоретический и оценочный характер [6, с. 76]. В этой связи уже вышеупомянутое мнение Г. Ф. Шершеневича о том, что статус человека, с позиции осознания личности, не позволяет заменять глубину нанесенной эмоциональной обиды денежным откупом в определенной степени отражает пусть не всю правду, но хотя бы часть того, что происходит в реальности. Именно поэтому и само определение морального вреда в п. 1 Постановления от 15.11.2022 № 33 построено не совсем традиционным способом – не посредством абстрактного обобщающего умозаключения, а на основе перечисления принадлежащих гражданину от рождения или в силу закона немате-

риальных благ и личных неимущественных прав. И такой подход авторов этого акта понятен и объясним, так как определить рассматриваемую сферу крайне сложно, если вообще возможно. Также сформирован и п. 14 Постановления от 15.11.2022 № 33, в котором сделана попытка путем перечисления дать определение нравственным и физическим страданиям.

Таким образом, получается, что, несмотря на то, что институт морального вреда существует в отечественном законодательстве более трети века, определение, которое дается ему в науке и правоприменительной практике, при наличии значительного объема судебных precedентов, носит, как мы и отметили выше, достаточно условный характер. То же самое касается и объема его причинения конкретному потерпевшему, так как оценить его для каждого из таких субъектов далеко не просто, и степень нравственных и физических страданий весьма индивидуальна для каждого физического лица, поэтому возместить его в полном объеме вряд ли когда-нибудь получится. Иными словами, невозможно полностью возместить то, что невозможно полностью оценить. Поэтому законодатель в ст. ст. 12 и 151 ГК РФ отказался от термина «возмещение» и употребил дефиницию «компенсация» морального вреда, которая удачно подчеркивает ее оценочный характер.

В связи с указанными аргументами вряд ли будет правильным полностью согласиться с мнением уважаемого нами судьи Верховного Суда РФ. По нашему мнению, следовало бы поддержать доводы М. Ю. Барщевского о возможности повышения компенсационных выплат в спорах, связанных с оценкой размера морального вреда. Однако при выполнении условия, что из обстоятельств дела и убеждения суда явно видно, что такого рода суммы не превышают действительную (реальную) степень нравственных и физических страданий и не противоречат требованиям разумности и справедливости, а также соразмерности компенсации последствиям нарушенных прав.

В рассматриваемом аспекте мы бы считали необходимым дополнить положения Постановления от 15.11.2022 № 33 правилом, в котором был бы установлен нижний предел размера компенсации морального вреда и критерий его исчисления, например, в зависимости от минимального размера оплаты труда (МРОТ). Однако такая норма должна быть поставлена в зависимость от воли самого потерпевшего, который, и это не редкость, может сам заявить минимальный размер компенсации, например, в один рубль [5, с. 80].

А вот другое предложение М. Ю. Барщевского, а также профессора Б. М. Гонгало, о том, что право на компенсацию морального вреда должно переходить по наследству, мы бы поддерживать не стали. В этом случае, по нашему мнению, вывод Верховного Суда РФ о том, что право на компенсацию морального вреда, как неразрывно связанное с личностью потерпевшего, не входит в состав наследственного имущества и не может переходить по наследству, в силу п. 1 ст. 150 и части 2 ст. 1112 ГК РФ, является верным. Вполне обоснованным выглядит и то, что право на получение денежной суммы, взысканной судом в счет компенсации морального вреда, может переходить к наследникам в составе наследственной массы только в ситуации, если потерпевшему присуждена компенсация, но он умер, не успев получить ее (п. 9 Постановления от 15.11.2022 № 33).

Подводя итог изложенному выше, считаем возможным сделать следующие выводы. Во-первых, степень осмысления института компенсации морального вреда на территории Российской Федерации стала значительно выше по сравнению с моментом появления в отечественном законодательстве, и содержание постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» как раз подтверждает этот факт. Более того, считаем, что эти разъяснения способствуют качеству принимаемых судебных решений в рассматриваемой области. Во-вторых, не смотря на сказанное, Пленум так и не решил всех вопросов о компенсации морального вреда, давно назревших на практике и в части разработки толковой методики исчисления такого рода вреда, и низшего предела его компенсации, и возможности его повышения в зависимости от оценки благосостояния правонарушителя и т. п. Поэтому нормы отечественного права здесь требуют дальнейшего осмысления и совершенствования.

Библиографический список

1. Груздев В. С. Концепция «soft law» и риски ее использования в сфере военного права // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 12. С. 4 – 6.
2. Егорова М. А. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: учебное пособие / М. А. Егорова, В. Г. Крылов, А. К. Романов; отв. ред. доктор юридических наук М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017. 376 с.
3. Пленум ВС обновил разъяснение о компенсации морального вреда [Электронный ресурс] // Сайт «Верховного суда Российской Федерации». URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/31753/ (дата обращения: 24.04.2024).
4. Романова Г. В. Современное состояние института компенсации морального вреда // Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2023): сборник материалов международной научно-практической конференции памяти М. Ф. Медведева (г. Волгоград, 26 мая 2023 г.) [материалы] / под общей ред. Е. Н. Агибаловой, И. Б. Иловайского; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2023. С. 70 – 72.
5. Савельева М. В. Компенсация за моральный вред, причинённый незаконным уголовным преследованием: использование судами оценочных понятий при определении её размера // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (94). С. 75 – 83.
6. Смирнская Е. В. Компенсация морального вреда как деликтное обязательство: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. 219 с.
7. Соломеина Е. Распределение бремени доказывания по делам о компенсации морального вреда // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 8. С. 23 – 25.
8. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права: (По изд. 1907 г.) / Г. Ф. Шершеневич; Вступ. ст. Е. А. Суханова. М.: Спарк, 1995. 556 с.

ПРОБЛЕМАТИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИЧИНТЕЛЯ ВРЕДА ПРИ НАРУШЕНИИ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ ОБЛАДАТЕЛЕЙ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ

Садков А. Н., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский государственный аграрный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассмотрена проблематика указания обязанного лица в отношениях, возникающих относительно цифровых финансовых активов. Утверждается, что сущность конструкции цифровых финансовых активов составляет совокупность обязательственных прав (обязательственные денежные требования, корпоративные права участия в капитале непубличного акционерного общества, права по эмиссионным ценным бумагам), зафиксированных по уникальной технологии обозначения принадлежности этих прав конкретному правообладателю. Обезличивание прав, зафиксированных по конструкции цифровых финансовых активов, не допускается, что предопределяет устойчивость их оборота и невозможность анонимного присвоения и отчуждения.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, субъективные права, цифровая валюта.

Исследование выполняется в рамках реализации грантового проекта РНФ № 23-28-00475 «Государственное регулирование оборота цифровых финансовых активов и цифровых валют: построение экономико-правовой модели, превенция конфликтов, защита прав и законных интересов участников оборота», <https://rscf.ru/project/23-28-00475/>.

THE PROBLEM OF DETERMINING THE CAUSER OF HARM IN CASE OF VIOLATION OF SUBJECTIVE RIGHTS OWNERS OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS

Sadkov A. N., Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
Volgograd State Agrarian University, Volgograd, Russia

Abstract. The article examines the problems of specifying an obligated person in relations arising with respect to digital financial assets. It is argued that the essence of the construction of digital financial assets is a set of mandatory rights (mandatory monetary claims, corporate rights to participate in the capital of a non-public joint-stock company, rights under equity securities), fixed using a unique technology to indicate the ownership of these rights to a specific rightholder. Depersonalization of rights fixed by the design of digital financial assets is not allowed, which determines the stability of their turnover and the impossibility of anonymous appropriation and alienation.

Keywords: digital financial assets, subjective rights, digital currency.

The research is carried out within the framework of the implementation of the grant project of the Russian National Fund No. 23-28-00475 "State regulation of the turnover of digital financial assets and digital currencies: building an economic and legal model, conflict prevention, protection of the rights and legitimate interests of participants in the turnover", <https://rscf.ru/project/23-28-00475/>.

Цифровые финансовые активы (далее по тексту – ЦФА), являясь инновационным финансовым инструментом современной российской цифровой экономики, все активнее используются в обороте. На сегодняшний день в Реестре операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск ЦФА, ведение которого относится к прерогативе Банка России, зарегистрированы 11 организаций, в том числе такие крупные «игроки» финансового рынка как ПАО Сбербанк, ОА «АЛЬФА-БАНК», АО АКБ «ЕВРОФИНАНС МОСНАРБАНК», АО «Тинькофф Банк», ПАО «СПБ Биржа». По свидетельству первого заместителя председателя Банка России В. Чистюхина, суммарный объем выпусков ЦФА за период с 2022 по декабрь 2023 г. превысил 52 млрд рублей [5], а в 2024 г. объемы выпусков ЦФА могут достигнуть 125 млрд рублей [4].

Легальную «прописку» в правовой системе России конструкция ЦФА получила 31 июля 2020 г., когда был принят Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в

отдельные законодательные акты российской Федерации» № 259-ФЗ (далее – Закон о ЦФА). Однако следует отметить, что, принимая вышеуказанный нормативный правовой акт, российский законодатель не очень удачно сформулировал правовые нормы, что позволило говорить о дуализме в понимании сути конструкции ЦФА. Если в нормах ст. 1 Закона о ЦФА под цифровыми финансовыми активами предлагается понимать определенный сегмент цифровых прав (таких как денежные требования, права участия в капитале непубличного акционерного общества, права по эмиссионным ценным бумагам), то в ст. 2 этого же Закона, конструкция ЦФА рассматривается с позиции способа удостоверения вышеуказанных имущественных прав.

Критикуя такой подход законодателя, мы полагаем, что подобная коллизияность правового регулирования является сдерживающим фактором, препятствующим более активному продвижению этой вполне жизнеспособной и своевременной инновационной конструкции. Мы убеждены, что в качестве сущностного напол-

нения конструкции ЦФА следует рассматривать некую совокупность вполне себе апробированных в рамках гражданского оборота имущественных прав (таких как *обязательственные* (курсив наш) денежные требования, корпоративные права участия в непубличном АО, права по эмиссионным ценным бумагам), зафиксированных особым образом – посредством осуществления записей в информационных системах, функционирующих на принципах распределенного реестра. Именно оригинальность способа фиксации таких имущественных прав и обуславливает преимущества и инновационность конструкции ЦФА [8, с. 105].

Нормы Закона о ЦФА определяют, что посредством использования конструкции ЦФА могут удостоверяться только такие имущественные требования, адресатом которых (обязанным лицом) являются или индивидуальные предприниматели, или юридические лица, причем фиксация имущественных прав посредством осуществления цифровых записей в информационных системах, функционирующих на базе блокчейн технологии, должна осуществляться исключительно специальными субъектами, имеющими разрешение на осуществление такой деятельности, – операторами информационных систем, в которых осуществляется выпуск ЦФА (далее – операторы выпуска ЦФА).

Российский законодатель подчеркивает, что коренным отличием ЦФА от феномена цифровой валюты является то, что конструкция цифровой валюты не предусматривает участие в ее обороте лица, обязанного перед каждым обладателем электронных данных, совокупность которых и является собственно цифровой валютой, что позволяет отнести ее к категории «высоко рискованных спекулятивных объектов инвестирования» [2, с. 150], тогда как в отношении с ЦФА имеется конкретное обязанное лицо – индивидуальные предприниматели или юридические лица, которые инициировали выпуск ЦФА. Нормы ст. 3 Закона о ЦФА определяют, что указание вида и объема прав, удостоверяемых по конструкции ЦФА, а также сведений о лице, выпускающем ЦФА, – это обязательные элементы решения о выпуске ЦФА, размещаемом в открытом доступе на сайте лица, выпускающего обязательственные требования к себе в форме ЦФА, а также на сайте оператора выпуска ЦФА. Несомненно, что такое дублирование этой весьма и весьма значимой информации повышает доверие к ЦФА, как к инновационному финансовому инструменту.

Обязательно-правовой характер имущественных прав, составляющих сущностное наполнение феномена ЦФА, предопределяет необходимость построения оборота ЦФА по конструкции цессии. Несомненно, что никакого иного механизма передачи имущественных обязательственных прав, зафиксированных в цифровой среде посредством использования механизма ЦФА, нет, за исключением случаев универсального правопреемства, имеющего место быть в рамках наследственных отношений или при реорганизации юридических лиц.

Российский законодатель определяет, что передача прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, от одного правообладателя к другому, осуществляется посредством проведения соответствующих записей в электронных информационных системах. Уступка прав, зафиксированных по конструкции ЦФА, осуществляется по правилам соответствующей информационной системы (т. е. той системы, в которой ведется учет прав, выпущенных по конструкции ЦФА), при этом новый облада-

тель ЦФА – правопреемник предыдущего обладателя ЦФА, должен быть (равно как и передающий соответствующие имущественные права, зафиксированные по конструкции ЦФА) пользователем соответствующей информационной системы, и у него должен иметься уникальный код, предоставляющий возможность получать информацию о соответствующих ЦФА и распоряжаться этими ЦФА при посредничестве либо оператора выпуска ЦФА, либо еще одного специального участника рынка ЦФА – оператора обмена ЦФА.

С целью стабилизации рынка ЦФА российский законодатель устанавливает специальные требования к личности как оператора выпуска ЦФА, так и оператора обмена ЦФА. Лица, не включенные в реестр операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск ЦФА, или в реестр операторов обмена ЦФА (ведение этих реестров возлагается на Банк России), к участию в операциях с ЦФА не допускаются.

Ведение реестра пользователей информационных систем, в которых осуществляется выпуск ЦФА, возлагается на соответствующих операторов выпуска ЦФА. Анонимность в данном случае не допускается. В случаях нарушения этого правила на оператора выпуска ЦФА возлагается обязанность возместить лицу, у которого произошло списание ЦФА в пользу анонимного пользователя информационной системы, присвоившего себе ЦФА, убытков в полном объеме в соответствии с общими правилами гражданского оборота.

Оборот ЦФА предусматривает совершение с правами, удостоверенными по конструкции ЦФА, различных сделок. В. А. Садков убедительно показал, что массив сделок с правами, удостоверенными по конструкции ЦФА, включает в себя два сегмента. Первая группа сделок с правами, удостоверенными по конструкции ЦФА, предусматривает бесповоротную смену обладателя таких прав (купля-продажа, обмен, дарение, передача прав в порядке наследственного договора). Вторая группа сделок с правами, удостоверенными по конструкции ЦФА, характеризуется передачей таких прав другому лицу лишь на определенный срок (доверительное управление, передача соответствующих прав на депонирование, залог, продажа с правом (обязательством) обратного выкупа) [6, с. 19 – 21]. Особое место в рамках оборота прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, занимают вопросы их погашения по истечении установленного срока. Несомненно, что такое погашение осуществляется лицом, выпустившим ЦФА.

По общему правилу, установленному российским законодателем в ст. 4 Закона о ЦФА, ЦФА не могут рассматриваться «в качестве средства платежа или иного встречного предоставления» за различные товары, работы и услуги. Однако в условиях беспрецедентного санкционного давления на российскую экономику, оказываемого Коллективным Западом, с 11 марта 2024 г. ЦФА могут использоваться при расчетах по внешнеторговым договорам (контрактам) между резидентами и нерезидентами.

Оценивая «потенциальные риски внедрения ЦФА в экономическую практику», Н. С. Сысоев и О. Р. Мухамбеталиева обращают внимание на операционные риски и риски технических сбоев и кибератак, которые могут (по их мнению) привести к потере контроля над правами, удостоверенными по конструкции ЦФА [7], однако и в том и другом случае установить лицо, к которому перешло право распоряжения правами,

удостоверенными по конструкции ЦФА, не представляется сложным, так как это лицо в обязательном порядке должно быть пользователем той информационной системы, в которой осуществляется учет соответствующих ЦФА. Единственным проблемным вопросом в данном случае является обоснование перехода ЦФА от того или иного обладателя к его правопреемникам. Однако эти моменты в обязательном порядке весьма четко прописываются в Правилах обмена ЦФА, разрабатываемых операторами обмена ЦФА под контролем Банка России.

Думается, что учет обязательственных имущественных прав по конструкции ЦФА, где в полной мере раскрывается потенциал блокчейн технологий (технологий распределенного реестра), прозрачность и четкая персонификация возникающих отношений, во многом предопределяют активный рост оборота ЦФА. Не смотря на достаточно «юный возраст» конструкции ЦФА, это явление российской цифровой экономики получило признание в бизнес кругах в силу своей невысокой себестоимости, высокой оперативности проведения транзакций и надежности инфраструктуры. К нашей точке зрения присоединяется значительное количество исследователей ЦФА, в том числе такие авторы как А. В. Алешина, А. Л. Булгаков и Е. А. Романов [1], С. Л. Зарубин [3] и др. Думается, что в ближайшее время мы станем свидетелями появления «цифровых акционерных обществ» – хозяйственных обществ с акциями уставного капитала в виде цифровых финансовых активов.

Библиографический список

1. Алешина А. В., Булгаков А. Л., Романов Е. А. Использование цифровых финансовых активов для привлечения финансирования в компанию // Финансовые рынки и банки. 2023. № 12. С. 67 – 74.

2. Гончаров А. И., Садков А. Н., Садков В. А., Давудов Д. А. Цифровая валюта в современной России: юридическое содержание и место в обороте // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 3. С. 128 – 153.

3. Зарубин С. Л. Применение цифровых финансовых активов в реальном секторе экономики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Том 13. № 1А. С. 40 – 48.

4. Кашицын П., Веролайнен А. Рынок цифровых финансовых активов: найти основание для роста [Электронный ресурс]. URL: https://raexpert.ru/researches/digital_fin_market_2023/ (дата обращения: 03.06.2024).

5. Объем выпусков ЦФА с начала 2023 года достиг 52 млрд рублей (опубликовано 5 декабря 2023) [Электронный ресурс]. URL: <https://indicator.ru/mathematics/obem-vypuskov-cfa-s-nachala-2023-goda-dostig-52-mlrd-rublei-05-12-2023.htm> (дата обращения: 03.06.2024).

6. Садков В. А. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. 22 с.

7. Сысоев Н. С., Мухамбеталиева О. Р. Проблемы внедрения и перспективы развития цифровых финансовых активов в России // Фундаментальные исследования. 2024. № 3. С. 48 – 52.

8. Филиппов П. М., Садков А. Н. Закон о цифровых финансовых активах как современный механизм достижения баланса частных и публичных интересов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13. № 6. С. 99 – 111.

ВИНА КАК УСЛОВИЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Стрилец Л. Е., преподаватель

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены различные подходы к пониманию вины в гражданском праве для квалификации субсидиарной ответственности. Автором выявлены пробелы в отечественных нормативных актах по таким вопросам как понятие вины и виновности, порядку ее определения, дифференциации на виды, степени вины причинителя вреда, добросовестности и недобросовестности, разумности поведения и неразумных действий, деяний, несоответствующих обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску и соответствующих им и т. п. В качестве меры, которая способствовало бы решению этой проблемы, предложено систематизировать акты толкования высших судов РФ и сформировать единое в этой сфере постановление Верховного Суда РФ, что способствовало бы более успешному правоприменению.

Ключевые слова: вина в гражданском праве, формы вины, степень вины, добросовестность, недобросовестность, неразумное поведение, субсидиарная ответственность, контролирующее должника лицо, банкротство.

GUILT AS A CONDITION FOR BRINGING TO SUBSIDIARY RESPONSIBILITY

Strilets L. E., Teacher

Volgograd Institute of Management, branch of RANEP, Volgograd, Russia

Abstract. The article considers approaches to understanding guilt in civil law for the qualification of subsidiary liability. The author has identified gaps in domestic normative acts on such issues as the concept of guilt and culpability, the procedure for determining it, differentiation into types, degree of guilt of the harmer, good faith and bad faith, reasonableness of behavior and unreasonable actions, acts inconsistent with the usual conditions of civil turnover or ordinary business risk and corresponding to them, etc. As a measure that would help solve this problem, it is proposed to systematize the acts of interpretation of the supreme courts of the Russian Federation and form a single resolution of the Supreme Court of the Russian Federation in this area, which contributes to more successful law enforcement.

Keywords: guilt in civil law, forms of guilt, degree of guilt, good faith, bad faith, unreasonable behavior, subsidiary liability, controlling debtor, bankruptcy.

Субсидиарную ответственность можно отнести к специальным видам ответственности за деликт бенефициара. Как отмечал М. Ф. Медведев, ответственность за причинение вреда учредителями (участниками) юридического лица основана на нормах материально-правового характера, установленных в ст. 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), и является одним из видов обязательств, возникающих в результате совершения деликта [4, с. 20].

Изначально привлечение к субсидиарной ответственности было достаточно редким явлением, по мнению О. В. Гутникова, она в целом представляет собой аномалию [1, с. 284]. Однако по мере того как законодатель стал устанавливать нормы права, предусматривающие возможность привлечения к такому виду ответственности, в качестве дополнительной меры защиты кредитора, ее популярность постепенно возрастает, что хорошо подтверждает статистика. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в период с 2017 г. по 2022 г. было удовлетворено 60,10 % заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности, то есть из 6399 заявлений, удовлетворено 3846, из них в 2017 г. – 39 %; в 2018 г. – 54 %; в 2019 г. – 57 %; в 2020 г. – 59 %; в 2021 г. – 56,1 %; в 2022 г. эта цифра достигала – 60 %.

Общепринято, что гражданско-правовая ответственность наступает при наличии полного состава условий гражданского правонарушения, а именно: (1) противоправный характер поведения причинителя вреда;

(2) наличие у потерпевшего отрицательных последствий; (3) причинная связь между противоправным поведением нарушителя и наступившими вредоносными последствиями; (4) вина правонарушителя.

Таким образом, вина является обязательным основанием привлечения правонарушителя к ответственности, что закреплено и в п. 1 ст. 401 ГК РФ, в которой установлено, что лицо, нарушившее обязательство, отвечает при наличии вины в виде умысла или неосторожности. Вместе с тем положения и этой нормы, и иных статей Гражданского кодекса РФ не дают ясного понятия вины и ее видов (разновидностей), в том числе оснований определения их наличия. А в ст. 399 ГК РФ, посвященной именно субсидиарной ответственности, установлены только особенности порядка ее осуществления, что явно указывает на то, что при определении виновности правонарушителя, нужно использовать общие положения ст. 401 ГК РФ.

Однако сложно на практике применить то, что неглубоко определено в нормах права и что весьма дискуссионно в теории. Перечисленные вопросы достаточно давно обсуждаются в отечественной цивилистике. Еще основоположник русского гражданского права Д. И. Мейер в своих исследованиях определял вину как намеренную или непреднамеренную волю, направленную на совершение незаконного действия. В его позиции видно влияние римского частного и немецкое права. По этому воля, по его утверждению, может быть двух видов:

умысел (*dolus*), когда действие совершается с преднамеренным желанием, и неосторожность (*culpa*), когда действие совершается непреднамеренно. Таким образом, неосторожность подразумевает направление воли к действию без преднамеренности со стороны субъекта, вследствие чего ученый выделяет либо грубую (тяжкую) вину, либо легкую вину. Если лицо обязано воздерживаться от действий, способных нанести ущерб субъекту права, или должно предпринять все необходимые меры для его предотвращения, то нарушение права уже происходит при первом действии или при неподразумеваемом бездействии [5, с. 73].

К. П. Победоносцев при определении вины заметил, что она происходит от недостатка должного внимания к своей обязанности и к чужому праву [7, с. 113].

Уже в советское время Г. К. Матвеев отмечал, что правоведами-цивиристами применяется понятие вины из уголовного права. Ученый настаивал на том, что вина в гражданском праве имеет существенные специфические черты, такие как ответственность за чужую вину, вина юридических лиц, обоюдная вина, сочетание виновной ответственности со случаями безвиновной ответственности. Вину в гражданском праве автор определяет как психическое отношение нарушителя в форме умысла или неосторожности к совершенному им противоправному действию и его последствиям [3, с. 37].

Такую позицию поддерживает и Е. А. Суханов. По его мнению, вина является личным психическим отношением причинителя вреда к своему противоправному поведению и его последствиям. Если лицо не приняло возможных мер по устранению (недопущению) своих действий, необходимых при соответствующих обстоятельствах, – оно виновно и несет риск неблагоприятных последствий. Вместе с тем ученый придерживается мнения, что различие форм вины не имеет правового значения для привлечения к ответственности [8, с. 463]. Однако согласно точке зрения В. П. Мозолина и А. И. Масляева конфигурация вины влияет на размер компенсации [6, с. 67].

И этот довод основан на нормах законодательства. Согласно ст. 151 ГК РФ размер компенсации поставлен в зависимость от степени вины нарушителя при возмещении морального вреда. В п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» со стороны Верховного Суда РФ было разъяснено и, по сути, продублировано положение Гражданского кодекса РФ, что при определении размера компенсации морального вреда суд учитывает форму (умысел или неосторожность) и степень вины причинителя вреда.

Основания привлечения к субсидиарной ответственности, что и является предметом рассмотрения настоящей статьи, в законе предусмотрены в ст. 53.1 ГК РФ и касаются причинению убытков юридическому лицу и в ст. ст. 61.11, 61.12 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ № 127), когда преднамеренно создаются условия для банкротства организации. В обоих случаях для реализации этих норм необходимо доказать, что субъект-правонарушитель действовал виновно.

Так, в ст. 53.1 ГК РФ это правило касается лица, контролирующего организацию, который уполномочен выступать от имени организации либо членов ее коллегиальных органов, либо от лиц, определяющих действия юридического лица. В этом случае в качестве критерия

вины законодатель предложил использовать такие дефиниции как «недобросовестность», «неразумность», а также «деяния не соответствующие обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску».

Высший Арбитражный Суд РФ в постановлении Пленума от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (далее – Постановление Пленума ВАС РФ № 62) предложил ряд критериев установления недобросовестного поведения, а именно, наличие признаков: (1) конфликта интересов; (2) заинтересованности; (3) сокрытия информации или предоставления недостоверных сведений о сделке; (4) действий без одобрения вышестоящих органов; (5) удержания или уклонения от передачи необходимых документов; (6) совершения сделки на заведомо невыгодных условиях; (7) совершения деяний в ущерб юридическому лицу и иное. Кроме того, было разъяснено содержание термина «неразумные действия», к таким отнесли: (а) принятие решений без учета важных сведений; (б) неполучение существенной информации; (в) совершение сделки в нарушение установленного в организации регламента.

В Постановлении Пленума ВАС РФ № 62 было разъяснено, что бремя доказывания обстоятельств недобросовестности и неразумности деяний руководителя, повлекших неблагоприятные последствия для юридического лица, ложится в порядке ст. 10 ГК РФ на истца. Однако в случае, если ответчик либо дает неполные пояснения, либо вообще отказывается от них, то вина руководителя считается признанной, и бремя доказывания может судом быть переложено на такое должностное лицо.

В содержании ст. ст. 61.11, 61.12 ФЗ № 127 законодатель обходит вопросы психического отношения правонарушителя к содеянному, то есть вины. Он только перечисляет противоправные деяния, которые могут стать основанием к субсидиарной ответственности, если: во-первых, полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица или лиц; во-вторых, невозможность погашения требований кредиторов наступила вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица, однако производство по делу о банкротстве прекращено в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, или заявление уполномоченного органа о признании должника банкротом возвращено; в-третьих, должник стал отвечать признакам неплатежеспособности не вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица, однако после этого оно совершило действия и (или) бездействие, существенно ухудшившие финансовое положение должника (ст. 61.11 ФЗ № 127); в-четвертых, были не исполнены обязанности по подаче заявления должника в арбитражный суд (созыву заседания для принятия решения об обращении в арбитражный суд с заявлением должника или принятию такого решения) в случаях и в сроки, установленные в ст. 9 ФЗ № 127, лицами, на которых этот Закон возложил обязанность по созыву заседания для принятия решения о подаче заявления должника в арбитражный суд, и (или) принятию такого решения, и (или) подаче такого заявления в арбитражный суд (ст. 61.12 ФЗ № 127).

Из изложенного становится ясно, что вина определяется по общим положениям гражданского зако-

нодательства, а именно из ст. 401 ГК РФ, а бремя доказывания ее отсутствия лежит на лице, привлекаемом к ответственности (п. 10 ст. 61.11, п. 2 ст. 61.12 ФЗ № 127).

Для толкования, в том числе указанной выше проблематики, со стороны Верховного Суда РФ было принято два акта: (1) постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и (2) постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве». Однако вопросы именно субъективной стороны (определения вины) рассматриваемых составов гражданских правонарушений были оставлены со стороны участников Пленума без внимания. Только в п. 25 первого из этих постановлений были упомянуты дефиниции недобросовестности или неразумности действий в контексте отрицательных последствий деятельности руководящего лица. Раскрытие содержания этих категорий и порядок их квалификации сформированы по тексту не были.

Таким образом, определение критериев и наличия в поведении руководителя добросовестности и разумности действий ложится исключительно на усмотрение суда по каждому конкретному делу, при этом нет ясности и в вопросе возможности использовать положения постановления Пленума ВАС РФ № 62, если дело рассматривается в отечественных судах общей юрисдикции, а не в арбитражном суде. В этой связи, по нашему мнению, среди актов высших судов РФ необходимо, хотя бы по рассматриваемой нами проблематике, провести соответствующую систематизацию. Она должна привести к единому акту толкования затронутых нами вопросов в области субсидиарной ответственности, включая вопросы виновности, порядка ее определения, дифференциации на виды, степени вины причинителя вреда, понятия добросовестности и недобросовестности, разумности поведения и неразумных действий, деяний, несоответствующих обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску и соответствующим им и т. п.

В контексте изложенного и в части определения термина «добросовестность», на наш взгляд, уместно обратиться к определению, сформулированному в цивилистической науке профессором Т. В. Дерюгиной. Согласно её точке зрения, добросовестность – это внутреннее состояние определенного субъекта, его представления о честности. Применение принципа добросовестно-

сти должно выражаться во взвешивании своих интересов с позиции возможного нанесения вреда интересам других лиц, при этом каждый субъект правоотношения должен осуществлять права сообразно закону, договору и т. д. Следовательно, принцип добросовестности устанавливает баланс интересов, требует проявлять известное внимание к чужим интересам. Однако для того, чтобы он активно применялся, необходимо, чтобы в тех случаях, где на него ссылается закон, нормы были сформулированы императивно, и субъекты своими соглашениями не могли отменить его действия [2, с. 53].

На основании изложенного, можно сделать вывод, что без осуществления указанных выше мер верная квалификация действий правонарушителя и привлечение его к гражданско-правовой ответственности, в том числе субсидиарной, так и будут испытывать значительные трудности при рассмотрении каждого дела.

Библиографический список

1. Гутников О. В. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 599 с.
2. Дерюгина Т. В. Добросовестность участников гражданских правоотношений как предел и принцип права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 3 (20). С. 51 – 55.
3. Матвеев Г. К. Вина как основание гражданско-правовой ответственности по советскому праву: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1951. 40 с.
4. Медведев М. Ф. Ответственность хозяйственных товариществ и производственных кооперативов за вред, причиненный их учредителями (членами) // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 20 – 21.
5. Мейер Д. И. Русское гражданское право. Петербург, типография «Двигатель», 1914. 661 с.
6. Мозолин В. П., Масляев А. И. Гражданское право. Часть первая: учебник. Юристъ, 2005. 927 с.
7. Победоносцев К. П. Курс гражданского права: в 3 т. Т. 1 / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 722 с.
8. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. 4-е изд., стереотип. М.: Статут, 2015. 961 с.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Суркова С. С., магистр права, старший преподаватель
Таразский региональный университет имени М. Х. Дулати, г. Тараз, Республика Казахстан

Аннотация. В данной статье рассмотрены виды правовой ответственности за вред, причиненный физическими и юридическими лицами, предоставляющими медицинские услуги в Казахстане, а также гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный пациентам медицинских учреждений. Рассматриваются границы ответственности, предусмотренные законодательством. Данная тема имеет важное практическое и теоретическое значение, так как совершенные правонарушения в сфере медицины имеют непоправимые последствия.

Ключевые слова: медицинские услуги, медицинская деятельность, медицинское учреждение, медицинский деликт, пациент, медицинские правонарушения.

LEGAL ASPECTS OF REGULATION IN THE FIELD OF MEDICAL SERVICES IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Surkova S. S. Master of Law, Senior Lecturer
Taraz Regional University named after M. H. Dulati, Taraz, Kazakhstan

Abstract. This article discusses the types of legal liability for harm caused by individuals and legal entities providing medical services in Kazakhstan as well as for civil liability for harm caused to patients of medical institutions. The limits of liability provided for by law are considered. This article has practical and theoretical significance, since offenses committed in the field of medicine have irreparable consequences.

Keywords: medical services, medical activities, medical institution, medical tort, patient, medical offenses.

Introduction

The demand for paid medical services in Kazakhstan is only increasing every year. In connection with the newly introduced system of compulsory health insurance, some problematic issues arise in this area. Most of all, this concerns the freedom to choose a private medical institution. At the same time, responsibility in healthcare is a very important topic at all times. After all, the relationships that develop in the system of providing medical services can affect absolutely every person. The current Kazakh legislation has fairly high requirements for the provision of medical services, including that these services must be provided in the volume and using those effective, good-quality and scientifically based means and methods that those who seek help from medical institutions need. By contacting such institutions, a person has the right to a highly qualified and professional level of medical services.

However, unfortunately, often in practice there are many cases when the medical services provided are of poor quality, such treatment does not bring the desired results, and sometimes can even cause harm to the health and life of the patient. In order to prevent negative and undesirable consequences and offenses caused by poor quality medical services, the state has established legal liability. But not all sanctions provided for by law can be effective for use in this area, and especially regarding the provision of paid medical services.

The purpose of this study is to study legal problems in the provision of medical services. The main objectives are: research of the legislative framework in the field of medical services; analysis of criminal and administrative articles in terms of punishment; analysis of legislation on permits and notifications; legal consequences of providing poor quality medical services.

Methods and results

This article uses methods of system analysis for assessing legislation; studying and summarizing the accumulated experience in matters of protecting human rights, namely his health and life.

The legislation in the field of provision of medical services is quite extensive. It includes not only national legislation, but also international conventions. This approach is used as the responsibility of the state to provide the necessary protection of human health, which includes a system of measures of a political, legal, economic, medical, and preventive nature. The purpose of these activities is to maintain physical health, prevent disease, and most importantly, maintain longevity through the provision of medical care.

The fundamental concepts in the field of medical activity are reflected in the Code of the Republic of Kazakhstan "On the health of the people and the healthcare system", adopted in 2020, where medical services are understood as "the actions of healthcare entities that have a preventive, diagnostic, therapeutic, rehabilitation and palliative focus in relation to a specific person" [2]. Medical activity includes "the professional activity of specialists with professional, post-secondary, technical medical education, and assistance can also be provided by legal entities focused on health protection".

Accordingly, criminal, administrative and civil liability is provided for illegal actions in the field of medical services.

Criminal liability for crimes in the field of medical activities is provided for in the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan in Chapter 12 [5]. The most basic offense is "Improper performance of professional duties by a medical worker", provided for in Article 317. Art. 320 "Failure to provide medical care" and Art. 322 "Illegal medical and pharmaceutical activities". As liability for improper perfor-

mance of one's professional duties, depending on the damage caused, a fine of up to one hundred monthly calculation indices, or correctional labor in the same amount, or involvement in community service for up to one hundred hours, or arrest for up to thirty days is provided – this is in the case of causing moderate harm to health; and in cases resulting in death, restriction of freedom or imprisonment for up to 4 years is imposed, as well as deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities for up to three years [5].

For poor quality medical care (Art. 80), administrative liability is provided, which includes a gross violation of standards for the provision of medical care, but does not contain a sign of a criminal act, is punishable by a fine depending on the subject of activity: officials – 25 monthly calculation indices, small entrepreneurship – 50 monthly calculation indices, and large enterprise – 70 monthly calculation indices. In case of repeated commission of the offenses provided for in the article within a year, it entails an increase in penalties with deprivation of the license.

Providing medical services requires obtaining a license. The categories that require compliance with this procedure are presented in the Law of the Republic of Kazakhstan “On Permits and Notifications”, which are included in the list of first category permits (licenses) [1]. Issues remain controversial regarding the operation of cosmetology salons, which do not require a license. While some cosmetologists provide local abdominoplasty and blepharoplasty procedures, which, in our opinion, refers to licensed types of activities.

Discussion

Today this is becoming a pressing problem, as this is due to the fact that it is becoming difficult to prove medical mistake in practice. Medical mistakes can occur for subjective and objective reasons. Subjective reasons include the culpable actions of a doctor when providing medical services, which resulted in adverse consequences for the patient's health. Such guilty actions of employees of a medical organization directly depend on the will of the person committing the action. Factors include lack of qualifications of the doctor, arrogance, negligence and others [4].

Objective reasons for causing harm to health are things that happened accidentally, unintentionally. There is no intentional criminal act in such actions. Examples of factors may include situations such as limited medical knowledge in the diagnosis, treatment and prevention of certain diseases of the patient, as well as the individual characteristics of the patient's body, etc.

The content of a “medical mistake” is considered in the work of E. L. Potseluev and A. E. Gorbunov, which explores the equivalence of the concepts of medical mistakes and crime [7].

To consolidate the definition of a medical mistake, the concept of medical tort should be distinguished. A medical tort is a mistake by a medical professional that has subjective reasons, an unlawful act of a doctor, and has a direct causal relationship between an action or inaction, which in turn resulted in harm to the health and life of the patient. In a medical tort, a doctor commits an unlawful act, thereby causing harm to a patient during the provision of medical services, and there is a direct cause-and-effect relationship between the unlawful behavior and the harm caused [6].

Thus, A. Z. Vinogradov, V. A. Rykov note that a medical mistake is distinguished from a medical tort by the presence of guilt. That in case of a medical mistakes there is no guilt, but for a medical tort, wrongfulness of behavior,

causing harm and a causal connection between them are necessary [8].

Civil liability must necessarily arise in the case of a medical tort. Responsibility is expressed in the need to compensate for material damage and compensation for moral damage [3].

Judging by established practice, civil liability is recognized as the best means of legal regulation of relations in the medical field. After all, by applying the norms of civil law, it is possible to apply measures of property damage to offenders, and the injured person can receive real compensation not only for the expenses he incurred as a result of the provision of poor-quality medical services, but also for the damage caused to his health, as well as intangible losses [4].

When providing medical services, there are two parties: the customer and the performer. Thus, customers can be both the patients themselves and their representatives, who receive powers based on the law. For example, the parents of a minor, and from the patient himself. Also, in the legal literature there are cases when another person is the customer. For example, a medical mistake was committed during an operation, thereby causing very serious harm to the architect who entered into a contract with a construction company to develop the project. Because of this medical mistake, the patient of the medical institution did not complete the order on time. As a result, a claim for damages against a medical institution can be brought not only by the victim himself, but also by the company that suffered the losses.

In practice, there is a case that continues to this day. The woman went to a private clinic for plastic surgery. After plastic surgery, an abscess and suppuration occurred. The trial is ongoing, but these surgeons continue to operate.

Conclusions

Analyzing the above, we can conclude that the performer in the obligations under consideration is the person whose act led to the harm. The executor can be not only individuals, but also legal entities, for example a medical organization that provided medical services to the victim. It is also allowed to include in the circle of persons who are performers – doctors who provided poor-quality medical services on their own.

In theory, there is also an opinion according to which, for the purpose of special, increased protection of the property interests of victims in such cases as exceptions, the responsibility of a medical institution or doctor is established for the result of force majeure. That is, responsibility occurs under any conditions, although this is cruel to medical personnel. In practice, the peculiarities and imperfections in the provision of medical services cannot exclude negative cases of medical intervention that are caused by objective factors. Also, it is also extremely difficult to foresee all possible negative consequences of medical intervention in advance.

For example, in medical practice there are often difficult situations when a doctor must take a certain risk, making very complex and ambiguous decisions. There are cases, even without the intervention of a doctor, the development of the disease will still harm the patient's health. Thus, the medical worker should not be held responsible for these objective consequences.

Agreements for the provision of medical services must take into account the consumer properties of such services. Without specifying in the contract such features as the degree of cure of the disease, the degree of riskiness of the method of medical intervention and in the absence of proper information to the patient, the presence of his consent to the

use of these methods, liability will be exclusively tortious in nature. Thus, we can say that the specifics of civil liability in the provision of paid medical services are influenced by both the general principles of legal liability and its own functions. It was also indicated that the four-element construction of a civil offense is used for obligations arising as a result of injury to health during the provision of medical care.

We also consider it necessary to provide licensing for beauty salons that provide such types of services as blepharoplasty, since this type of activity is directly related to the operation through surgical intervention.

References

1. About permissions and notifications. Law of the Republic of Kazakhstan dated May 16, 2014 No. 202-V ZRK.

2. About the health of the people and the healthcare system. Code of the Republic of Kazakhstan dated July 7, 2020 No. 360-VI ZRK.

3. Bazaeva A. V. Torts in the provision of medical services Text of a scientific article on the specialty "Other medical sciences". URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/delikty-v-sfere-okazaniya-meditsinskih-uslug> (access date 20 April 2024).

4. Civil liability when committing a medical error. Tilichenko, Private educational institution of higher education "Siberian Law University", Omsk // Internet conferences of the Siberian Law University. URL: <https://conf.siblu.ru/grazhdansko-pravovaya-otvetstvennost-pri-sovershenii-meditsinskoy-oshibki> (access date 20 April 2024).

5. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 No. 226-V ZRK.

6. Medical Mistake or Medical Tort? Theoretical provisions and judicial practice. URL: <https://www.advgazeta.ru/arhivnye-zapisi/vrachebnaya-oshibka-ili-meditsinskiy-delikty/> (access date 20 April 2024).

7. Potseluev E. L., Gorbunov A. E. Medical mistake and crime: equivalent concepts? // Electronic scientific journal "Science. Society. State". 2017. T. 5, No. 1 (17). URL: <http://esj.pnzgu.ru> (access date 20 April 2024).

8. Vinogradov A. Z., Rykov V. A. Legal qualification of medical offenses // Medicine in Kuzbass. 2004. No. 3. P. 31 – 34.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ О МОШЕННИЧЕСТВЕ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Суркова С. С., магистр права, старший преподаватель
Канатбеков Г. К., студент 3 курса факультета экономики и права
Таразский региональный университет имени М. Х. Дулати, г. Тараз, Республика Казахстан
Степанова Е. В., кандидат филологических наук
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Данная статья посвящена анализу правоприменительной практики в сфере мошенничества в Казахстане, рассматриваются границы ответственности, которую несет лицо за совершение данного вида преступлений. Авторы проводят обзор нормативно-правовой базы и анализ основных видов мошенничества; выделяют причины мошенничества в Казахстане, в том числе рост цифровизации, социально-экономическое неравенство и недостаточная осведомленность населения. В работе приводятся актуальные статистические данные, а также предложения по методам борьбы с проблемой мошенничества. Рекомендуются способы организации сотрудничества органов дознания со следственными органами, специализирующимися на делах данной категории; анализируются особенности расследования по делам, связанным с мошенничеством, факторы квалификации по различным статьям Уголовного кодекса и случаи из судебной практики мошенничества физических, юридических и уполномоченных лиц, рассматриваются виды наказания и компенсации вреда.

Ключевые слова: мошенничество, квалификация, законодательство Республики Казахстан, компенсация, ответственность, правоохранительные органы.

CRIMINAL PROCEDURE ASPECT OF CONSIDERATION OF FRAUD CASES IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Surkova S. S. Master of Law, Senior Lecturer
Kanatbekov G. K., 3rd year student of the Faculty of Economics and Law
Taraz Regional University named after M. H. Dulati, Taraz, Kazakhstan
Stepanova E. V., Candidate of Sciences (Philology)
Volograd Institute of Management, branch of RANEP, Volgograd, Russia

Abstract. This article is devoted to the analysis of law enforcement practice in the field of fraud in Kazakhstan; the limits of responsibility that a person bears for committing this type of crime are considered. The authors review the regulatory framework and analyze the main types of fraud; highlight the causes of fraud in Kazakhstan, including the growth of digitalization, socio-economic inequality and lack of public awareness. The work provides current statistical data, as well as proposals for methods to combat the problem of fraud. Recommended ways to organize cooperation between inquiry bodies and investigative bodies specializing in cases of this category; the features of investigations in cases related to fraud, qualification factors under various articles of the Criminal Code and cases from judicial practice of fraud of individuals, legal entities and authorized persons are analyzed, types of punishment and compensation for harm are considered.

Keywords: fraud, qualification, legislation of the Republic of Kazakhstan, compensation, liability, law enforcement agencies.

Introduction

Fraud as a crime against property remains one of the most pressing problems in modern society, including Kazakhstan. Every year, hundreds of citizens become victims of scammers, losing their savings, property or personal data. This problem has a negative impact on the economy, social stability and citizens' trust in systems and institutions. Every year, the methods of committing them become more and more sophisticated, which requires constant updating and improvement of anti-fraud measures. In this article we will look at the main types of fraud in Kazakhstan, and also suggest ways to combat this negative phenomenon.

Fraud, that is, theft of someone else's property or the acquisition of rights to someone else's property by deception or abuse of trust, is punishable by a fine in the amount of up to one thousand monthly calculation indices, or correctional labor in the same amount, or involvement in public works for a term of up to six hundred hours, or restriction freedom for a

term of up to two years, or imprisonment for the same period, with confiscation of property.

Among the main most common types of fraud in the Republic of Kazakhstan are financial types of fraud, cyber fraud, phishing, carding, ransomware, corruption, bribery, bribery, nepotism, clientelism, corruption in procurement, as well as unfair practices in the real estate sector.

For organizing a fraud investigation, the area of preliminary verification is particularly important, since it includes the need to detect signs of a crime. Fraudulent actions have the appearance of legal, although not always bona fide, civil transactions, which complicate the process of distinguishing violations of criminal law from violations of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan, which requires a thorough check of the entire transaction scheme and all documents used in the case [1]. The work examines the main reasons and grounds for registering allegations of fraud in the unified register of pre-trial investigations, statistics on the effectiveness of checks of information about an offense and

the main errors in their implementation, tactics for conducting basic verification activities; organization of interaction between the bodies of inquiry carrying out the inspection and the investigative bodies.

Methods and Results

The study used methods of dialectical and systemic analysis of assessing legal regulation and protecting the interests of society and the state in identifying harm from fraudulent actions, as well as resolving issues of assessing damage, liability and compensation in Kazakhstan.

In accordance with Article 190 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, fraud is considered as theft of property, as well as the illegal acquisition of rights to someone else's property through deceptive actions, as well as abuse of trust. As liability for fraudulent actions in the Republic of Kazakhstan, depending on the damage, a fine is provided in the amount of one thousand to four thousand monthly calculation indices or corrective labor equivalent to the amount of damage, community service is provided for up to six hundred hours; in case of significant damage, including when committed by a group of persons by prior conspiracy, by a person using his official position, through deception or abuse of trust of a user of an information system, or in the field of public procurement – restriction or imprisonment for up to two years without or with confiscation of property, as well as with deprivation of the right to hold certain positions and perform certain types of work for three years [3]. The law also provides for punishment by deprivation of the right to hold certain positions and imprisonment for up to 10 years with confiscation of property in cases of large or especially large-scale fraudulent acts committed by responsible public servants using their official position [5].

Regulatory resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan No. 10 dated December 22, 2022 “On judicial practice in cases of fraud” makes changes regarding the interpretation of the mandatory signs of fraud, providing for the presence of selfish intentions in favor of other persons through abuse and deceptive actions to illegally convert the property of the owner, who at its own discretion alienates the right to it [2]. The resolution also specifies the interpretation of deceptive actions, which are understood as an instrument of fraud aimed at illegally acquiring a right or stealing someone else's property by reporting knowingly false facts designed to deliberately mislead the owner, creating an erroneous understanding of the legality of the transfer of property to the guilty party. Oral and written deception and the use of forged documents, including official ones, are explained as possible forms of fraud.

Regulatory Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan No. 3 dated January 24, 2020 “On some issues of the application of legislation by courts in cases of criminal offenses in the sphere of economic activity” draws the attention of the judiciary to the fact that when considering cases of criminal offenses in the economic sphere, it is necessary to ensure the protection of legitimate interests and rights of both individuals and legal entities [5]. The objective and subjective aspects of a fraudulent act are described in the verdict and in the indictment, specifying the mechanism for committing the act.

Financial fraud is the illegal receipt of funds through deception or breach of trust, which are illegal actions whose purpose is to obtain funds or other material benefits through deception or abuse of trust. This type of crime can manifest itself in various forms and methods, including false investments, credit fraud, corruption, bank card fraud, pyramid

schemes and many others [4]. All types of property that are legally owned can be the subject of theft through fraudulent activities. The most common cases are theft of funds, which in the Republic of Kazakhstan are expressed in the form of tenge (clause 1 of article 127 of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan). In addition, the objects of civil rights can be property and personal non-property benefits and rights, as well as things, money, including foreign currency (According to paragraphs 1 and 2 of Article 115 of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan).

Provisions on property, including possession, use and disposal, are applicable to property and non-property benefits as objects of the material world; a person in possession of cash or currency is its owner. As for non-cash funds, their form of existence is digital records in the accounts of legal entities or individuals in the relevant banking or financial institutions. The transfer of non-cash funds is carried out through an authorized bank or financial organization, the accounts of which contain digital records. The criminological component of the theft of non-cash funds by deception or abuse of trust as a result of money fraud does not include the methods provided for in Art. 177 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. Non-cash funds in foreign currency are not property, representing a right of obligation; only the assignment of these funds to another person is possible through a transaction.

Consequently, a common type of fraud is cyber fraud, which can be defined as fraudulent activities in the Internet and digital technologies. This technologically advanced, modern and fast-growing type of crime adapts to new digital solutions and trends in the field of electronic communications. Major forms of cyber fraud include phishing (a deception technique in which attackers create fake websites or send fake emails in order to obtain personal information from users such as passwords, credit card numbers and other sensitive data), carding (a scam involving illegal using credit cards or bank accounts to make purchases or obtain cash), ransomware (the use of software that blocks access to a user's data or computer until a ransom is received), crypto-currency fraud (the use of crypto-currencies for hidden and illegal transactions, such as money laundering, fraud in the sale of crypto-currency).

Fraud committed against users of information systems is considered completed from the moment the victim transfers funds and (or) personal data to the perpetrator or at his direction to other persons. The place where fraud using information systems was committed should be considered the location of the victim who transfers funds. Clause 8 as amended by the regulatory resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan dated December 22, 2022 No. 10 and № 8 dated July 11, 2003 [6].

Corruption is the abuse of official powers for personal or commercial interests, which is characterized by the abuse of official powers or power for personal or commercial interests. It involves receiving illicit material or other benefits in exchange for performing, refraining from, or providing access to resources.

Fraud is present when receiving benefits, social benefits, various transactions and bank transfers when providing false personal information belonging to another person. As a means of fulfilling his plan, the fraudster can use someone else's passport, birth certificate, and other documents. If the documents were not provided voluntarily by the perpetrators, but, for example, were stolen from their owner, then his actions fall under the regulations of Part 3 of Art. 384 of the

Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. There are also several other types of offenses that involve obtaining someone else's financial resources by fraud. Firstly, receiving payments due to certain categories of citizens by providing false information to the authorized body. The offender conceals the true reason for what is happening, without focusing on the circumstances under which certain types of payments are made. Secondly, the theft, free of charge, of funds in the victim's bank account. The fraudster may use false payment orders or someone else's document to identify the person. Thirdly, theft of finances through a terminal or ATM using a fake bank card. This crime does not qualify as fraud, but refers to offenses aimed at fraudulently obtaining someone else's money. Fourth, obtaining a loan in someone else's name with no intention of returning the funds taken. In these cases, the corpus delicti is formed at the moment when the finances belonging to the victim are transferred to the disposal of the perpetrator.

Another type of fraud is bribery, that is, the provision or receipt of illegal material or other benefits in exchange for performing certain actions or refraining from them, as well as the related concept of bribery – the illegal use of public resources or funds for personal gain or interests and corruption in the procurement sector – illegal receipt of benefits in public procurement, including through inflating the cost of goods or services.

Such offenses can be carried out by providing fictitious acts, supplying a smaller number of goods, but indicating the full volume, using funds allocated for purchases for one's own needs, as well as increasing the cost of products. In this case, it is important to distinguish between theft and fraud, since in the latter case the perpetrator aims to misappropriate allocated funds, and not to intentionally cause material damage. The subject is not trying to steal products, but provides them on unfavorable terms, which cannot be called theft, but can be classified as deception.

Subtypes of these crimes are nepotism – the privilege of relatives or close people when appointing to government positions or providing business opportunities and clientelism – the establishment of relationships based on personal connections and benefits, instead of the principles of legality and justice. Unfair practices in real estate, insurance and other industries. This is a serious problem that can harm both individual consumers and the market as a whole. Such practices undermine the credibility of professionals and companies operating in these industries and can result in serious financial and legal consequences.

An analysis of the reasons why the problem of fraud has become relevant today in Kazakhstan allowed the authors to highlight the most significant ones, including the digitalization of society. In the era of digitalization and widespread use of IT technologies, entrepreneurs often try to keep up with the times and simplify bureaucratic procedures in doing business, including the preparation and signing of contracts, accounting documentation, tax reporting, etc. In many ways, by simplifying everyday paperwork, Electronic Digital Signature (hereinafter referred to as EDS) helps, allowing you to carry out various actions such as signing documents, carrying out registration actions, confirming online purchases, etc. Unfortunately, taking advantage of the popularity of the digital signature phenomenon, the machinations of fraudsters are becoming more and more sophisticated.

The second important reason for fraud is socio-economic differentiation, which is the uneven distribution of wealth in society, which can lead to increased social tensions

and the desire of people to get rich in quick and illegal ways, which can lead to fraud.

Lack of public awareness is also one of the main reasons for the spread of fraudulent schemes, which is due to the lack of proper education and awareness of security and fraud protection among the population, which can increase the vulnerability of citizens to fraudsters. These factors, combined with other circumstances, make the problem of fraud particularly pressing for Kazakhstan.

According to the results of a statistical study, in 2023, 34,623 persons suffered as a result of fraudulent actions, of which: men – 15,603, women – 19,020, including minors – 102, students (schools, gymnasiums, lyceums, colleges, universities – 291, pensioners – 1714, disabled – 8. The authors consider strengthening legislation and its strict implementation, education and enlightenment of the population about possible risks and methods of protection from fraudsters, development and implementation of new technologies and security systems to protect against cyber as the most promising ways to combat fraud. fraudsters, as well as close cooperation between law enforcement agencies, banks, companies and the public to share information and experience in the fight against fraud.

Discussion

When determining the qualification of fraud by authorized persons, the punishment for the crime depends on many factors and will be qualified under various articles of the criminal code of the Republic of Kazakhstan. Persons who organize or incite deception, accomplices, as well as the culprit himself, who has the appropriate authority or is in a certain position, will be punished in accordance with Art. 28 and art. 190 of the Criminal Code.

Depending on the amount of damage, the severity of the offender's offense is decided. The total value of the stolen property or financial assets is put forward for consideration, and the punishment is determined in accordance with paragraphs 33-38 of Art. 3 Criminal Code. If an entity with the appropriate powers or responsible for regulating government functions is caught in the transfer or receipt of financial funds or other securities, and actual evidence of the guilt of a specific person appears, this will be qualified as an attempted fraud, which falls under the regulations of Art. 190 and Art. 3 Criminal Code. The severity of guilt directly depends on the regularity of the deception. If the fraud was a one-time crime, and the criminal cooperates in every possible way with the investigation, the penalty may be mitigated due to the circumstances. If fraud is repeated regularly, you should expect to receive the full penalty. In Art. 189 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan describes cases when an authorized person, taking advantage of his position, spends finances that do not belong to him or uses for his own purposes an object that falls under a sales or lease agreement with the help of fictitious documents or mediation through third parties.

As part of the study, we can conclude that the bulk of criminal cases of fraud are registered at the request of an individual, including his relatives and friends, or at the request of an official of a government body; to a lesser extent, registration of a crime was carried out based on a report from an official of the criminal prosecution body. In addition, there have been no cases in judicial practice where the investigation was carried out as a result of a confession.

The definition of means of fraudulent actions is debatable in the practice of interpreting the documents used, advertising materials, concluded loan agreements, collateral,

deposits, supplies, provision of services used in fraudulent schemes. The parties enter into notarized transactions, which exclude this act from the category of clearly fraudulent; therefore, disputes are resolved in court according to the rules of civil proceedings. As a result, the court makes a decision to recognize the concluded transactions as invalid and to bring the parties to their original position, or to recover previously received funds in full. In accordance with the provisions of Article 14 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, everyone is equal before the law and the court, therefore, in the presence of concluded agreements or court decisions that have entered into legal force, in judicial practice there are cases of refusal to initiate a criminal case, since priority is given to private rather than public relations of the parties [2]. This situation helps to avoid violations when some protect their violated rights by bringing into play the judicial power within the framework of civil proceedings, while others are assisted by the state through its law enforcement agencies and criminal proceedings. At the same time, in practice, the criterion for distinguishing fraud from transactions is a quantitative indicator: statements from several persons filed against a citizen will qualify his act as fraud, a single statement is considered as the absence of fraud.

In practice, court decisions on claims for recovery and compensation in cases of fraud are not always executed in a timely manner and successfully. After contacting law enforcement agencies regarding fraudulent crimes and initiating criminal cases, the involvement of law enforcement agencies does not guarantee the return of lost property. The main task of these bodies is not to assist in the return of property to victims, but to bring the perpetrators to criminal responsibility and punish them. The Supreme Court of the Republic of Kazakhstan adopted a regulatory resolution "On judicial practice in cases of theft" dated July 11, 2003 in relation to fraud, thereby giving rise to a new approach to the investigation and trial of this type of act.

Since fraudulent schemes in most cases are hidden under the guise of civil transactions, courts of general jurisdiction consider disputes arising from civil legal relations. According to Part 3 of Article 208 of the Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan (as amended and supplemented as of 01/01/2024), if the actions of the person who presented evidence recognized as fraudulent contain signs of a crime, the judge sends materials to resolve the issue on the initiation of a criminal case to the relevant body of inquiry or preliminary investigation with notification of the prosecutor [7]. In this case, only the right of the court is established to contact the preliminary investigation authorities if signs of fraud are detected in a transaction, but does not establish such

an obligation, which leads to a passive reaction of the courts when signs of fraud are identified.

Conclusion

As our research has shown, the investigation of fraud cases has objective difficulties, therefore it is especially important at all stages of the investigation to organize close interaction between the inquiry authorities and an investigator specializing in cases of this category. It seems appropriate to use such forms of interaction as advisory assistance to the investigator, prompt exchange of information, and joint planning of actions to carry out priority investigative and procedural actions. In addition, in this connection, as a measure to increase the effectiveness of the fight against fraud, it seems promising to oblige civil courts to report to law enforcement agencies about each case of signs of a crime.

In general, it should be noted the positive dynamics in Kazakhstan based on the results of 2023-2024 in terms of reducing fraud, while the share of fraud from the total number of registered criminal offenses is about thirty percent. This is an important achievement, which indicates that the measures taken by the state and society are beginning to bring results, which is an important step towards creating a safe and secure financial environment for all citizens of Kazakhstan.

References

1. Civil Procedural Code of the Republic of Kazakhstan (with amendments and additions as of 01/01/2024).
2. Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted in a republican referendum on August 30, 1995) with amendments and additions as of September 19, 2022.
3. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 No. 226-V (with amendments and additions as of May 1, 2024). Article 190 Fraud.
4. Regulatory Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan dated June 29, 2017 No. 6 on judicial practice in cases of fraud (as amended on January 16, 2023).
5. Regulatory Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan dated January 24, 2020 No. 3 "On some issues of the application of legislation by courts in cases of criminal offenses in the field of economic activity" (as amended on December 11, 2020).
6. Regulatory Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan dated July 11, 2003 No. 8 "On judicial practice in cases of theft" (as amended and supplemented as of October 5, 2023).
7. Regulatory Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan dated June 29, 2017 No. 6 On judicial practice in cases of fraud (as amended on January 16, 2023).

ПРЕДЕЛЫ ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НОТАРИУСА НА ПРИМЕРЕ СОВЕРШЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ НАДПИСИ

Тарновская С. В., нотариус Пушкинского нотариального округа Московской области, член Комиссии по повышению квалификации нотариусов и помощников нотариусов Московской областной Нотариальной Палаты
г. Красноармейск, Россия

Аннотация. В рамках настоящей небольшой статьи автор предпринял попытку рассмотреть пределы деликтной ответственности нотариуса на примере совершения им исполнительной надписи. Проанализирована ретроспектива усложнения правового регулирования этого нотариального действия в законодательстве Российской Федерации, выявлены его отдельные недостатки, а также проблемные вопросы взаимодействия нотариусов с государственными и иными организациями в рассматриваемой сфере. Предложены пути разрешения такого рода проблематики.

Ключевые слова: особенность статуса нотариуса, исполнительная надпись, деликт, возмещение вреда, пределы деликтной ответственности.

THE LIMITS OF NOTARY'S TORT LIABILITY IN THE CASE OF NOTARY'S EXECUTIVE INSCRIPTIONS

Tarnovskaia S. V., Notary of Pushkinskiy Notarial District of Moscow Region, Member of the Commission for Advanced Training of Notaries and Assistants of Notaries of Moscow Regional Notary Chamber
Krasnoarmeysk, Russia

Abstract. Within the framework of this short article, the author has attempted to consider the limits of the tort liability of a notary on the example of his execution of an executive inscription. The retrospective of the complication of the legal regulation of this notarial act in the legislation of the Russian Federation is analyzed, its individual shortcomings are identified, as well as problematic issues of interaction between notaries with state and other organizations in the field under consideration. The ways of solving this kind of problem are proposed.

Keywords: the peculiarity of the notary's status, executive inscription, tort, compensation for damage, limits of tort liability.

Со времен Древнего Рима в юридическом лексиконе используется понятие «Persona grata». В переводе с латинского языка оно означает лицо приятное, желательное и пользующееся особым доверием. Именно таким, обобщающим, критерием можно охарактеризовать нотариуса, осуществляющего свои полномочия в Российской Федерации. Такой особый статус этого субъекта продиктован двумя факторами: во-первых, в силу закона на него возложена функция от лица государства вести нотариальную деятельность, и, во-вторых, для ее успешного осуществления сформирована объемная нормативная база, которая гарантирует объективность, независимость и бесспорность выполнения нотариальных действий.

Особый статус нотариуса закрепляется в Российской Федерации в основополагающем нормативе в области нотариата и нотариальной деятельности – Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденных Постановлением Верховного Совета РФ от 11.02.1993 № 4462-1 (далее – Основы). Законодатель предпринял максимально усилий по нормативному обеспечению независимости и беспристрастности указанных субъектов как лиц, пользующихся особым доверием. Поэтому установлены: достаточна жесткая процедура назначения на должность нотариуса лица; соблюдение им тайны совершения нотариальных действий; обязанность при их совершении производить тщательный анализ предоставленных документов и сведений; запрет на извлечение прибыли при исполнении своих функций и недопустимость осуществления предпринимательской деятельности и пр.

Особое доверие к нотариусу отражено в ст. 61 Гражданского процессуального кодекса РФ и ст. 69 Арбитражного процессуального кодекса РФ, закрепляющих правило, в силу которого, если какие-либо обстоятельства подтверждены нотариусом, то они не требуют доказывания. Однако это правило действует только в случаях, если подлинность нотариально удостоверенного документа не опровергнута и не установлено существенных нарушений порядка совершения нотариального действия, а нотариальный акт не был отменен.

Тем не менее, и не смотря на особое доверие государства нотариальному сообществу, за его деятельностью необходим и контроль, и ясная система ответственности нотариусов в случае совершения ими правонарушений. Именно на создание такого рода мер направлено содержание ст. 17 Основ. В контексте настоящей небольшой статьи нас интересует исследование пределов деликтной ответственности нотариуса при совершении им исполнительной надписи.

В обобщенном понимании, к деликтной ответственности могут быть привлечены определенные лица, в результате неправомерно совершенного ими действия или бездействия, в результате которого причинен имущественный, а в некоторых случаях и моральный, вред другим физическим или юридическим лицам. Латинский корень «delictum» означает «проступок», «правонарушение», «погрешность», «ошибка». В основу обращения взыскания по деликтному обязательству заложена компенсационная и восстановительная функции, то есть главной целью требований о возмещении причиненного вреда является получение потерпевшими соразмерного

нанесенному им ущербу материального блага (компенсации) [3, с. 32]. Более того, в силу п. 1 ст. 1064 Гражданского кодекса РФ, вред, который был причинен физическому лицу (его личности или имуществу), а также имущественный вред, причиненный организации, должен быть возмещен лицом, которое его причинило в полном объеме.

Деликтные обязательства, которые могут возникнуть, гипотетически, между нотариусом и определенным лицом, относятся к разновидности внедоговорных [1, с. 4]. Осуществление компенсационных выплат, возникших в результате такого причинения вреда, производится за счет денежных средств, включенных в лимит страхового случая при обязательном страховании нотариусом своей гражданской ответственности. В случае их недостаточности они возмещаются за счет средств, заложенных в основу договора коллективного страхования, заключаемого нотариальной палатой субъекта РФ в отношении её членов, а также за счет средств компенсационного фонда Федеральной нотариальной палаты.

Если систематизировать случаи наступления имущественной ответственности нотариуса, то их можно условно разделить на три основные группы, каждая из которых характеризуется существенными взаимосвязанными критериями при обязательном наличии причинно-следственной связи между произошедшим событием и возникновением вреда. К первой группе относится привлечение нотариуса к имущественной ответственности в случае, если нотариус совершил определенное нотариальное действие: (а) с нарушением закона; (б) в результате был причинен вред имуществу физического или юридического лица; (в) доказана виновность нотариуса в его причинении. Вторая группа правонарушений действий нотариуса касается его официального отказа в совершении определенного нотариального действия. Такой отказ должен быть: (а) неправомерен; (б) его результатом стал реальный ущерб имуществу гражданина или юридического лица. В основу формирования третьей группы заложено несоблюдение нотариусом тайны совершения нотариального действия, гарантированного в ст. 5 Основ. В этом случае также необходимо наличие определенных условий: (а) доказанность разглашения нотариусом сведений о совершенном им ранее нотариальном действии; (б) причинение реального ущерба имуществу физического или юридического лица в результате подобного разглашения.

Первая группа правонарушений действий нотариусов является наиболее часто встречающимися на практике. По информации Нотариальной Палаты Московской областной они занимают больше 75 % от всех перечисленных правонарушений. Однако как показывает судебная практика, не всегда все зависит от действий или бездействия конкретного нотариуса, так как иногда несовершенство отечественного законодательства может привести к ситуации, когда такое должностное лицо может оказаться в ситуации, что называется «без вины виноватый». Одним из таких нотариальных действий, которое может повлечь наступления имущественной ответственности нотариуса, выступает исполнительная надпись нотариуса, положения о которой содержатся в главах XVI и XVI.1 Основ.

Как раз в этом случае и проявляются недостатки нормативно-правовых актов. Так, несмотря на то, что рассматриваемый институт существует в отечественном праве не одно десятилетие и даже столетие, к сожалению,

современные нормативно-правовые акты Российской Федерации не дают определение и не раскрывают содержание понятия этого нотариального действия, что неоднократно отмечалось в юридической литературе [5, с. 10].

Между тем, по своей значимости и правовому характеру исполнительная надпись нотариуса очень близка к приказному производству российских судов. Поскольку на ее основе возможно без обращения взыскателя в суд, то есть в ускоренном порядке, возбудить исполнительное производство по взысканию задолженности или истребованию имущества, или обращение взыскания на заложенное имущество [6, с. 80]. Фактически исполнительная надпись нотариуса, как нотариальное действие, представляет собой формальную запись (отметку) нотариуса на определенных документах, которая констатирует (подтверждает) факт неисполнения обязательства. Ими могут выступать нотариально удостоверенные сделки, устанавливающие денежные обязательства или обязательства по передаче имущества, отдельные кредитные договоры, договоры займа, залога и поручительства или иные подобные соглашения, указанные в законе. Исполнительная надпись совершается в случае предоставления документов, подтверждающих беспорочность задолженности или иной ответственности должника перед взыскателем.

Учитывая упрощенность рассматриваемой внесудебной процедуры взыскания, а также её экономическую значимость, она стала весьма востребованной в гражданско-правовом обороте. И как один из сопутствующих факторов, вызвало интерес как у криминального элемента и террористических организаций, так и у Федеральной службы по финансовому мониторингу РФ. Поэтому законодатель постепенно усложнял процедуру совершения исполнительной надписи нотариуса. Если до 2008 года в её содержание входило минимум информации (краткие сведения о нотариусе, совершающем такую надпись; данные о взыскателе и должнике; срок, за который производится взыскание; размер взыскания; дата совершения исполнительной надписи; номер регистрации в реестре; подпись нотариуса), то после принятия Федерального закона от 30.12.2008 № 306-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием порядка обращения взыскания на заложенное имущество» объем данных и их характер стал больше и строже.

К числу существенных можно отнести изменения, внесенные в Основы в 2012 и 2016 годах, предопределивших значимость этого нотариального действия. С учетом таких дополнений нормы, регламентирующие порядок совершения исполнительных надписей о взыскании задолженности и обращении взыскания на заложенное имущество, были сформированы в две самостоятельные главы. В содержание исполнительной надписи вошли подробные сведения о должнике, а именно: (1) государственный регистрационный номер или идентификационный номер налогоплательщика – юридического лица; (2) фактический и юридический адрес должника; (3) паспортные данные физического лица – должника и др.

На основе Федерального закона от 03.07.2016 № 360-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ст. 90 Основ были добавлены правила, предусматривающие возможность взыскания задолженности по кредитным договорам

и дополнительным соглашениям к ним при условии, если стороной договора не выступает микрофинансовая организация, а в условиях договора содержится условие о возможности взыскании задолженности по исполнительной надписи нотариуса. Нововведением стало включение в указанную норму возможности взыскания задолженности в бесспорном порядке на основании нотариально удостоверенной сделки. Поэтому для совершения исполнительной надписи к такого рода документам теперь необходимо прикладывать: (1) соответствующее заявление с просьбой осуществить бесспорное взыскание; (2) расчет задолженности по денежным обязательствам; (3) копию уведомления о наличии заложенности, направленную взыскателем должнику не менее, чем за 14 дней до обращения к нотариусу за совершением исполнительной надписи; (4) документ, подтверждающий отправку такого уведомления.

Все перечисленные дополнения к закону увеличили и объем обязанностей и ответственности за их неисполнение со стороны рядовых нотариусов. Более того, в соответствии с Федеральным законом от 18.03.2019 № 33-ФЗ «О внесении изменений в статьи 7 и 7.1 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и статьи 7 и 10 Федерального закона «О национальной платежной системе», нотариусов обязали направлять формализованное сообщение в Росфинмониторинг о совершаемых им действиях, которые предполагают меры по замораживанию (блокированию) денежных средств отдельных лиц.

Анализируя эти нормы закона, В. А. Бочковенко и Г. Г. Черемных отмечают неточность положений закона и расплывчатость его формулировок. В результате чего эти авторы приходят к выводу, что указанная норма не предусматривает обязанность нотариуса уведомлять уполномоченный орган (Росфинмониторинг) о совершении исполнительной надписи по соответствующим обязательствам, поскольку они не упоминаются в числе подлежащих контролю финансовых операций и сделок [2, с. 6]. Однако существует и иная точка зрения, которая как раз и высказывается со стороны правоохранительных и надзорных органов [4, с. 326]. На наш взгляд, уже появившаяся на страницах юридических изданий дискуссия и спор по этому поводу вполне могут возникнуть на практике, что явно может привести в долгим судебным разбирательствам. Поэтому мы предлагаем внести в указанную выше норму соответствующее дополнение и согласовать ее с положениями Основ. Тем более, что в ст. 48 этого акта установлено правомочие нотариуса отказывать в совершении исполнительной надписи при наличии любых достаточных оснований полагать, что она может быть применена в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма. Эта норма предусматривает, что в случае совершения такого отказа, нотариус, осуществивший его, к гражданско-правовой ответственности не привлекается.

По нашему мнению, изложенная выше ситуация свидетельствует о необходимости систематизации ст. ст. 5 и 48 Основ с законодательством в области борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма. Так, как уже было упомянуто, законодатель предусмотрел возможность отказа со стороны нотариуса в совершении исполнительной надписи, если у него есть под-

зрения, что его действия станут элементом указанных преступных действий. Однако была упущена из виду обязанность этого должностного лица относительно предоставления информации в соответствующий надзорный орган и его имущественной ответственности в случае, если этого не будет сделано.

В последнее время с развитием информационных технологий значительно увеличились возможности отечественных нотариусов в сфере использования различных электронных информационных банков и баз данных. Так, нотариусу доступны функционалы для запроса сведений из: (1) Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ); (2) Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН); (3) информационной базы Росфинмониторинга; (4) электронного сервиса Федресурса (официальный портал раскрытия существенных фактов деятельности субъектов экономической деятельности); (5) электронного сервиса Федеральной службы судебных приставов (ФССП); (6) электронного портала Почты России и др.

Однако у нотариуса все-таки ограничены возможности полной проверки добросовестности обратившегося лица (взыскателя). Так, во-первых, органам нотариата была предоставлена возможность осуществлять контроль действительности паспорта гражданина РФ по базе данных МВД РФ с помощью соответствующего электронного сервиса. Вместе с тем эта функция на практике может быть реализована лишь частично, так как информацию о вклеенной в паспорт фотографии (визуальном изображении) нотариусу получить через этот сервис не удастся, поскольку доступ к такой функции заблокирован со стороны органов МВД РФ. Во-вторых, нотариус уполномочен произвести проверку нотариального действия, совершенного в пределах РФ, а также удостовериться в подлинности доверенности, заверенной в консульстве РФ. Проверить же оригинальность ряда документов (паспортов, договоров и др.), составленных в другом государстве и выданных определенными, в том числе официальными, структурами не представляется возможным. В-третьих, отсутствует электронное сотрудничество с операторами связи по поводу заключенных ими и их должниками договоров об оказании услуг. В-четвертых, недостаточно отлажено взаимодействие с Центральным Банком РФ и иными отечественными и зарубежными кредитными организациями РФ. Вследствие чего отсутствует возможность осуществления проверки действительности и подлинности документов, предоставляемых взыскателем, а, следовательно, существует риск, что исполнительная надпись будет осуществлена нотариусом не вполне правомерно.

С учетом существующих положений, для выяснения необходимых сведений и получения надлежащих документов, а также назначения и проведения экспертиз, нотариус вынужден откладывать, и тем самым затягивать, совершение нотариального действия на срок до одного месяца, что значительно утяжеляет и усложняет процедуру оформления исполнительной надписи.

Подводя итог вышесказанному, становится очевидным, что при отсутствии надлежащих рычагов для проведения полноценных проверок у нотариуса существует и риск совершения им ненадлежащего действия, в том числе влекущего неблагоприятные для него последствия.

Библиографический список

1. Агибалова Е. Н. Деликтные обязательства: учебное пособие / Е. Н. Агибалова; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. 112 с.
2. Бочковенко В. А., Черемных Г. Г. Применение исполнительной надписи нотариуса требует законодательной корректировки // Нотариус. 2019. № 1. С. 3 – 6.
3. Егорова М. А. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: учебное пособие / М. А. Егорова, В. Г. Крылов, А. К. Романов; отв. ред. доктор юридических наук М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017. 376 с.
4. Нотариат: учебник и практикум для вузов / А. О. Иншакова [и др.]; под редакцией А. О. Иншаковой, А. Я. Рыженкова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024. 468 с.
5. Сучкова Н. В. Исполнительная надпись нотариуса: методическое пособие. М.: Статут, 2015. 240 с.
6. Фокина Ю. А. Исполнительная надпись нотариуса // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 8-1 (83). С. 79 – 82.

ЗНАЧЕНИЕ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ В СОСТАВЕ ДЕЛИКТА В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Федосеев П. С., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье причинно-следственная связь рассматривается как условие наступления гражданско-правовой ответственности в контексте социологической теории цивилистики. Автором утверждается преимущество социологического подхода над формально-догматическим к пониманию институтов гражданского права, как обеспечивающего выполнение социальной функции права. Автор приходит к выводу о том, что установление причинно-следственной связи при применении гражданско-правовой ответственности следует основывать на концепции правовых ожиданий, что более соответствует концептуальным началам гражданского права, чем иные способы ее определения.

Ключевые слова: причина, следствие, причинно-следственная связь, социологическая концепция права, гражданско-правовая ответственность.

THE SIGNIFICANCE OF THE CAUSAL RELATIONSHIP IN THE COMPOSITION OF A TORT IN THE CONTEXT OF THE SOCIOLOGICAL THEORY OF CIVIL LAW

Fedoseev P. S., Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia

Abstract. In the article, the causal relationship is considered as a condition for the onset of civil liability in the context of the sociological theory of civil law. The author asserts the advantage of the sociological approach over the formal dogmatic one in understanding the institutions of civil law as ensuring the fulfillment of the social function of law. The author concludes that the establishment of a causal relationship in the application of civil liability should be based on the concept of legal expectations, which is more consistent with the conceptual principles of civil law than other ways of defining it.

Keywords: cause, effect, causal relationship, sociological concept of law, civil liability.

В современной российской цивилистике ведется дискуссия о пересмотре концептуальных основ теории гражданского права. Ревизии подвергаются многие постулаты частного права, такие как правовой статус субъектов гражданских правоотношений, вопросы ответственности за правонарушения, правовой режим сделок, переосмысление некоторых объектов гражданских прав и так далее. В контексте настоящей небольшой статьи нас будет интересовать дискуссия о правовой природе причинной связи между противоправным поведением и наступившими вредными последствиями.

Полемику условно можно разделить на две магистральные точки зрения – первая представлена сторонниками отрицания необходимости установления причинно-следственной связи при возмещении убытков, поскольку частноправовая доктрина ответственности не предполагает высокой степени персонализации, поэтому, установление причинной связи желательно, но не необходимо. К сторонникам такой концепции следует отнести В. С. Михайлова, Ю. Б. Фогельсона и других цивилистов, утверждающих исключительно частный характер гражданского права и доказывающих необходимость сепарации институтов цивилистики от публично-правовых правовых догматов [5, с. 84; 6 с. 163].

Противники вышеуказанной точки зрения утверждают, что гражданско-правовая ответственность является разновидностью юридической ответственности, поэтому те признаки, которые есть у общего понятия, должны принадлежать и частному его случаю [1, с. 15]. Следовательно, гражданско-правовая ответственность имеет четыре классических элемента – объект, объектив-

ную сторону, субъект и субъективную сторону. Для применения гражданско-правовой санкции необходимо наличие условий, одним из которых и является причинно-следственная связь. Исследователи признают подобный взгляд на сущность права формально-догматическим, поскольку в его основе лежит видение права в качестве системы взаимосвязанных элементов, совокупности которых необходимо и достаточно для регулирования общественных отношений. В таком подходе, очевидно, усматривается логичность и систематичность социальной действительности и возможность применения к ней в качестве своего рода шаблона нормы права, выполняющей регулятивную функцию и разрешающую правовой спор.

Вместе с тем такой подход все чаще подвергается критике. В современной цивилистической литературе отчетливо усматривается отказ от формально-догматической концепции понимания гражданско-правового регулирования в пользу социологического или герменевтического анализа действия норм права в социальном регулировании.

Характерной особенностью формально-догматического метода понимания права и действия его механизмов является признание в рамках его уникальности права как общественного института. В контексте такого подхода право воспринимается в качестве вершины развития человеческого общества, достижения универсальности методов регулирования общественных отношений, что воспринимается сторонниками указанного метода как высшая степень совершенства, действующая за счет отточенности юридических формулировок и воз-

возможности их применения практически ко всем жизненным ситуациям, требующим правового разрешения. Другими словами, вырабатывается догма права, то есть доктрина, содержащая непрерываемую истину, не подлежащую пересмотру [4, с. 107].

Очевидно, существенным положительным свойством догматической юриспруденции является ее бесспорное доверие к праву, что, как следствие, обеспечивает неукоснительное соблюдение законности в государстве. Догматическое применение норм права органами власти обеспечивает функционирование органов власти в соответствии с конституционными принципами, главный из которых, как известно, сформулирован в ст. 2 Основного Закона Российской Федерации и заключается в обязанности государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина.

Вместе с тем явным недостатком догматического подхода к пониманию права следует признать его формальный подход к пониманию действия права и чрезмерный акцент на технических моментах правового регулирования. В рамках догматической юриспруденции существенное значение имеет вопрос о полномочиях и субординации органов власти, иерархии источников права, стремление к абсолютизации действия права, возможно, даже в ущерб законным интересам участников правоотношений и требований абстрактного гуманизма и справедливости. Так, характерен следующий пример из судебной практики. Злоумышленники, получив доступ к персональным данным гражданки, пользовавшейся услугами банка, обманным путем заключили от ее имени кредитный договор. Суды инстанций, предшествовавших Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ, признали кредитный договор действительным, так как все требования к форме его заключения были соблюдены, и оснований для сомнений в надлежащем волеизъявлении должника не было усмотрено (определение Верховного Суда РФ от 29.08.2023 по делу № 9-КГ23-10-К1).

Социологическая теория гражданского права характеризуется противоположным отношением права к общественной жизни. Право должно обслуживать общественные отношения, регулируя их с должной степенью разумности, а не моделировать общественные отношения в рамках правовой реальности, подгоняя их под требования объективного права.

Следствием антагонизма двух указанных концепций является и конкуренция в теории гражданского права точек зрения на институт ответственности. Конфликт между пониманием юридической ответственности как персонализированной санкции к нарушителю, по нашему мнению, вызван тем, что в теории цивилистики отсутствует единый подход к рассмотрению гражданско-правовой ответственности; в тексте Гражданского кодекса РФ нет очевидной границы между пониманием ее как обязательства или в качестве санкции. Подобное положение дел обусловлено рядом причин, например, дискуссионностью вопроса о разделении деликтной и договорной ответственности в гражданском праве.

Общезвестно, что санкция требует определения условий ее применения путем установления в действиях лица признаков состава правонарушения, позволяющих признать его виновным в его совершении и обязанным совершить действия, направленные на устранение вредных последствий, вызванных его совершением. Кроме того, ответственность, понимаемая в качестве санкции,

выполняет и социальную функцию – предупреждает совершение правонарушений в будущем, что невозможно без воздействия на личность правонарушителя, для чего требуется установление виновности совершенного деяния.

Напротив, при рассмотрении ответственности как обязательства подразумевается деперсонифицированность обязательства, когда кредитор заинтересован в принципе в получении надлежащего удовлетворения своих требований, а личность исполнителя не играет определяющей роли. В таком случае необходимо согласиться с мнением Е. Годэмэ, признававшего обязательство взаимодействием представителей двух имуществ [2, с. 312]. Необходимо отметить, что мы не отрицаем существования личных обязательств, но, когда речь идет о деликтных обязательствах, их личный характер нивелируется [3].

Следовательно, не всегда требуется установление виновности совершенного нарушения, то есть сознательного нарушения обязанности в целях причинения вреда, а значит и нахождение связи между виновными действиями и вредными последствиями не является определяющим условием наступления гражданско-правовой ответственности.

Подобный подход к определению виновности совершенного деяния и установления условий применения ответственности к нарушителю связан не только с необходимостью наказания причинителя вреда и профилактики правонарушений в будущем, но и с пониманием права как справедливого регулятора общественных отношений. Другими словами, если будет установлена причинность вреда от неправомерного поведения, то нарушитель будет привлечен к ответственности справедливо. Если же есть обстоятельства, способствующие снижению его ответственности, то они также должны быть установлены и применены в случае необходимости. Налицо достаточно незатейливая догматика – причинил вред, возместить его путем восстановления положения, существовавшего до совершения правонарушения. Вместе с тем из причинно-следственного ряда выбивается масса регулируемых гражданским правом случаев ответственности – так называемая повышенная ответственность предпринимателя, ответственность владельца источника повышенной опасности, ответственность за действия недееспособного причинителя вреда.

Таким образом, гражданское право допускает какой-то иной способ логического связывания противоправного деяния и наступивших вредных последствий, кроме причинно-следственного, присущего догме права.

Интересное исследование связи противоправного поведения и наступивших вредных последствий в гражданских правоотношениях содержится в приведенной в настоящей статье работе С. В. Михайлова «Теории причинно-следственной связи и установление пределов ответственности». Среди проанализированных автором теорий причинно-следственной связи, по нашему мнению, особого внимания и одобрения заслуживает концепция адекватной причинно-следственной связи. Основным признаком указанной теории является обязанность суда установить, мог ли причиненный вред наступить вследствие совершенных действий. При этом решается вопрос не о том, привело ли такое поведение к конкретному результату, а устанавливается, может ли в принципе подобное действие вызвать исследуемое последствие [5, с. 90].

Указанная концепция имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Так, к плюсам такого понимания связи действия и последствия можно отнести преодоление логической ошибки, допускаемой при установлении причинной связи, когда следствие отождествляют с последовательностью – «после, не значит вследствие». Адекватность причинной связи будет соблюдена только в том случае, если противоправное действие стало условием причинения вреда либо существенно увеличило вероятность его причинения. При подобном подходе нет необходимости чрезмерно подробного анализа всех возможных последствий, наступивших за противоправным поведением, достаточно большей степени вероятности его наступления.

С другой стороны, в такой теории слишком велик процент вероятности. Кроме того, теория адекватной причинной связи не принимает во внимание случайно наступившие последствия, которые также имеют юридическое значение. Установление адекватной причинной связи фактически исключает вменение причинителю вреда обязанности предвидеть вредные последствия его деяний, тем самым освобождая его от необходимости совершать действия с той степенью осмотрительности и осторожности, которая требуется от добросовестного участника гражданских правоотношений.

Как справедливо отмечает С. В. Михайлов, применение теории адекватной причинной связи имеет и ряд спорных юридико-технических аспектов. Так, суд, применяя указанную теорию причинной связи, должен занять позицию так называемого «опытного наблюдателя», то есть лица, от которого не могут ускользнуть никакие обстоятельства, которые должны были бы быть известными причинителю вреда в момент совершения деяния [5, с. 92].

Таким образом, подразумевалось, что деликвент причинял вред либо сознательно, либо его действия существенно увеличивали шанс его причинения. Очевидно, что подобный подход элиминирует неоправданно большое количество случаев причинения вреда, юридически значимых, но стоящих вне причинно-следственных связей.

В связи с этим, нам представляется более продуктивной так называемая теория юридически правомерных ожиданий. Ее суть заключается в том, что ответ-

ственность наступает в том случае, если вредные последствия находятся не только в причинно-следственной связи с совершенным деянием, но и нарушают стабильный гражданский оборот, основой которого является правомерное ожидание от контрагента законных действий в пользу лица, надлежаше осуществившего свое субъективное право или исполнившего субъективную обязанность. В случае неосуществления правомерно ожидаемого поведения, добросовестный контрагент вправе рассчитывать на судебную защиту с учетом оценки правомерности действий именно добросовестной стороны, а не ее контрагента [7, с. 185].

При применении судом концепции правовых ожиданий определяющим фактором будет не спекулятивное исследование всех доступных обязанному лицу вариантов поведения и аналитический подбор судом причин их неисполнения, а необходимость защиты правопорядка, добросовестности и базовых правовых ценностей, декларированных Конституцией РФ и защищаемых отраслевым законодательством.

Библиографический список

1. Великосельская И. Е. Состав правонарушения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010. 28 с.
2. Годэмэ Е. Общая теория обязательств. Перевод с французского / пер.: Новицкий И. Б. М.: Юридическое издательство МЮ СССР, 1948. 511 с.
3. Есакова П. М. Сущность личных обязательств в современной гражданско-правовой доктрине и правоприменительной практике // Экономика и социум. 2020. № 3 (70). С. 611 – 614.
4. Марк Туллий Цицерон. Учение академиков / перевод Н. А. Федорова. Комментарии и вступительная статья М. М. Сокольской. М.: Индрик, 2004. 320 с.
5. Михайлов В. С. Теории причинно-следственной связи и установление пределов ответственности // Вестник гражданского права. 2019. Т. 19. № 4. С. 82 – 144.
6. Фогельсон Ю. Б. Российское гражданское право с точки зрения социологической юриспруденции // Закон. 2019. № 9. С. 160 – 173.
7. Черновол К. А. Концепция правомерных ожиданий: европейский и российский опыт // Правоведение. 2019. Т. 63. № 1. С. 181 – 191.

МАТЕРИАЛЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

УДК 347.51

МЕДИЦИНСКАЯ СФЕРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ИСТОЧНИК ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ЗА ПРИЧИНЕННЫЙ ВРЕД

Израелян М. Г., студент 5 курса юридического факультета
Научный руководитель: Агibalова Е. Н., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, в каких случаях медицинская деятельность будет являться источником повышенной опасности. Исследуется возможность отнесения вакцинации к источнику повышенной опасности. Затрагивается проблема страхования профессиональной ответственности медицинских работников как важный аспект охраны прав и пациентов, и медицинских работников.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, деликтная ответственность, медицинские работники, источник повышенной опасности, вакцинация, страхование.

THE MEDICAL FIELD OF ACTIVITY AS A SOURCE OF INCREASED DANGER: CURRENT ISSUES OF TORT LIABILITY OF MEDICAL WORKERS FOR HARM CAUSED

Israelyan M. G., 5th year student of the Law Faculty
Supervisor: Agibalova E. N., Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Abstract. The article considers the question of in which cases medical activity will be a source of increased danger. The possibility of attributing vaccination to a source of increased danger is being investigated. The problem of insurance of professional liability of medical workers is touched upon as an important aspect of protecting the rights of both patients and medical workers.

Keywords: civil liability, tort liability, medical workers, source of increased danger, vaccination, insurance.

Медицинская деятельность неразрывно сопряжена с определёнными рисками, поскольку организм человека является сложной не всегда предсказуемой системой, и любое вмешательство в него со стороны медицинских работников может привести к неожиданным последствиям. Анализируя «врачебные дела» в Российской Федерации в контексте споров по возмещению вреда, причинённого жизни и здоровью, следует отметить, что данная категория дел зачастую является очень длительной и затратной, что обуславливается в первую очередь сложностями предмета доказывания. Исходя из этого, представляется целесообразным рассмотреть вопросы наступления деликтной ответственности медицинской организации вследствие причинения вреда жизни и здоровью пациента.

В рамках заявленной темы исследования отдельно остановимся на дефиниции «деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих» или, иначе, понятии «источник повышенной опасности». В соответствии со ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств,

механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т. п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности и др.), обязаны возместить вред, причинённый источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего.

В законодательстве нет исчерпывающего перечня источников повышенной опасности. В рамках конкретного дела вопрос о признании объекта источником повышенной опасности решается судом на основе заключений соответствующих экспертиз (технической, химической, радиационной и др.). В соответствии с п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» суд, принимая во внимание особые свойства предметов, веществ или иных объектов, используемых в процессе деятельности, вправе признать источником повышенной опасности также иную деятельность, не указанную в перечне ст. 1079 ГК РФ.

В науке нет единства мнений относительно того, следует ли рассматривать медицинскую деятельность в качестве источника повышенной опасности. Некоторые цивилисты считают, что в силу специфики медицинской деятельности, а именно необходимости прямого влияния медицинского работника на организм человека, вред, причинённый медицинскими работниками здоровью пациента, следует квалифицировать как вред, причинённый источником повышенной опасности. Подобный взгляд получил поддержку со стороны А. Д. Власовой [3, с. 19].

Вторая группа исследователей полагает, что медицинская деятельность, прежде всего, направлена на продление, сохранение и улучшение жизни и здоровья пациентов, вследствие чего она не может рассматриваться в качестве источника повышенной опасности. В. С. Абдуллина указывает, что «деятельность медицинского учреждения или врача сама по себе не создаёт повышенной опасности, а наоборот, имеет цель избавить человека от неблагоприятных для его здоровья последствий» [1, с. 198].

В доктрине и на практике выработалась и третья позиция, которая объединяет в себе вышеуказанные доводы, в соответствии с которой медицинская деятельность полностью не может быть отнесена к деятельности, создающей повышенную опасность для окружающих, в силу своей неоднородности. В медицинской сфере источниками повышенной опасности могут быть признаны отдельные методы и способы лечения, которые требуют применения сложного медицинского оборудования и определенных веществ. Так в своих научных работах высказывается, например, М. Н. Маленина [7].

Представляется целесообразным в рамках данного исследования привести выводы, содержащиеся в Справке Пермского краевого суда от 20 апреля 2007 г. «По результатам обобщения судебной практики по делам о возмещении вреда, причинённого деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих». Согласно Справке в соответствии с практикой суда в число источников повышенной опасности в медицинской сфере можно включить рентгеновские установки, радоновые ванны, лазерные аппараты, приборы с использованием ультразвука, ядовитые, наркотические, сильнодействующие лекарственные препараты, взрыво- и огнеопасные лекарственные средства (эфир и др.), использование электрических токов и др.

Приведённые выводы, как нам кажется, достаточно убедительны для того, чтобы согласиться с мнением М. Н. Малениной. Медицина охватывает широкий спектр специализаций и методов лечения, и каждый из них имеет свои риски и потенциальные опасности. Некоторые медицинские процедуры, такие как хирургические операции или радиационная терапия, в процессе которых используются потенциально опасные предметы, могут быть более рискованными, чем другие методы лечения, такие как физиотерапия [2, с. 72].

В рамках настоящего исследования целесообразно отдельно рассмотреть вопрос об отнесении вакцинации к источнику повышенной опасности.

Многие цивилисты полагают возможным относить вакцины к источникам повышенной опасности в связи с наличием риска тяжёлых осложнений даже при условии соблюдения всех мер предосторожности. Это может быть связано как с особенностями индивидуального организма, так и с имеющимися хроническими заболеваниями. Подобный взгляд получил поддержку со

стороны Е. В. Козьминых. Автор указывает на то, что вакцинация полностью соответствует признакам источника повышенной опасности из-за «невозможности полного контроля за ней со стороны медицинских работников, а также как деятельность по использованию веществ (вакцин), обладающих такими же свойствами» [4, с. 34].

В судебной практике встречаются решения, в которых компенсация морального вреда, вызванного поствакцинальными осложнениями, взыскивается со ссылкой на ст. 1079 ГК РФ. Так, например, в одном судебном разбирательстве истица обратилась в суд с требованиями о компенсации морального вреда, ссылаясь на то, что в родильном доме ребёнку была проведена вакцинация БЦЖ, в результате которой развилось поствакцинальное осложнение в виде остита. Суд пришел к выводу о том, что медицинскую деятельность, в основе которой лежит применение лекарственных средств, следует квалифицировать как деятельность, создающую повышенную опасность для окружающих, и в случае причинения вреда здоровью или жизни гражданина (пациента) применением лекарственных средств гражданско-правовая ответственность должна наступать по правилам ст. 1079 ГК РФ. Принимая во внимание все обстоятельства по делу, суд пришел к убеждению о необходимости взыскания с родильного дома компенсации морального вреда 300 000 рублей (*решение Анапского городского суда от 24.06.2011 по делу № 2-98/2011*).

Основные доводы сторонников второго подхода – о невозможности отнесения вакцинации к деятельности, создающей повышенную опасность, сводятся к тому, что вакцинация является медицинской процедурой, направленной на предотвращение заболеваний и проходит строгий процесс испытаний для обеспечения безопасности и эффективности. Также сторонники указанного подхода считают, что необходимо различать непосредственно процесс введения вакцины в организм человека и реакцию организма на введённую вакцину.

Указанный подход нашел отражение и в правоприменительной практике. Интересным представляется следующий пример из судебной практики. Истица обратилась в суд с иском о компенсации морального вреда в интересах несовершеннолетнего ребенка к перинатальному центру. В обоснование исковых требований истица указала, что в результате вакцинации от туберкулеза вакциной БЦЖ ребенок заразился туберкулезным оститом. Суд пришел к выводу, что деятельность по вакцинации – это деятельность, направленная на сохранение и укрепление здоровья, что указывает на то, что она не может быть сама по себе расценена как деятельность, связанная с повышенной опасностью и исключая полный контроль за ней со стороны человека. Проконтролировать полностью невозможно не саму вакцинацию, а реакцию организма конкретного человека на введённую вакцину. В связи с чем суд не согласился с доводами истицы и ее представителя о том, что перинатальный центр должен нести ответственность за вакцинацию даже при отсутствии вины и отказал в иске (*решение Ангарского городского суда Иркутской области от 12.10.2016 по делу № 2-2151/2016*).

Позиция судов, не признающих вакцины источником повышенной опасности, основывается на целях иммунопрофилактики, закрепленных в Федеральном законе от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней», в соответствии с которым вакцинация является важным средством преду-

преждения и контроля инфекционных заболеваний. Также суды, выстраивая свою позицию, основываются на тщательном изучении самого процесса вакцинации и представленной экспертной информации, исследуют результаты клинических испытаний и статистические данные о частоте возникновения побочных эффектов.

Приведённые положения, по нашему мнению, достаточно убедительны для того чтобы, согласиться с тем, что вакцинация не относится к источнику повышенной опасности. Она является одним из основных методов предупреждения инфекционных заболеваний и имеет доказанную эффективность и безопасность. Вакцинация помогает организму выработать иммунитет к определённому заболеванию, оказывает профилактическое воздействие и снижает риск осложнений. Конечно, как и с любым медицинским вмешательством, возможны редкие случаи побочных реакций или осложнений в связи с вакцинацией, но это не делает вакцинацию источником повышенной опасности в общепринятом смысле ст. 1079 ГК РФ.

Добавим, что в соответствии со ст. 19 Федерального закона «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» в случае возникновения поствакцинальных осложнений пострадавший гражданин имеет право на выплату единовременного пособия для пострадавшего в размере 10 000 рублей. Однако, как нам представляется, указанная сумма не учитывает современную социально экономическую ситуацию в государстве и нуждается в повышении.

Также считаем, что список поствакцинальных осложнений нуждается в дополнении, так как появляются новые виды вакцин, что соответственно приводит к расширению перечня возможных осложнений [5, с. 260]. Указанные обстоятельства способствуют тому, что пациенты, которые столкнулись с поствакцинальными осложнениями, пытаются прибегнуть к иному способу возмещения вреда.

Удачно вписывается в логику нашего исследования вопрос о необходимости внедрения системы обязательного страхования ответственности медицинских работников. В соответствии с Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинские работники обладают правом страховать свою профессиональную ответственность. Однако, как отмечают цивилисты, данный институт страхования гражданской ответственности в сфере здравоохранения развит слабо [8, с. 93].

По нашему мнению, Модельный закон для государств-участников СНГ «О страховании профессиональной ответственности медицинских работников», разработчиками которого стали ученые Санкт-Петербургского государственного университета Н. И. Дивиева и М. В. Кратенко, может быть использован в качестве специального закона, регулирующего указанные правоотношения [6, с. 150 – 153]. Модельный закон служит основой для разработки соответствующих законов в каждом отдельном государстве. Он не является прямым документом, но предлагает набор руководящих принципов для создания и регулирования страховой системы профессиональной ответственности медицинских работников на национальном уровне.

Положения рассматриваемого Модельного закона закрепляют обязательный характер страхования ответственности работников, также содержат основные нормы, регулирующие порядок заключения договора

обязательного страхования ответственности, устанавливают перечень прав и обязанностей сторон, определяют основания наступления страхового случая, устанавливают размер страховой суммы, страховой премии и страховых тарифов.

Следует отметить, что отдельное значение в Модельном законе уделяется внесудебному порядку урегулирования страховых случаев и роли медицинских ассоциаций в урегулировании случаев причинения вреда пациенту. Как нам представляется, урегулирование страховых случаев внесудебным путем имеет ряд преимуществ; основной целью рассматриваемого способа урегулирования страховых случаев является более быстрое и эффективное разрешение споров, а также уменьшение расходов сторон и снижение нагрузки на судебную систему.

Профессиональные объединения медицинских работников играют существенную роль в оценке и урегулировании страховых случаев. Участие медицинских ассоциаций в разрешении споров способствует более объективному подходу к урегулированию страховых случаев и обеспечивает соблюдение высоких стандартов, так как члены ассоциации обладают профессиональными знаниями и опытом в своей области и могут помочь страховой компании в правильной оценке медицинских вопросов и аспектов, связанных с возмещением вреда.

Таким образом, в медицинской практике всегда существует риск ошибок в диагностике, лечении или процедурах, которые могут привести к негативным результатам для пациентов. По нашему мнению, в законодательстве должны быть закреплены признаки, которые позволяют отнести отдельные методы и способы лечения к деятельности, создающей повышенную опасность. При оценке конкретных методов и способов лечения, которые могут представлять повышенную опасность, следует учитывать критерии использования определенных технологий или оборудования, применения высокотоксичных или опасных веществ.

Введение системы обязательного страхования профессиональной ответственности медицинских работников является необходимым шагом для повышения качества медицинской помощи и защиты прав всех участников медицинского процесса. Такая система способствует финансовой безопасности медицинских работников, обеспечивает гарантированную компенсацию вреда пациентам и способствует снижению числа судебных разбирательств. Для успешного внедрения системы обязательного страхования необходимо принять соответствующие законодательные меры, установить стандарты страхования и создать эффективную систему мониторинга и контроля.

Библиографический список

1. Абдуллина В. С. Условия гражданской правовой ответственности за нарушения в сфере оказания медицинских услуг // Казанский медицинский журнал. 2007. № 2. С. 197 – 200.
2. Агибалова Е. Н., Израелян М. Г. Деликтная ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, в медицинской сфере // Государство и право России в контексте вызовов современного мира: сборник материалов X Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 30-летию Конституции Российской Федерации; г. Волгоград, 6 декабря 2023 г. / отв. ред. М. В. Заднепровская; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС. Волгоград:

Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2024. С. 70 – 74.

3. Власова А. Д. Гражданско-правовое регулирование обязательств вследствие причинения имущественного вреда жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 198 с.

4. Козьминых Е. В. Обязательства вследствие причинения вреда здоровью при оказании медицинских услуг // Российская юстиция. 2001. № 2. С. 32 – 34.

5. Кравченко Н. В. Инновационные медицинские технологии и реализация права на жизнь и здоровье (на примере вакцинации): гражданско-правовой аспект //

Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 255 – 262.

6. Кратенко М. В. Вред при медицинском вмешательстве: проблемы компенсации и предотвращения (сравнительно-правовое исследование): монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. 240 с.

7. Малеева М. Н. Человек и медицина в современном праве. М.: БЕК, 1995. 146 с.

8. Седова Н. П., Еремцова И. А. Деликтная ответственность за причинение вреда жизни и здоровью пациентов // Вестник магистратуры. 2022. № 12-6 (135). С. 92 – 95.

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НОТАРИУСА ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ИМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Каплунова Н. А., аспирант 3 курса Института права

Научный руководитель: Гончаров А. И. доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В рамках исследования раскрыты основания наступления гражданско-правовой ответственности нотариуса и определены виды правонарушений со стороны нотариуса с учетом примеров из нотариальной практики. Автором названы формы полной имущественной ответственности нотариуса, а также предложены юридические составы наступления гражданско-правовой ответственности нотариуса.

Ключевые слова: нотариус, нотариальная практика, правонарушение, противоправное поведение, гражданско-правовая ответственность, обеспечение доказательств нотариусом.

ON THE ISSUE OF THE NOTARY'S RESPONSIBILITY IN PROVIDING THEM WITH EVIDENCE

Kaplunova N. A., 3rd year graduate student of the Institute of Law

Supervisor: Goncharov A. I., Doctor of Sciences (Economics), Doctor of Sciences (Law), Professor
Volograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. Within the framework of the study, the grounds for the occurrence of civil liability of a notary are disclosed and the types of offenses on the part of a notary are determined, taking into account examples from notarial practice. The author names the forms of full property liability of a notary, and also suggests legal structures for the onset of civil liability of a notary.

Keywords: notary, notary practice, offense, illegal behavior, civil liability, provision of evidence by a notary.

Любое лицо обязано нести юридическую ответственность при совершении им правонарушения. Не исключение в этом смысле и нотариусы. В зависимости от характера и степени тяжести правонарушения нотариус может нести гражданско-правовую, дисциплинарную, административную и уголовную ответственности. Предметом нашего внимания выступает гражданско-правовая ответственность нотариуса.

Профессором В. В. Ярковым выделен ряд признаков гражданско-правовой ответственности такого специального и особого субъекта, а именно:

- наступает такая ответственность в рамках публично-правовой деятельности нотариуса. Более того, он взаимодействует с другими органами и учреждениями, которые юридически ему не подконтрольны, но на правовых действиях и документах которых может быть (или должно быть) основано нотариальное действие;

- это всегда виновная ответственность, вытекающая из нарушения нотариусом правил нотариального производства. Факт нарушения со стороны нотариуса должен быть доказан и установлен в судебном порядке;

- нотариус возмещает реальный ущерб, но не упущенную выгоду и (или) понесенный моральный вред [6, с. 55].

Современную нотариальную практику невозможно представить без электронного документа, поэтому вопросы гражданско-правовой ответственности нотариуса мы попытаемся рассмотреть на основе такого документооборота. Нотариусы активно создают электронные документы в рамках совершения нотариальных действий, в том числе удостоверяют сделки в дистанционном формате, передают заявления юридических и физических лиц, подписанные квалифицированными электронными подписями соответствующих лиц, обеспечивают доказа-

тельства в виде осмотра информации, находящейся в сети Интернет и т. д.

В содержание Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденных Постановлением Верховного Совета РФ от 11.02.1993 № 4462-1 (далее – Основы), была введена дефиниция нотариального документа, более того был фактически поставлен знак равенства между классическим письменным нотариальным документом и нотариальным документом в электронном формате.

Электронные документы создаются в соответствии с установленными законом требованиями, имеют надлежащие реквизиты и подписываются усиленной квалифицированной электронной подписью нотариуса, содержат метку доверенного времени, в необходимых случаях нотариусом устанавливается личность и волеизъявление обратившегося лица. Все нотариальные документы в электронном формате являются электронными доказательствами и обладают свойствами идентификации и аутентификации, несут в себе признаки достоверности, допустимости и достаточности.

Согласно ст. 102 Основ нотариус обеспечивает доказательства в случаях предположительного возникновения дела в суде или административных органах. Основанием совершения нотариального действия по обеспечению доказательств является письменное заявление заинтересованного лица. Условием такого обеспечения доказательств нотариусом является обстоятельство, связанное с предположением о том, что представление таких доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным. К действиям по обеспечению доказательств нотариусом, в том числе, относится осмотр письменных и вещественных доказательств.

Под понятие осмотра письменных доказательств законодатель подводит и осмотр нотариусом информации, находящейся в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Такое нотариальное действие, согласно ст. 103 Основ, может быть осуществлено нотариусом в дистанционном формате. К процессуальным действиям, выполняемым нотариусом при обеспечении доказательств, относится его обязанность известить о времени и месте совершения нотариального действия стороны и заинтересованных лиц. При этом обеспечение доказательств может быть произведено в случаях, не терпящих отлагательства, или ситуации невозможности идентификации сторон будущего спора без извещения соответствующих лиц. Нотариус при осмотре письменных доказательств не вправе давать им какую-либо субъективную оценку, в том числе не вправе выражать суждения о законности визуализируемой информации. Задача нотариуса – подготовить для заявителя надлежащий нотариальный документ в виде протокола. Он может быть оформлен как на бумажном носителе (в случае личной явки), так и в электронном виде (в случае обращения в дистанционном формате). В нем подробно излагаются результаты осмотра с изготовлением необходимых приложений, в том числе распечатки скрин-шотов страниц сайта, страниц текста переписки, содержащейся в мобильном или компьютерном устройстве, с приложением флеш-носителя с заслушанной аудио или просмотренной видеозаписью. В некоторых случаях информация, содержащаяся в протоколах, существенно повышает эффективность познания уполномоченного органа; в приложении может содержаться основная доказательственная информация, а также информация, имеющая самостоятельное доказательственное значение [3, с. 43].

Обеспеченные нотариусом электронные (цифровые) доказательства можно рассматривать в широком и узком смыслах и классифицировать их в две группы: во-первых, нотариальные документы в электронном формате; во-вторых, электронные (цифровые) доказательства, обеспеченные нотариусом (судебные доказательства). Первые из них обладают потенциальной доказательственной силой, а вторые непосредственно предъявляются в судебные органы. Вторую группу образуют доказательства в форме осмотра и фиксации нотариусом информации, содержащейся: (1) в сети Интернет (сайты, страницы сайтов, файлы, размещенные в сети Интернет в социальных сетях); (2) в переписке, в том числе в деловой, на электронной почте; в СМС и ММС сообщениях; содержащейся в мессенджерах WhatsApp, Telegram, Viber, Skype и др.; (3) на электронных носителях информации (CD, DVD, USB-флеш-накопитель и т. п.). Во всех трех указанных случаях составной частью осмотра информации может выступать проведение осмотра аудио- и видеозаписей. Осмотр электронных носителей информации есть одновременно осмотр вещественных и письменных доказательств [2, с. 66].

Электронные (цифровые) доказательства, обеспеченные нотариусом, (судебные доказательства) – подтверждения, полученные непосредственно нотариусом и зафиксированные им в протоколе, содержащие сведения о фактах в электронном формате, представление которых впоследствии может стать невозможным или затруднительным.

Вследствие изложенного, нотариусом могут быть допущены определенные ошибки и нарушения в

рассматриваемой сфере, которые можно сгруппировать. Так, диспозиция ст. 17 Основ выделяет следующие виды возможных правонарушений со стороны нотариуса: (1) совершение нотариального действия с нарушением закона; (2) неправомерный отказ в совершении нотариального действия; (3) разглашение сведений о совершенных нотариальных действиях; (4) действия двух и более нотариусов, приведшие к признанию сделки недействительной, в случаях удостоверения таковой двумя и более нотариусами; (5) нарушения, предусмотренные Кодексом профессиональной этики нотариусов в РФ; (6) нарушения требований к хранению нотариальных документов, установленных правилами нотариального делопроизводства.

Таким, образом, правонарушения нотариуса могут выражаться в виде действий или бездействия. Они могут иметь место в нотариальной практике и при выдаче нотариусом документов в электронном формате, а также при совершении такого нотариального действия, как обеспечение доказательств, в том числе электронных, для судебных органов.

Совершением правонарушения при выдаче нотариального документа в электронном формате являются действия нотариуса, выразившиеся в ненадлежащем установлении им личности заявителя – гражданина, а также в ненадлежащей проверке дееспособности такого лица. При обеспечении электронных доказательств возможны такие нарушения правил нотариального производства, как: некорректно произведенный осмотр информации (например, нотариусом осмотрены бумажные распечатки скрин-шотов страниц сайта, вместо визуализации страниц самого сайта); осмотр произведен без использования лицензионного программного обеспечения; без оповещения или ненадлежащего извещения заинтересованных лиц; осмотр произведен без разъяснения содержания правовых норм в необходимых случаях; техническое нарушение, такое как отсутствие печати или подписи нотариуса на протоколе осмотра доказательств.

Отказ нотариуса произвести осмотр информации в сети Интернет может быть официальным и неформальным. В первом случае речь идет о мотивированном письменном отказе в совершении нотариального действия, оформленном в виде официального постановления. Неофициальный или неформальный отказ – это ситуации, когда нотариусы отказываются от исполнения того или иного действия в силу технических сложностей (например, отсутствие необходимого дисководов на компьютерном оборудовании, что делает невозможным осмотреть информацию, содержащуюся на CD или DVD-дисках и т. п.). Одной из подобных причин может служить и несовершенство законодательных регламентаций.

Разглашение сведений о совершенных нотариальных действиях прямо связано с обязанностью нотариуса соблюдать нотариальную тайну. Эта обязанность нотариуса лежит в основе нотариальной деятельности и является ее гарантией. В ст. 17 Основ установлена ответственность нотариуса за разглашение сведений, ставших ему известными при совершении нотариальных действий. Протокол осмотра доказательств нотариусом, может содержать персональные данные не только заявителя, но и иного лица. Полагаем, что в таких случаях нотариус обязан разъяснить заявителю положения законодательства о персональных данных, о чем должна быть сделана отметка в самом протоколе. Если эти требования

будут выполнены, то ответственность за разглашение персональных данных не может быть возложена на нотариуса.

Дистанционный формат сделок с участием двух и более нотариусов в силу ч. 5 ст. 17 Основ предполагает их солидарную ответственность за виновно причиненный ими вред вследствие признания сделки недействительной. Эта правовая норма указывает на распределение ответственности между нотариусами – участниками дистанционных сделок. Полагаем, что документ в электронном формате, являющийся результатом действий двух или более нотариусов, представляет собой электронное (цифровое) доказательство, опровергнуть которое практически невозможно, если действия самих нотариусов не носят преступный характер, либо не произошло такое техническое вмешательство извне в рамках нотариальной процедуры, которое привело к фальсификации нотариального документа [5, с. 56].

Нарушение требований к хранению нотариальных документов может выразиться как в элементарной небрежности, так и в действиях, приведших к нарушению правил нотариального делопроизводства. При хранении протоколов осмотра информации, размещенной в сети Интернет или на электронном носителе, нотариус обязан контролировать несанкционированный доступ к такой информации, так как она может содержать персональные данные, корпоративную тайну и т. п.

В п. 5 ст. 61 Гражданского процессуального кодекса РФ установлено, что обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия, не требуют доказывания, если подлинность нотариально оформленного документа не опровергнута в качестве подложного (фальсифицированного), или не установлено существенное нарушение порядка совершения нотариального действия. Аналогичная норма содержится в ч. 5 ст. 69 Арбитражного процессуального кодекса РФ. Это значит, что обстоятельства, установленные нотариусом в нотариальных актах, имеют преюдициальное значение. Полагаем, что основаниями гражданско-правовой ответственности нотариуса в рассматриваемом случае может являться правонарушение, в основе которого будет лежать юридический факт подложности нотариального документа или юридический факт существенного нарушения порядка совершения нотариального действия. Такие факты должны быть доказаны и установлены судом.

Проблема существенного нарушения порядка совершения нотариального действия достаточно актуальна. В этой связи возникают вопросы о том, каковы критерии существенного нарушения такой процедуры и закреплена ли она в нормах права. В чем будет заключаться существенное нарушение обеспечения нотариусом доказательств, если правовая регламентация процедуры совершения конкретного нотариального действия отсутствует, кроме нормативного указания на обязанность нотариуса соблюдать гражданско-процессуальные нормы? Очевидно, что такое указание не охватывает собой всех вопросов, возникающих в нотариальной практике [7, с. 133].

Формами имущественной ответственности нотариуса являются возмещение: а) имущественного вреда, причиненного по вине нотариуса имуществу гражданина или юридического лица, причем это должен быть реальный ущерб; б) вреда, причиненного по вине работников

нотариуса или лица, временно исполняющего обязанности нотариуса.

В соответствии с п. 2 ст. 15 Гражданского кодекса РФ реальный ущерб – это расходы, произведенные или которые должны быть произведены для восстановления нарушенного права, а также утрата или повреждение имущества. Согласно п. п. 13 – 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ» содержание реального ущерба было растолковано более детально, и под ним следует понимать:

- фактическую утрату или повреждение имущества, а также лишение права владения, пользования и распоряжения им;

- урон вследствие уменьшения стоимости имущества по сравнению с его стоимостью до причинения вреда;

- расходы, в том числе на новые материалы, использованные лицом для устранения повреждений принадлежащего ему имущества.

Таким образом, виновно совершенное (допущенное) нотариусом правонарушение, которое было доказано и установлено судом, ведет к возложению на него гражданско-правовой ответственности. Такая ответственность является деликтной и основана на гражданско-правовых нормах [4, с. 76]. Ответственность нотариуса носит исключительно имущественный характер и является внедоговорной. Отсюда следует вывод о том, что на стороне нотариуса возникает обязательство из причинения вреда. По содержанию такое обязательство является односторонним, непередаваемым и охранительным. Гражданско-правовая ответственность нотариуса – это имущественная ответственность, регламентированная системой гражданско-правовых норм, устанавливающих порядок исполнения нотариусом обязательств из причинения вреда, наступившего вследствие противоправного поведения нотариуса при совершении нотариальных действий [1, с. 31].

Резюмируя изложенное выше, при квалификации совершенных нотариусами деликтов мы предлагаем квалифицировать их неправомерные действия на четыре юридических состава: (1) нарушение порядка совершения нотариального действия, за которое правонарушитель должен нести полную имущественную ответственность в виде возмещения вреда физическому или юридическому лицу; (2) неправомерный отказ в совершении нотариального действия; при доказанности виновности в совершении подобного действия (бездействия) нотариус будет обязан возместить (компенсировать) реальный ущерб; (3) разглашение сведений о нотариальном действии, при совершении которого правонарушитель также должен компенсировать реальный ущерб; (4) совершение, указанных выше нарушений со стороны работников, осуществляющих свою трудовую деятельность у нотариуса, или лицом, временно исполняющим обязанности нотариуса. В этих случаях деликтная ответственность наступает у нотариуса, но вместе с тем у него появляется право предъявить регрессный иск к указанным лицам.

Библиографический список

1. Агибалова Е. Н. Деликтные обязательства: учебное пособие / Е. Н. Агибалова; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская

академия народного хозяйства и государственной службы». Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. 112 с.

2. Бегичев А. В. Совершение нотариусом действий по обеспечению доказательств: учебное пособие и практикум. М.: Инфотропик Медиа, 2021. 137 с.

3. Васильев Ф. П. Теория доказательств. Понятие и сущность доказательств в административном процессе // Вестник Чувашского университета. 2007. № 1. С. 41 – 52.

4. Золотарев А. П. О некоторых особенностях деликтной ответственности в гражданском праве России // Право и государство: теория и практика. 2017. № 12 (156). С. 74 – 80.

5. Иловайский И. Б., Щепетнова Д. С. Дистанционный нотариат и удостоверение сделок двумя и более

нотариусами: отдельные неоднозначные вопросы // Реформирование правовой модели договорных и внедоговорных обязательств в эпоху создания национальной цифровой экосистемы. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Сост. А. В. Тумаков. М: Издательство: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2021. С. 55 – 59.

6. Нотариальное право: учебник / под ред. проф. В. В. Яркова. 2-е изд. испр. и доп. М.: Статут, 2017. 268 с.

7. Нотариат: учебник и практикум для вузов / А. О. Иншакова [и др.]; под редакцией А. О. Иншаковой, А. Я. Рыженкова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024. 468 с.

СООТНОШЕНИЕ ОБЩИХ ПРАВИЛ ДЕЛИКТНОГО ПРАВА И СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В БАНКРОТСТВЕ

Кашлева О. В., магистрант 2 курса юридического факультета
Научный руководитель: Агибалова Е. Н., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассмотрено соотношение общих правил деликтного права и субсидиарной ответственности в банкротстве.

Ключевые слова: деликтное право, субсидиарная ответственность, несостоятельность (банкротство), контролирующее должника лицо.

THE RATIO OF THE GENERAL RULES OF TORT LAW AND SUBSIDIARY LIABILITY IN BANKRUPTCY

Kashleva O. V., 2nd year master student of the Law Faculty
Supervisor: Agibalova E. N., Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
Volograd Institute of Management, branch of RANEP, Volgograd, Russia

Abstract. The article considers the relationship between the general rules of tort law and subsidiary liability in bankruptcy.

Keywords: tort law, subsidiary liability, insolvency (bankruptcy), controlling person of the debtor.

В силу положений п. 1 ст. 8 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в результате причинения вреда какому-либо лицу возникает обязательство по его возмещению.

Причиненный вред подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред, или иным лицом, на которого возложена возмещения вреда возложена законом, то есть законом возложена возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда (п. 1 ст. 1064 ГК РФ).

Обязательства, возникшие не по волеизъявлению сторон на основании договора, а в результате причинения вреда, являются следствием правонарушения, которое никакими договорами не обусловлено. Указанные обязательства, возникшие в результате совершения правонарушений и причинения вреда, называются внедоговорными деликтными. Деликтными такие обязательства названы от латинского термина «delictum» – проступок, правонарушение [2, с. 5].

Деликтные обязательства, восстанавливая имущественное положение потерпевшего, выполняют все функции гражданско-правовой ответственности и прежде всего – восстановительную (компенсационную) [7, с. 17 – 19].

Субъектами деликтного обязательства являются: 1) лицо, которому причинен вред (кредитор) и 2) лицо, совершившее действия, причинившие вред, или обязанное его возместить (должник).

По общему правилу, и кредитором, и должником в обязательстве могут быть как граждане, так и юридические лица [2, с. 6].

Объектом обязательства вследствие причинения вреда являются только положительные действия, направленные на полное возмещение вреда [2, с. 7].

Таким образом, под деликтным обязательством понимают такое обязательство, при котором на одного субъекта возлагается обязанность по возмещению причиненного вреда (ущерба), а другой субъект, именуемый потерпевшим, уполномочен предъявить требование о

возмещении обязанным субъектом причиненного ему вреда.

Деликтные обязательства, являясь одним из старейших видов обязательств в цивилистике, вместе с тем относятся и к числу наиболее сложных, что можно объяснить тем, что они обладают многочисленными особенностями в правовом регулировании по сравнению с договорными обязательствами, а также тем, что уяснение этих особенностей невозможно без анализа общетеоретических проблем, связанных с определением таких понятий, как правонарушение, ответственность, правомерность, противоправность [7, с. 3].

Субсидиарная (дополнительная) ответственность в гражданском праве имеет место тогда, когда по обязательству отвечает другое лицо (физическое или юридическое) вместе с должником или вместо него. Кредитор должен предъявить требование к основному должнику до предъявления требований к лицу, которое в соответствии с законом, иными правовыми актами или условиями обязательства несет ответственность дополнительно к ответственности другого лица, являющегося основным должником. И только если основной должник отказался удовлетворить требование кредитора или кредитор не получил от него в разумный срок ответ на предъявленное требование, это требование может быть предъявлено лицу, несущему субсидиарную ответственность (п. 1 ст. 399 ГК РФ).

Данный вид ответственности может быть представлен в разных видах обязательств, возникших в результате различных взаимоотношений. Так, например:

– за несовершеннолетних детей субсидиарную ответственность несут родители, усыновители, попечители, а также организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (ст. 1073 ГК РФ);

– данный вид ответственности предусмотрен в кредитных договорах (ст. 363 ГК РФ), при доверительном управлении имуществом (ст. 1022 ГК РФ), в договорах страхования (ст. 1072 ГК РФ);

– лицо, передавшее обремененное рентой недвижимое имущество в собственность другого лица, несет субсидиарную с ним ответственность по требованиям получателя ренты, возникшим в связи с нарушением договора ренты (п. 2 ст. 586 ГК РФ);

– по договорам коммерческой концессии пользователь несет субсидиарную ответственность за вред, причиненный правообладателю действиями вторичных пользователей (п. 4 ст. 1029 ГК РФ), а правообладатель несет такую же ответственность по предъявляемым к пользователю требованиям о несоответствии качества товаров (работ, услуг), продаваемых (выполняемых, оказываемых) пользователем (ч. 1 ст. 1034 ГК);

– участники юридического лица несут субсидиарную ответственность по его долгам и обязательствам (п. 2 ст. 56, п. 2 ст. 68, п. 1 ст. 75 ГК РФ);

– если полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица, такое лицо несет субсидиарную ответственность по обязательствам должника (ст. 61.11 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве));

– если уполномоченные лица не обратились в суд с заявлением о банкротстве юридического лица в установленные сроки, это влечет за собой их субсидиарную ответственность (ст. 61.12 Закона о банкротстве).

Из приведенного перечня примеров видно, что по характеру взаимоотношений с должником субсидиарная ответственность может быть как договорным, так и внедоговорным обязательством, в связи с чем возникают сложности в определении ее соотношения с деликтным правом.

Наиболее распространенным случаем использования конструкции субсидиарной ответственности является привлечение дополнительных должников (учредителей, участников) по обязательствам юридического лица [1, с. 7; 3, с. 8; 4, с. 44; 5, с. 15; 6, с. 200]. Так, привлечение к субсидиарной ответственности широко применяется для взыскания задолженности с контролирующих должника лиц. Судебные акты по таким делам несут важную правотворческую функцию [4; 5; 6].

В п. 1 ст. 61.10 Закона о банкротстве сформулировано понятие контролирующего должника лица, под которым понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий.

Процесс банкротства начинается с подачи в арбитражный суд заявления о признании должника банкротом, которое может подать как сам должник, так и конкурсный кредитор, уполномоченные органы, а также работник, бывший работник должника, имеющие требования о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда.

В соответствии с общими принципами привлечения контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве, отраженными в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирую-

щих должника лиц к ответственности при банкротстве», привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов.

При привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в части, не противоречащей специальным положениям Закона о банкротстве, подлежат применению общие положения глав 25 и 59 ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств и об обязательствах вследствие причинения вреда.

Верховный Суд в определениях от 06.08.2018 № 308-ЭС17-6757, от 30.09.2019 № 305-ЭС19-10079 указал, что субсидиарная ответственность по своей правовой природе является разновидностью гражданско-правовой ответственности.

Можно усмотреть признаки деликтных обязательств в субсидиарной ответственности, которую можно считать частным случаем гражданско-правовой ответственности за деликт.

О правовой природе субсидиарной ответственности, основанной на правиле п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, как ответственности за деликт, Конституционный Суд РФ высказался в постановлении от 21.05.2021 № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданки Г. В. Карпуку».

Конституционный Суд в постановлении от 07.02.2023 № 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданина И. И. Покуля» отметил, что обязанность возместить причиненный вред является преимущественно мерой гражданско-правовой ответственности. При реализации субсидиарной ответственности контролирующих организацию лиц, являющейся по своей природе деликтной, не отменяется и действие общих оснований гражданско-правовой ответственности.

Таким образом, субсидиарная ответственность по Закону о банкротстве является разновидностью деликтной гражданско-правовой ответственности, которая наступает в связи с причинением вреда имущественным правам кредиторов.

Вместе с тем в гражданском праве внедоговорные обязательства подразделяются на 1) обязательства вследствие причинения вреда (деликтные) (гл. 59 ГК РФ) и 2) обязательства вследствие неосновательного обогащения (кондикционные) (гл. 60 ГК РФ).

Анализ судебной практики показывает, что погашение долга при субсидиарной ответственности может быть произведено за счет имущества, формально оформленного на родственников лица, привлекаемого к указанной ответственности, если будет доказано отсутствие у них собственных средств для покупки этого имущества и его приобретение за счет, например, неплатежеспособной организации. При предъявлении требований о возврате неосновательно приобретенного или сбереженного имущества в судебном порядке сделка может быть признана недействительной, после чего применяется реституция – обязанность каждой стороны вернуть другой все полученное. Данная форма ответственности родственников лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, является внедоговорной, но вряд ли деликтной.

Таким образом, если рассматривать субсидиарную ответственность контролирующего должника лица как обязательство вследствие неосновательного обогащения, то данная ответственность не относится к деликтному обязательству и не регулируется нормами деликтного права.

В тоже время факт причинения вреда при привлечении к субсидиарной ответственности определенно имеется.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод, что и деликтные обязательства, и субсидиарная ответственность:

- наступают в случае причинения вреда;
- имеют целью восстановление нарушенных прав кредиторов;
- предполагают, что причиненный вред подлежит возмещению лицом, на которого обязанность возмещения вреда возложена законом. Например, теми же родственниками лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, на которых формально оформлено имущество.

Что касается оснований возникновения деликтной и субсидиарной ответственности, то, как уже отмечалось, Конституционный Суд указал, что при реализации являющейся по своей природе деликтной субсидиарной ответственности контролирующую организацию лиц не отменяется действие общих оснований гражданско-правовой ответственности (постановление Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 № 6-П).

В тоже время положения п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве содержат дополнительные основания для привлечения к субсидиарной ответственности, такие как:

- документы бухгалтерского учета и (или) отчетности, обязанность по ведению (составлению) и хранению которых установлена законодательством Российской Федерации, к моменту вынесения определения о введении наблюдения (либо ко дню назначения временной администрации финансовой организации) или принятия решения о признании должника банкротом отсутствуют или не содержат информацию об объектах, предусмотренных законодательством Российской Федерации, формирование которой является обязательным в соответствии с законодательством Российской Федерации, либо указанная информация искажена, в результате чего существенно затруднено проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, в том числе формирование и реализация конкурсной массы;
- требования кредиторов третьей очереди по основной сумме задолженности, возникшие вследствие правонарушения, за совершение которого вступило в силу решение о привлечении должника или его должностных лиц, являющихся либо являвшихся его единоличными исполнительными органами, к уголовной, административной ответственности или ответственности за налоговые правонарушения, в том числе требования об уплате задолженности, выявленной в результате производства по делам о таких правонарушениях, превышают пятьдесят процентов общего размера требований кредиторов третьей очереди по основной сумме задолженности, включенных в реестр требований кредиторов;
- документы, хранение которых являлось обязательным в соответствии с законодательством Российской Федерации об акционерных обществах, о рынке

ценных бумаг, об инвестиционных фондах, об обществах с ограниченной ответственностью, о государственных и муниципальных унитарных предприятиях и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами, к моменту вынесения определения о введении наблюдения (либо ко дню назначения временной администрации финансовой организации) или принятия решения о признании должника банкротом отсутствуют либо искажены;

– на дату возбуждения дела о банкротстве не внесены подлежащие обязательному внесению в соответствии с федеральным законом сведения либо внесены недостоверные сведения о юридическом лице (а) в единый государственный реестр юридических лиц, (б) в Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц.

Интересна позиция Верховного Суда относительно вопроса о конкуренции двух видов требований: о привлечении к субсидиарной ответственности и о возмещении ущерба, причиненного преступлением. Как указал Верховный Суд, для решения вопроса о том, являются ли названные иски тождественными, в первую очередь, необходимо определить их правовую природу. Особенность требования о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности заключается в том, что оно по сути опосредует типизированный иск о возмещении причиненного вреда, возникшего у кредиторов в связи с доведением основного должника до банкротства. Выделение названного иска ввиду его специального применения и распространенности позволяет стандартизировать и упростить процесс доказывания (в том числе посредством введения презумпций вины ответчика – п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве). Особенностью данного иска по сравнению с рядовым иском о возмещении убытков выступает также и порядок определения размера ответственности виновного лица (п. 11 ст. 61.11 Закона о банкротстве), правила об исковой давности и т. д. Вместе с тем в институте субсидиарной ответственности остается неизменной генеральная идея о том, что конечная цель предъявления соответствующего требования заключается в необходимости возместить вред, причиненный кредиторам. Данная характеристика подобного иска является сущностной, что сближает его со всеми иными исками, заявляемыми на основании положений ст. 1064 ГК РФ (определение Верховного Суда РФ от 03.07.2020 № 305-ЭС19-17007(2)).

Таким образом, деликтные обязательства, как и субсидиарная ответственность, непосредственно связаны с действиями, в результате которых нанесен вред (ущерб) потерпевшему. Несомненно, что субсидиарная ответственность является результатом противоправных действий, по своей сути – возмещением причиненного вреда, возникшего у кредиторов в связи с доведением должника до банкротства. Даже учитывая различные формы взаимоотношений должника с контролирующими его лицами, субсидиарная ответственность в банкротстве является разновидностью деликтной гражданско-правовой ответственности, которая наступает в связи с причинением вреда имущественным правам кредиторов, что имеет определяющее значение при квалификации ее как части деликтного права – частного случая гражданско-правовой ответственности за деликт.

Библиографический список

1. Агибалова Е. Н. Возможно ли банкротство без субсидиарной ответственности и имеет ли место субсидиарная ответственность вне рамок банкротного судопроизводства? // Первая полоса. 2023. № 2 (151). С. 7 – 14.

2. Агибалова Е. Н. Деликтные обязательства: учебное пособие / Е. Н. Агибалова; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. 112 с.

3. Агибалова Е. Н. К вопросу о субсидиарной ответственности вне рамок банкротного судопроизводства // Пятые цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной: сборник статей чтений, Минск, 16 марта 2023 года / под редакцией М. Н. Шимкович, Т. М. Халецкой. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2023. С. 8 – 11.

4. Агибалова Е. Н. К вопросу о субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве // Судья. 2023. № 7. С. 43 – 48.

5. Агибалова Е. Н. О субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве // Феномен права и законодательство: стратегии и методы познания. 2023. Т. 2. № 2. С. 13 – 18.

6. Агибалова Е. Н. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц по обязательствам юридического лица: направления развития судебной практики // Университетские правовые диалоги: материалы Международной научно-практической конференции, 30 – 31 марта 2023 г. / под ред. Е. В. Титовой. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2023. Ч. I. С. 199 – 203.

7. Шевченко А. С., Шевченко Г. Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве: учебное пособие. М.: Статут, 2013. 133 с.

КОНКУРЕНЦИЯ ИСКА О ВЗЫСКАНИИ ДОГОВОРНЫХ УБЫТКОВ И ИСКА О ПРИВЛЕЧЕНИИ К ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Максимчук С. И., студент 4 курса юридического факультета
Научный руководитель: Агибалова Е. Н., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассмотрена проблема конкуренции исков о возыскании договорных убытков и о привлечении к деликтной ответственности. Она вызвана тем, что в некоторых ситуациях возникает вопрос о том, какой иск применить в конкретной ситуации, если одно и то же действие может быть квалифицировано и как нарушение договора, и как деликт. В работе выявлены критерии правильного выбора между исками.

Ключевые слова: конкуренция исков, деликтная ответственность, договорные убытки, возмещение вреда.

COMPETITION BETWEEN A CLAIM FOR THE RECOVERY OF CONTRACTUAL DAMAGES AND A CLAIM FOR TORT LIABILITY

Maksimchuk S. I., 4th year student of the Law Faculty
Supervisor: Agibalova E. N., Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
Volograd Institute of Management, branch of RANEP, Volgograd, Russia

Abstract. The article considers the problem of competition of claims for the recovery of contractual damages and for bringing to tort liability. It is caused by the fact that in some situations the question arises as to which claim to apply in a particular situation, if the same action can be qualified both as a violation of the contract and as a tort. The paper identifies the criteria for the correct choice between claims.

Keywords: competition of claims, tort liability, contractual damages, compensation for harm.

Проблема конкуренции между иском о возыскании договорных убытков и иском о привлечении к деликтной ответственности является актуальной в современном юридическом пространстве. Договорное и деликтное право имеют свои особенности и принципы, которые определяют порядок возмещения ущерба.

Иск о возыскании договорных убытков основывается на нарушении условий договора между сторонами и предполагает возмещение прямого ущерба, который был причинен нарушением договора.

Иск о привлечении к деликтной ответственности, в свою очередь, основывается на причинении вреда вне рамок заключенного договора. В этом случае возмещение ущерба происходит на основе принципа обоснованной компенсации вреда.

Однако в некоторых ситуациях возникает вопрос о том, какой иск применить в конкретной ситуации, если одно и то же действие может быть квалифицировано и как нарушение договора, и как деликт [2]. В таких случаях стороны могут столкнуться с конкуренцией исков, что может привести к различным результатам возыскания убытков. Поэтому важно внимательно анализировать обстоятельства конкретного случая и правильно выбрать вид иска, чтобы обеспечить наиболее эффективное и справедливое возмещение ущерба.

Рассмотрим подробнее законодательные положения, связанные с договорной ответственностью и иском о возыскании договорных убытков.

В соответствии со ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества, а также неполученные доходы, которые это

лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено.

В российском договорном праве основной целью возыскания убытков является приведение стороны договора в положение, которое бы у нее было при должном исполнении обязательств, принятых по договору другой стороной. При этом возысканию подлежат не только реально причиненный ущерб, но и упущенная выгода. Таким образом, в законодательстве закреплён принцип полного возмещения убытков, предполагающий, что в результате возмещения убытков кредитор должен быть поставлен в то положение, в котором он бы находился, если бы его права не были нарушены, а обязательство было бы исполнено надлежащим образом (ст. 393 ГК РФ).

Вышеназванный принцип нашел свое отражение и в международных актах. Так, в соответствии со ст. 7.4.2. Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА потерпевшая сторона имеет право на полную компенсацию ущерба, возникшего в результате неисполнения.

Отношения, связанные с возысканием причиненных стороне договора убытков, как правило, проходят стадию досудебного урегулирования посредством направления претензии о добровольном возмещении причиненных убытков. В случае, если итог досудебного урегулирования не удовлетворил интересы сторон и не разрешил спор, лицо может обратиться в суд с иском о возыскании убытков. Иск может быть подан в суд общей юрисдикции или в арбитражный суд в зависимости от существа спора.

Иск о возыскании договорных убытков – юридически оформленный документ, подаваемый в суд стороной договора в случае нарушения обязательств по выше-

названному договору другой стороной и причинением в связи с этим убытков.

Из определения следует, что существует два основания для предъявления иска о взыскании договорных убытков. Во-первых, одна из сторон должна нарушить условия заключенного договора. Во-вторых, нарушение должно повлечь причинение убытков для добросовестно действующего контрагента.

В п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» содержатся положения, конкретизирующие специфику взыскания убытков в рамках договорной ответственности. В частности, именно пострадавшая от неисполнения обязательства сторона должна доказывать факт причинения убытков и наличие причинно-следственной связи между неисполнением договора и причинением соответствующих убытков. В случае, если возникшие убытки являются обычным последствием нарушения обязательств, вытекающих из договора, кредитор освобождается от доказывания причинно-следственной связи. В указанных правоотношениях действует принцип презумпции вины должника. То есть предполагается, что лицо, причинившее убытки, является виновным до тех пор, пока им не доказано обратное (п. 2 ст. 401 ГК РФ).

Теперь рассмотрим основные положения о деликтной ответственности и иске о привлечении к ней.

Деликтная ответственность – вид гражданско-правовой ответственности, возникающей при причинении вреда личности или имуществу лица. В российском законодательстве и судебной практике, а также в юридической литературе понятия «обязательства вследствие причинения вреда», «деликтные обязательства», «ответственность за причинение вреда», «деликтная ответственность» обычно используют в качестве синонимов [1, с. 8].

Общими основаниями наступления деликтной ответственности являются наличие вреда (ущерба), противоправность действий (бездействия) его причинителя, наличие причинно-следственной связи между возникновением вреда и противоправными действиями (бездействием), вина причинителя вреда.

Размер деликтной ответственности определяется в соответствии с принципом полного возмещения вреда, закрепленным в гражданском законодательстве. Более того, законом может быть предусмотрена обязанность причинителя вреда выплатить компенсацию сверх возмещения вреда (ст. 1064 ГК РФ).

Вред может быть возмещен в натуре, путем предоставления тождественной по полезным свойствам вещи или ремонта испорченной вещи, или посредством возмещения причиненных убытков (ст. 1082 ГК РФ).

Иск о привлечении к деликтной ответственности предъявляется в случаях, когда вред причинен не в результате нарушения договорных обязательств, а в результате противоправных действий или бездействия лица.

В п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указано, что по делам о возмещении убытков истец обязан доказать, что ответчик является лицом, в результате действий (бездействия) которого возник ущерб, а также факты причинения вреда,

наличие убытков (п. 2 ст. 15 ГК РФ). По общему правилу лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине (п. 2 ст. 1064 ГК РФ). Бремя доказывания своей невиновности лежит на лице, причинившем вред. Вина в причинении вреда предполагается, пока не доказано обратное. Если лицо несет ответственность за нарушение обязательства или за причинение вреда независимо от вины, то на него возлагается бремя доказывания обстоятельств, являющихся основанием для освобождения от такой ответственности (например, п. 1 ст. 1079 ГК РФ).

Таким образом, в российском законодательстве проводятся различия между возмещением убытков, причиненных нарушением условий договора контрагентом, и взысканием ущерба (вреда), причиненного противоправными действиями (бездействием) другого лица.

Иск о взыскании договорных убытков и иск о привлечении к деликтной ответственности – два различных режима ответственности, которые возникают в случае нарушения договорных обязательств или правил, установленных законодательством.

Иск о взыскании договорных убытков предполагает, что сторона, нарушившая договор, обязана будет возместить другой стороне убытки, которые та понесла в результате этого нарушения. Такой иск основывается на ненадлежащем исполнении или неисполнении обязательств, прописанных в договоре между сторонами. В случае нарушения таких обязательств, потерпевший имеет право потребовать взыскания убытков, причиненных нарушением договора. Такая ответственность возникает в рамках исполнения договора и определяется условиями и сроками, установленными в нем.

Право на иск о привлечении к деликтной ответственности возникает в случаях причинения вреда при отсутствии заключенного договора между сторонами. Деликтная ответственность определяется законом и возникает в случаях неправомерного поведения или причинения вреда (ущерба) другому лицу. Такое поведение может выражаться в нарушении правил безопасности, злом поведении или иных действиях, которые причинили вред (ущерб) другой стороне. Деликтная ответственность основывается на общих принципах права и не зависит от договорных обязательств [4, с. 134].

Основное различие между иском о взыскании договорных убытков и иском о привлечении к деликтной ответственности заключается в источнике возникновения обязательств и их основе. В первом случае обязательства возникают из договорных отношений между сторонами, а во втором – из действий или бездействия, приведших к причинению вреда (ущерба).

Предлагаем выделить следующие критерии, которые следует учитывать при выборе между иском о взыскании договорных убытков и иском о привлечении к деликтной ответственности на практике.

1. Определение источника обязательства: если обязательство возникло на основании договора, то иск о взыскании договорных убытков будет более эффективным способом защиты нарушенных прав.

2. Совместное причинение вреда: по общему правилу при причинении вреда противоправными действиями нескольких лиц наступает солидарная ответственность, а при причинении убытков вследствие нарушения несколькими лицами условий договора законодательством предусмотрено наступление долевой ответственности.

3. Основания освобождения от ответственности: основанием освобождения от деликтной ответственности является умысел потерпевшего лица; в случае договорной ответственности нет такого условия освобождения от ответственности.

4. Уменьшение размера возмещения: размер убытков, причиненных неисполнением договора, может быть уменьшен судом при наличии вины кредитора, способствующей увеличению причиненных убытков; при деликтной ответственности только грубая неосторожность потерпевшего, способствующая возникновению или увеличению вреда, может служить основанием для уменьшения размера подлежащего возмещения.

5. Сроки исковой давности: необходимо учитывать, что общий срок для обращения с иском о привлечении к деликтной ответственности составляет три года, а для иска о взыскании договорных убытков может быть предусмотрен сокращенный срок предъявления.

Вместе с тем деликтный иск можно подать также и в случае, если он связан с определенными обязательствами по договору. Так, возможно квалифицировать требование как деликтное, если оно связано с нарушением второстепенных договорных обязательств, не оказывающих существенное влияние на предоставление определенного блага стороне соглашения [3, с. 169]. Если нарушается основополагающее договорное обязательство, то и вытекающее требование квалифицируется правоприменителем как договорное.

Н. В. Тололаева считает возможным решить проблему конкуренции через институт солидаритета обязательств. Его суть заключается в том, что пассивные солидарные обязательства понимаются как обязательства, обладающие общим эффектом исполнения. По мнению Н. В. Тололаевой, указанный институт способен преодолеть конкуренцию, возникающую по отношению

нескольких требований кредитора к разным должникам в ситуации, когда последние должны удовлетворить один и тот же экономический интерес кредитора в полном объеме [5, с. 102 – 106].

В завершение отметим, что решение, связанное с выбором между иском о взыскании договорных убытков и иском о привлечении к деликтной ответственности, должно основываться на конкретных обстоятельствах дела и учитывать цель, которую сторона стремится достичь.

Библиографический список

1. Агibalова Е. Н. Деликтные обязательства: учебное пособие / Е. Н. Агibalова; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. 112 с.
2. Будылин С. Л. Деликт или нарушение договора? Заверения и гарантии в России и за рубежом // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 3. С. 96 – 133.
3. Гуна А. Н. Координация требований к должникам из разных оснований. Преодолевая догму // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 7. С. 165 – 190.
4. Драгунова Т. В. Конкуренция договорных и деликтных требований в сфере предпринимательских отношений // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 12. С. 91 – 161.
5. Тололаева Н. В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция: монография. Москва: Статут, 2020. 144 с.

КОНКУРЕНЦИЯ МЕЖДУ ВОЗМЕЩЕНИЕМ ВРЕДА И КОМПЕНСАЦИЕЙ ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ

Наумов М. А., аспирант 3 курса юридического факультета
Научный руководитель: Дерюгина Т. В., доктор юридических наук, профессор
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В настоящем исследовании проводится сравнительно-правовая характеристика таких способов защиты исключительных прав как возмещение ущерба и взыскание компенсации за нарушение исключительных прав на произведение. Автор приходит к выводу о том, что при неизбежной конкуренции между такими способами защиты взыскание компенсации за нарушение исключительных прав обеспечивает лучшие перспективы для достижения наиболее благоприятного исхода дела.

Ключевые слова: возмещение вреда, компенсация за нарушение исключительных прав, исключительные права, защита исключительных прав, конкуренция способов защиты, конкуренция норм.

COMPETITION BETWEEN DAMAGES AND COMPENSATION FOR VIOLATION OF EXCLUSIVE RIGHTS

Naumov M. A., 3rd year graduate student of the Law Faculty
Supervisor: Deryugina T. V., Doctor of Sciences (Law), Professor
Volograd Institute of Management, branch of RANEP, Volgograd, Russia

Abstract. This study provides a comparative legal description of such methods of protecting exclusive rights as compensation for damage and recovery of compensation for violation of exclusive rights to a work. The author concludes that with the inevitable competition between such methods of protection, the recovery of compensation for violation of exclusive rights provides the best prospects for achieving the most favorable outcome of the case.

Keywords: compensation for harm, compensation for violation of exclusive rights, exclusive rights, protection of exclusive rights, competition of methods of protection, competition of legal rules.

Порядок и его отдельные элементы привлечения к гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав автора или правообладателя закреплены в ст. ст. 1250, 1252, 1253 и 1301 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Особенность осуществления такого рода действий заключается в том, что они обладают альтернативным характером, поскольку лицо, чье право нарушено, может по своему усмотрению выбрать подходящий способ защиты своих прав. В научной литературе отмечается, что «правообладатель может прибегнуть только к одному из исследуемых способов защиты исключительного права» [2, с. 179]. Согласно п. 3 ст. 1252 ГК РФ для отдельных видов результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации при нарушении исключительного права правообладатель вправе вместо возмещения убытков требовать от нарушителя выплаты компенсации за нарушение указанного права.

В указанных выше нормах предусмотрено два способа защиты исключительных прав: взыскание убытков и компенсация за нарушение авторских прав. Как отмечает Б. А. Булаевский, «компенсация за нарушение исключительных прав и возмещение убытков представляют собой два обособленных способа защиты исключительных прав» [1, с. 38].

Исходя из анализа порядка привлечения к ответственности и процессуальных аспектов доказывания, следует, что взыскание убытков, причиненных нарушением исключительных прав, представляется для истцов менее рациональным способом защиты своих прав, чем взыскание компенсации. Это обуславливается тем, что в делах о взыскании компенсации за нарушение авторских

прав бремя доказывания, возлагаемое на истцов, является усеченным в сравнении с бременем доказывания в делах о возмещении вреда.

Как отмечено в п. 3 ст. 1252 ГК РФ, правообладатель, обратившийся за защитой права, освобождается от доказывания размера причиненных ему убытков. Следует полагать, что освобождение от доказывания размера убытков фактически влечет также освобождение от доказывания факта причинения убытков, что представляется довольно логичным, поскольку факт причинения убытков всегда обусловлен уменьшением или порчей имущества потерпевшего [4, с. 109]. Этот вывод также находит свое подтверждение в отечественной правовой доктрине. Так, В. Ю. Коломейцева и Е. Н. Агibalова указывают, что судебной практикой «в настоящее время выработана четкая позиция, согласно которой компенсация будет выплачена правообладателю вне зависимости от того, наступили ли убытки и сформулирован ли их размер. Первоочередным является сам факт нарушения исключительных интеллектуальных прав» [3, с. 204].

В целях сравнения следует определить основное содержание бремени доказывания по обоим из указанных случаев. Так, по делам о взыскании компенсации лицо, чье право нарушено, обязано доказать: (1) факт нарушения исключительного права и (2) факт обладания исключительным правом в отношении конкретного произведения. А вот по делам о возмещении вреда лицо, чье право нарушено, уже обязано обосновать (подтвердить) четыре факта: (1) наличия убытков; (2) их размер; (3) противоправность поведения причинителя вреда; (4) причинную связь между действиями причинителя вреда и названными убытками.

Помимо прочего, необходимо отметить очень важный аспект, отличающий вышеуказанные виды ответственности. Он заключается в том, что состав деликтной ответственности является материальным, в то время как компенсация за нарушение исключительных прав носит формальный характер. Указанное предполагает, что основание для возникновения деликтной ответственности – это причинение имущественного или неимущественного вреда, в то время как основание компенсации за нарушение исключительных прав – это сам факт нарушения. При этом наличие или отсутствие неблагоприятных последствий для истца будет иметь значения для суда только при определении размера компенсации [5, с. 186 – 187].

В этой связи, когда истец не несет убытки от нарушения его исключительных прав, компенсация, как форма ответственности, конкуренции с деликтной ответственностью просто не имеет. В то же время, когда мы говорим о том, что истец понес убытки, возникают вопросы процессуального характера о том, как эти убытки установить. Их можно определить, во-первых, как реальный ущерб; во-вторых, как доходы, полученные лицом в результате нарушения исключительного права; и, в-третьих, как упущенная выгода в виде недополученной прибыли за продажу объектов исключительных прав. Во всех случаях доказывание указанных элементов является особо сложным.

Возмещение реального ущерба достаточно редко встречается в делах о нарушении исключительных прав. Это обуславливается переходом творческой отрасли в цифровой формат, где стоимость материального носителя информации уже не представляет первостепенного интереса для правообладателя. Впрочем, даже если, исходя из обстоятельств дела, правообладателю был причинен такой ущерб, необходимо указать, что экономическая оценка стоимости материального носителя, как правило, ниже стоимости самого произведения.

Доказывание факта получения доходов нарушителем, например от продажи произведений, возлагает на истца непомерное бремя, которое истец сможет понести только при полном доступе к первичной документации ответчика и только в том случае, если ответчик такую документацию вообще ведет. При этом даже получение подобного доступа не гарантирует взыскание неосновательно полученных доходов нарушителя, поскольку, во-первых, нарушитель мог не преследовать коммерческих интересов при совершении противоправного деяния. Во-вторых, даже при получении нарушителем дохода, представляется чрезвычайно сложным найти причинную связь между нарушением исключительных прав в конкретном деле и получением прибыли. В таких случаях принято вести речь о вероятностном характере получения прибыли, что представляется недостаточным для целей процессуального доказывания убытков.

Доказывание упущенной выгоды еще более сложная задача, поскольку суды требуют от истцов доказать факты приготовления к совершению сделок. В случаях продажи объектов авторских прав, такое воз-

можно только в форме проведения финансово-экономической экспертизы вероятной прибыли на основании ранее заключенных сделок. Однако и это не гарантирует победы в суде, поскольку суд может поставить под сомнение соответствующий спрос на творческую продукцию истца.

Таким образом, компенсация за нарушение исключительных прав по общему правилу выигрывает конкуренцию у деликтной ответственности, что обуславливает факт подавляющего превалирования судебных дел о взыскании компенсации над делами о взыскании убытков в связи с нарушением исключительных прав.

Указанное позволяет предположить, что компенсация за нарушение исключительных прав при всех её недостатках – это выработанный наукой гражданского права компромисс, введенный в законодательство в целях обеспечения баланса интересов сторон в правоотношениях, возникающих по поводу творчества. Из чего следует вывод, что с учетом тех преимуществ, которые гражданское законодательство предоставляет компенсации как способу защиты исключительных прав, такой способ защиты прав как возмещение вреда в целях обеспечения правовой конкуренции норм требует переосмысления. В ином случае, возможность использования деликтной ответственности в делах о нарушении исключительных прав рискует сохраняться в нормах гражданского законодательства как абстрактная возможность.

Библиографический список

1. Булаевский Б. А. Некоторые вопросы выбора способа защиты нарушенного права в делах о защите интеллектуальных прав // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 6 (34). С. 36 – 41.
2. Земсков И. А. Соотношение возмещения убытков и взыскания компенсации как способов защиты исключительных прав / И. А. Земсков, А. В. Навозенко // Юриспруденция: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей V Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 ноября 2023 года. Пенза: Наука и Просвещение, 2023. С. 177 – 179.
3. Коломейцева В. Ю. Возмещение убытков и компенсация как способы защиты нарушенных исключительных прав / В. Ю. Коломейцева, Е. Н. Агибалова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 3-1 (54). С. 203 – 206.
4. Наумов М. А. Место нарушений авторских и исключительных прав в системе деликтных обязательств // Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2023): сборник материалов международной научно-практической конференции памяти М. Ф. Медведева (г. Волгоград, 26 мая 2023 г.) [материалы] / под общей ред. Е. Н. Агибаловой, И. Б. Иловайского; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2023. С. 108 – 110.
5. Садиков О. Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. М.: Статут, 2009. 221 с.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ИСКА О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА И ПРОГИБИТОРНОГО ИСКА

Николаев Р. В., аспирант 3 курса Юридического института
Научный руководитель: Подшивалов Т. П., кандидат юридических наук, доцент
Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)
г. Челябинск, Россия

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению соотношения прогибиторного иска и требования, вытекающего из ст. 1065 ГК РФ. Автор акцентирует внимание на действии превентивной функции права как основании применения указанных способов защиты гражданских прав через рассмотрение черт превенции и видов превентивных мер. В статье приводятся конкретные критерии соотношения исследуемых способов защиты.

Ключевые слова: гражданское право, прогибиторный иск, предупреждение причинения вреда, превенция, превентивные способы защиты.

ON THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP OF A CLAIM FOR PREVENTION OF HARM AND A PROHIBITORY CLAIM

Nikolaev R. V., 3rd year graduate student of the Law Institute
Supervisor: Podshivalov T. P., Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
South Ural State University (national research university)
Chelyabinsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the consideration of the correlation between the prohibition action and the action arising from Article 1065 of the Civil Code of the Russian Federation. The author focuses on the effect of the preventive function of law as the basis for the application of these methods of protection of civil rights, through the consideration of the features of prevention and types of preventive measures. The article provides specific criteria for correlation of the studied methods of protection.

Keywords: civil law, prohibition action, prevention of harm, prevention, preventive means of defence.

Прогибиторный иск и иск о предупреждении причинения вреда на основании ст. 1065 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) относятся к превентивным способам защиты. Чтобы определить критерии их соотношения, необходимо рассмотреть превентивную функцию права вообще и гражданского права в частности.

Механизм предупреждения правонарушения, регламентированный в ст. 1065 ГК РФ как деликтное обязательство, конструктивно схож с институтом прогибиторного иска как способа защиты вещных прав. Указанные правовые явления относятся к первичной форме превенции. Превентивный характер ст. 1065 ГК РФ следует из самого ее названия.

Диспозиция п. 1 ст. 1065 ГК РФ определяет порядок защиты прав в данных деликтных отношениях в форме иска. Следовательно, данным правоотношением будет сопутствовать спор об обстоятельствах, несущих угрозу нарушения прав. Нормой ст. 1065 ГК РФ и толковательными актами высших судов не определен четкий порядок доказывания возникновения угрозы нарушения прав. Данная категория является оценочной. Истцу предстоит самостоятельно определить, какие нормы права и какие принадлежащие ему права могут быть нарушены, по его мнению, противоправной деятельностью. Предполагается, что это могут быть административные регламенты деятельности организаций в различных сферах жизнедеятельности; в качестве примера можно привести пункты 146 – 149 раздела IX Постановления Главного государственного санитарного врача РФ от 2 декабря 2020 г. № 40 «Об утверждении санитарных правил

СП 2.2.3670-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к условиям труда». В свою очередь узнать, нарушены ли нормы, регламентирующие порядок деятельности, можно лишь посредством проведения соответствующей экспертизы.

Важно отметить, что в своем постановлении Верховный Суд определяет, бремя каких доказательств должен понести истец. Иницируя защиту окружающей среды, истец обязан доказать реальность возможного причинения вреда и, как следствие, необходимость защиты (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде»).

В диспозиции п. 2 ст. 1065 ГК РФ законодатель вводит сложную трахтактную конструкцию внутри института предупреждения причинения вреда. В буквальной трактовке: заинтересованное в защите своих прав лицо имеет право обратиться в суд в случае возникновения угрозы нарушения его прав при осуществлении потенциальным правонарушителем своей производственной или иной деятельности, либо при эксплуатации предприятия или сооружения. Кроме того, лицо, чьи права были нарушены единожды в результате одного из оснований, предусмотренных указанной статьей, имеет право инициировать судебное производство повторно. Третий состав деликта также имеет превентивную форму, однако его отличие от первого состава заключается в моменте возникновения деликтных обязательств, предшествующих возникновению данной превенции. Если в первом случае фактическое нарушения прав истца еще не

произошло, то в случае с третьим составом п. 2 ст. 1065 ГК РФ нарушение прав обретает форму «длящегося» деликта, в свою очередь защита прав выражается в предупреждении и пресечении аналогичных возможных угроз в будущем.

Предполагаем, что вне зависимости от наличия вины в действиях правонарушителя последний будет привлекаться к ответственности в любом случае. Можно провести правовую параллель с конструкцией ст. 1079 ГК РФ. При толковании положений указанной статьи в рамках своего постановления Верховный Суд указывает, что ущерб, причиненный источником повышенной опасности, возмещается потерпевшей стороне вне зависимости от вины причинителя вреда (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью граждан»).

Важно отметить, что перечень видов деятельности, потенциально несущих опасность нарушения прав, не является исчерпывающим, что приводит к выводу о формальной взаимосвязи ст. 1065 ГК РФ и ст. 1079 ГК РФ. На практике указанные нормы уже действуют взаимосвязано. Чаще всего механизм предупреждения вреда реализуется в рамках дорожно-транспортного законодательства. Суды нивелируют возможную угрозу нарушения субъективных прав граждан, ограничивая право на управление транспортным средством, применяя норму ст. 1065 ГК РФ.

Для практики такой вывод может стать отличным подспорьем. Ни законодательством, ни актами высших судов, ни действующей правоприменительной практикой не регламентирован даже примерный перечень видов деятельности, при осуществлении которых граждане имеют право рассчитывать на защиту посредством предотвращения возможных нарушений в рамках превентивного института предупреждения причинения вреда. Вместе с тем в рамках пунктов 18 и 19 вышеуказанного постановления Верховный Суд определил критерии, квалифицирующие деятельность как источник опасности нарушения прав.

Угроза как один из компонентов института предупреждения вреда – это в большей степени доктринальная категория. С. С. Бондаренко определил условия, которые могут квалифицировать угрозу как юридический факт возникновения отношений по предупреждению причинения вреда; кроме того, данные условия должны наличествовать в совокупности, возникновение только одного условия не может повлечь ответственность [1, с. 10]. По мнению С. С. Бондаренко, в качестве условий, необходимых для возникновения угрозы, следует выделить следующие:

1) наличие субъективного права, на которое будет направлена защита. По мнению автора, защитой могут быть обеспечены только абсолютные права участников гражданских правоотношений;

2) наличие противоправных действий, в результате которых могут быть нарушены права;

3) наличие сопутствующих условий, при которых могут быть нарушены права.

По нашему мнению, такие факультативные условия могут выражаться в независимых от лиц обстоятельствах, не освобождающих правонарушителей от ответственности. Например: в недопустимой близости от жилого дома юридическое лицо возводит объекты для про-

изводства лакокрасочных материалов. Это может в будущем повлечь нарушение прав жильцов, а если у кого-то из жильцов помимо прочего будут диагностированы острые респираторные заболевания, выражающиеся в острой непереносимости запаха краски, то такое обстоятельство может отяготить ответственность юридического лица.

Остается закономерным процессуальный вопрос преюдиции доказательств в рамках ст. 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Могут ли рассчитывать на упрощение процедуры оценки доказательств судом те истцы, чьи права нарушаются повторно теми же лицами и в результате осуществления той же деятельности.

Стоит упомянуть дифференциацию форм ответственности, предложенных законодателем в п. 2 ст. 1065 ГК РФ. Норма статьи предлагает на усмотрение суда три вариации санкции. Истец может заявить, а суд – удовлетворить требования, связанные с частичным приостановлением противоправной деятельности; либо суд может обязать ответчика полностью прекратить деятельность, в результате которой были нарушены права истца. Кроме того, истец вправе требовать возмещения причиненного вреда.

Важно отметить, что превентивные механизмы в современном гражданском праве тесно связаны между собой. Институт астрента – универсальный механизм, повышающий эффективность исполнения судебного решения [4]. При возникновении деликтного обязательства, вызванного угрозой причинения вреда, истец вправе заявлять вместе с основными требованиями астрент для обеспечения пресечения угрозы [6]. Такая синтезированная форма защиты особенно актуальна в случае, если в деликтных обязательствах в рамках ст. 1065 ГК РФ наличествует состав, при котором суд уже привлекал правонарушителя к ответственности за аналогичное правонарушение. Как уже отмечалось выше, чаще всего конструкция ст. 1065 ГК РФ применяется на практике для прекращения действия права на управление транспортным средством, в случае если лицо, имеющее такое право, номинально не соответствует требованиям дорожно-транспортного законодательства, что создает угрозу нарушения прав других участников гражданского оборота.

Для процессуальных норм в ст. 1065 ГК РФ законодатель сделал важное замечание, обозначив материальные причины для отказа в принятии искового заявления. Истец не сможет претендовать на защиту своих прав, выраженную в приостановлении деятельности, потенциально создающей угрозу нарушения его прав, в случае, если в результате прекращения или приостановления такой деятельности будут нарушены общественные, традиционно именуемые публичными, интересы. Однако это не лишает истца возможности требовать в судебном порядке возмещения причиненного в результате осуществления данной деятельности вреда.

Категория «общественный» или «публичный» интерес, как и многие понятия, имеющие межотраслевой материально-процессуальный характер, является оценочной.

Разумно предположить, что для толкования института общественного или публичного интереса может быть использована позиция Верховного Суда. В рамках п. 75 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых

положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» Суд в отношениях, связанных с недействительностью сделок, определяет публичные интересы как «интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды». Такая позиция является вполне обоснованной, так как деятельность стратегически важного предприятия, производящего медикаменты, необходимые для профилактики и лечения заболеваний большого количества граждан, не может быть приостановлена или прекращена в случае нарушения прав частного лица, однако данное лицо не лишено защиты полностью.

Институт прогибиторного иска представляет классическую форму превентивной защиты.

Т. П. Подшивалов в своей работе обоснованно указывает на наличие формально регламентированной возможности применения института негаторного иска как превентивной меры, предотвращающей нарушение прав [5, с. 99 – 103]. Такая точка зрения вторит и авторитетному мнению Верховного Суда, который в рамках своего постановления № 10/22 в абз. 3 п. 45 обличает негаторный иск в превенцию (постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»). Негаторный иск может быть заявлен в случае проектировки здания или сооружения, возведение которого повлечет нарушение прав неопределенного круга лиц. В данном случае негаторный иск выступает как превенция к нарушениям, которые могут возникнуть в отношениях по эксплуатации объекта строительства, но одновременно и фактическим средством защиты в отношениях по проектировке. Таким образом, по мнению Т. П. Подшивалова, истец не лишен права на своевременную защиту своих прав до момента возведения объекта строительства. Однако для этого заинтересованное в защите лицо как минимум должно иметь активную гражданскую позицию для ознакомления с проектом строительства, финансовую обеспеченность для проведения соответствующей экспертизы и, что не менее важно, правовую смекалку для манипулирования синтезированной формой защиты своих прав.

Интересным критерием разграничения института предупреждения причинения вреда и институтов защиты прав в виде прогибиторного и негаторного исков является критерий защиты. По мнению М. А. Ероховой и К. А. Усачевой, в рамках отношений по применению института предупреждения причинения вреда как механизма превенции защищается целостность вещи, в свою очередь при подаче негаторного иска как фактического

средства защиты или при подаче прогибиторного иска как превенции защиты прав защищается сам титул права собственника, защищается непосредственно право [2, с. 104].

Институт предупреждения причинения вреда – это революционная норма для отечественного права. Скрамность национального гражданского законодательства и практики заключается в отсутствии норм прямой превенции. В уголовном праве ответственность наступает при приготовлении к преступлению, при неоконченном преступлении или при покушении на совершение преступления; такое изобилие форм изобличения преступности позволяет исполнителям повысить эффективность превентивных механизмов [3, с. 11]. В цивилистической же отрасли истец лишен возможности защищать себя, будучи убежденным в неминувности нарушения его прав. В итоге истец может инициировать защиту только при наличии факта нарушения, в частности в отношениях собственности, особенно в соседских правоотношениях.

Таким образом, как одна из функций гражданского права, превенция – это не только профилактика девиантного поведения между членами гражданских правоотношений. Формы превенции могут трансформироваться в самостоятельные институты защиты прав. Ярким примером является институт предупреждения причинения вреда. В парламенте обсуждается обширный пакет поправок, формирующий соседское право. В рамках данного пакета будут введены в том числе и новые формы защиты прав собственников, что в свою очередь оставляет надежду на появление в действующем отечественном праве института прогибиторного иска.

Библиографический список

1. Бондаренко С. С. Защита гражданских прав при возникновении угрозы их нарушения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 19 с.
2. Ерохова М. А., Усачева К. А. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения // Вестник ВАС РФ. 2013. № 8. С. 90 – 116.
3. Кузнецова Н. Ф. Профилактическая функция уголовного закона // Уголовное право. 1998. № 1. С. 11 – 19.
4. Майфат А. В. Судебная неустойка: некоторые вопросы теории и правоприменения // Российский юридический журнал. 2017. № 5. С. 136 – 143.
5. Подшивалов Т. П. Негаторный иск: проблемы теории и практики. М.: Инфотропик Медиа, 2019. 340 с.
6. Фиошин А. В. О правовой природе астрента // Вестник гражданского процесса. 2021. № 3. С. 29 – 47.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РАЗМЕРА КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Перегудов Я. А., студент 4 курса Юридического института
Научный руководитель: Голикова С. В., кандидат юридических наук, доцент
Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия

Аннотация. В статье исследуются актуальные проблемы определения размера выплат компенсации морального вреда, предлагаются пути их решения в аспекте критерия справедливости. Предлагается ввести методику расчёта компенсационных выплат, построенную не на теоретических аспектах той или иной их составляющей, а на основе судебной практики.

Ключевые слова: взыскание, моральный вред, дифференциация присуждённых сумм, критерий справедливости, размер компенсационных выплат, судебная практика.

DETERMINATION OF THE AMOUNT OF COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Peregudov Y. A., 4th year student of the Law Institute
Supervisor: Golikova S. V., Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

Abstract. In the article the actual problems of determining the amount of payments for compensation for moral damage are examined, the ways to solve them in terms of the criterion of justice are proposed. It is proposed to introduce a methodology for calculating compensation payments, built not on the theoretical aspects of one or another of their components, but on the basis of judicial practice.

Keywords: fine, moral damage, differentiation of awarded amounts, criterion of justice, amount of compensation payments, judicial practice.

Проанализировав правоведческую литературу и судебную практику, можно подвести итог, что вся правовая система строится на двух постулатах: законность и справедливость [2, с. 22 – 23; 3, с. 21; 5, с. 48; 6, с. 22, 29; 8, с. 10]. Ещё из глубины веков известно и актуально по сей день высказывание великого древнегреческого мыслителя Аристотеля о том, что всё, что разработано законодателем и воплощено в законе и есть справедливость [4, с. 60]; хотя второе понятие в современной юридической теории и практике носит абстрактный характер, так как до сих пор законодатель не определил единого точного осознания его содержания в правовой области. В настоящей статье под критерием справедливости мы подразумеваем соразмерность ответственности обидчика с нанесенным им правонарушением, а также интерес пострадавшего. Указанный критерий, наравне с общими юридическими принципами, важен в каждом правовом вопросе, а именно, когда идет речь об институте компенсационных выплат, так как в современный момент эта сфера нуждается в совершенствовании. Проведя небольшое историческое исследование по вопросу развития и становления изучаемого института в отечественном законодательстве, отмечаем тот факт, что размер компенсационных выплат был и остаётся спорным и неурегулированным вопросом на протяжении всего его существования. Дифференцированность присуждённых сумм имела зависимость от различных факторов, учитываемых конкретным этапом времени.

Институт компенсации морального вреда, получивший бурное развитие в последнее десятилетие предыдущего века, уже имел некие зачатки своего становления ещё в период Древней Руси. Опираясь на договоры русских князей Олега и Игоря с греками [1, с. 6], можно выделить ряд правовых положений, говорящих о взыскании такого рода компенсации, например, факт получения

родственниками потерпевшего имущества убийцы или денежное возмещение при нанесении вреда здоровью в виде телесных повреждений или имущественных престоуплений.

Проблемами применения указанных восстановительных мер X века были не установленные пределы максимального и минимального размеров данной компенсации, а также отсутствие правовой культуры населения, выраженное в пробелах в знаниях по вопросам защиты своих нарушенных прав и интересов. Также среди правовых положений Русской правды, являющейся основным законом славян в Средние века, мы находим санкцию в виде взыскания денежной выплаты в случае умаления достоинства личности или нанесения этому лицу физического ущерба. По приведённым данным, можно отметить, что анализируемый нами институт компенсации был не только известен предыдущим поколениям, но и широко применялся на практике и имел самобытное развитие.

Известный исторический документ Соборное Уложение 1649 года посвящал целый раздел описываемому феномену. Однако в тот исторический этап жизни общества огромное внимание уделялось критерию сословности, значимости рода, статуса обидчика и потерпевшего, а не справедливости. Именно перечисленные составляющие объясняли дифференциацию материальной ответственности при присуждении компенсационных выплат [7, с. 82 – 83].

В правовой истории отечественного государства институт компенсационных выплат знал и долгие годы забвения. Ясная позиция дореволюционного российского правоведа Г. Ф. Шершеневича [9], заключающаяся в том, что статус человека, с позиции осознания личности, не позволяет заменять глубину нанесённой эмоциональной обиды денежным откупом, была принята за основу со-

ветским законодателем, что сделало рассматриваемый институт неустребованным на протяжении всей советской эпохи [7, с. 83].

Сегодня в законодательстве современной России освещены и урегулированы многие вопросы исследуемой темы. Понятие «моральный вред» получило внятное определение и легальное закрепление в нормативно-правовом акте. Под ним в ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) подразумеваются физические, нравственные страдания потерпевшего, понесенные им в результате нанесения вреда его немущественным правам и нематериальным благам. Законодателем установлены виды морального вреда, такие как клевета и оскорбление, нарушение конфиденциальности, дискриминация и харассмент, специальное причинение эмоциональных страданий, нанесение морального ущерба в профессиональной области, травмы и несчастные случаи; разработан и введен целый ряд нормативно-правовых актов, регулирующих эту сферу. Однако актуальной проблемой для современных правоприменителей остаётся определение размеров такого рода компенсации, так как не установлены минимальные и максимальные пределы компенсационных выплат по существующим видам морального вреда, и не существует однообразной методики их расчёта. Изучая многочисленные публикации юристов в сети Интернет, отмечаем отсутствие единых ориентиров в определении размеров компенсационных выплат как внутри каждого региона, так и между ними. Исследование практики судебных дел показывает, что судья, устанавливая размеры компенсационных выплат, интуитивно оценивает факты причинения морального вреда. Соотнося их с индивидуальными особенностями пострадавшей личности, он должен определить степень полученного стресса потерпевшим и на основании профессионального опыта вывести материальный эквивалент компенсации. Подобный подход нарушает критерий справедливости, так как за аналогичные правонарушения присуждаются суммы с разницей в сотни раз. Так, из правовой базы Логос проанализируем два схожих дела. Республика Татарстан, город Бавлы, в результате конфликта, возникшего в местном ресторане, ответчик нанёс истце телесные повреждения в виде травмы носа, унизил её честь, в результате потерпевшая испытала не только физические, но и моральные страдания, так как её отношения с коллегами были испорчены таким инцидентом. По решению суда в качестве моральной компенсации было взыскано с ответчика 50 000 рублей (*апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 04.08.2014 по делу № 33-10532/2014*). В тоже время в г. Перми по схожему делу истица, также получив травмы носа от неправомерных действий ответчика, вынуждена была переносить не только физические мучения, но и психически воспринимать изменение внешности. Суд по этому делу определил размер компенсационной выплаты в 30 000 рублей (*апелляционное определение Пермского краевого суда от 23.07.2014 по делу № 33-6318/2014*). Существенная дифференциация присуждённых сумм показывает, что назрела необходимость введения единого для всех субъектов РФ базового размера компенсационных выплат по каждому виду морального вреда. Необходима некая точка материального отсчёта, на которую может опираться суд при присуждении такого рода выплат. Рассчитать основу можно, исходя из судебной практики по аналогичным делам судов первой и второй инстанций разных субъектов РФ, проанализировав несколько дел в пределах трехгодичного срока и определив среднее значение размера компенсационной выплаты по подобному виду морального вреда. Полу-

ченный материальный эквивалент, служащий единым ориентиром для каждого региона, должен также иметь легально установленные пределы максимального и минимального уровня своего изменения, так как моральный вред определяется индивидуализмом личности и степенью перенесенного ею стресса. И эти качества, несмотря на идентичность рассматриваемых дел, могут изменяться в зависимости от внутреннего восприятия потерпевшим сложившейся ситуации.

Также, исходя из критерия справедливости, присуждённый размер компенсационной выплаты не должен нарушать права ни одной из сторон. Согласно п. 3 ст. 1083 ГК РФ суд имеет право, приняв во внимание имущественное положение причинителя вреда, уменьшить размер компенсационной выплаты. Это правовое положение затрагивает интересы только одной стороны спора, поэтому было бы справедливо при определении размера компенсации не исходить из имущественного положения сторон. При расчёте размера компенсационных выплат суд, согласно ст. 151 и ст. 1101 ГК РФ должен учитывать глубину вины нарушителя, индивидуальные качества пострадавшей личности и степень полученного стресса от пережитых ею эмоциональных страданий, так как такая компенсация должна отвечать нанесённому вреду и перенесённым нравственным страданиям потерпевшего.

Резюмируя выше сказанное, отмечаем, что правовая сфера, касающаяся возмещения морального вреда, требует усовершенствования своих норм. Дифференциация судебных решений по идентичным делам показывает, что существующие сегодня нормативно-правовые акты не регулируют должным образом анализируемую сферу.

Библиографический список

1. Бибииков М. В. Русь в византийской дипломатии: договоры Руси с греками X в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1 (19). С. 5 – 15.
2. Василенко А. В. Сущность и принципы правоприменительной деятельности (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1987. 24 с.
3. Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М.: Наука, 1988. 176 с.
4. Куликов М. В. Проблемы разграничения принципов справедливости, равенства и законности с позиций их философского анализа // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 8 (442). С. 56 – 62.
5. Правовая система социализма: в 2 книгах / редкол.: Кудрявцев В. Н. и др.; Институт государства и права АН СССР. М.: Юридическая литература, 1986–1987. Кн. 1: Понятие, структура, социальные связи / [Васильев А. М., Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. и др.]; отв. ред. А. М. Васильев. 1986. 366 с.
6. Сабанин С. Н. Справедливость освобождения от уголовного наказания / С. Н. Сабанин; Урал. гос. юрид. акад., Екатеринбург. высш. шк. МВД Рос. Федерации. Екатеринбург: Екатеринбург. ВШ МВД РФ, 1993. 170 с.
7. Сазанкова О. В., Брагин М. К. История становления института компенсации морального вреда в РФ // Научный журнал. 2018. № 4 (27). С. 82 – 85.
8. Цыбулевская О. И. Категория гуманизма в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1983. 181 с.
9. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права: (По изд. 1907 г.) / Г. Ф. Шершеневич; Вступ. ст. Е. А. Суханова. М.: Спарк, 1995. 556 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ, ДОГМАТИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА

Полянина Д. И., студент 3 курса Института частного права

Научный руководитель: Носов Д. В., кандидат юридических наук, доцент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Аннотация. В статье представлен краткий исторический обзор развития учений о деликтной ответственности государства. Исследование охватывает наиболее значимые этапы формирования представлений о публично-правовом образовании как причинителя вреда со времен Римской империи по настоящий момент. Автор обращает особое внимание на правовые системы Англии, Германии и Франции.

Ключевые слова: деликт, основания ответственности, государство.

HISTORICAL, DOGMATIC, POLITICAL BASES OF STATE RESPONSIBILITY FOR CAUSING HARM

Polyanina D. I., 3rd year student of the Institute of Private Law

Supervisor: Nosov D. V., Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

Kutafin Moscow State Law University (MGUA), Moscow, Russia

Abstract. The article presents a brief historical overview of the development of the teachings on the tort responsibility of the state. The study covers the most significant stages in the formation of ideas about public law education as a cause of harm from the time of the Roman Empire to the present. The author pays special attention to the legal systems of England, Germany and France.

Keywords: tort, grounds of liability, state.

Первым римским юристом, выделившим договоры и деликты как две самостоятельные обширные группы обязательств, был Гай. Современные ученые полагают, что в основу этой классификации мог быть заложен подход, выработанный Аристотелем при разделении коммутативного правосудия на принудительное и добровольное. Однако римские юристы не тяготели к поиску общих теоретических принципов деликтного права, но имели дело с конкретными обязательствами в каждом отдельном случае [7, с. 150].

Результатом разрешения многочисленных, но сходных по своей природе, споров стало, в первую очередь, принятие закона Аквилы – первой попытки сформировать юридический состав деликта и, как следствие, определить основания для возмещения вреда. Удовлетворению подлежал иск против виновного причинителя, то есть действовавшего умышленно или неосторожно. Такие правила распространялись лишь на уничтожение и повреждение чужих телесных вещей физическим воздействием [4, с. 338 – 339]. Современным продолжением «аквилианской» ответственности с полной уверенностью можно считать содержание ст. ст. 1240 – 1241 Гражданского кодекса Франции (Кодекс Наполеона) и § 823 Германского гражданского уложения (далее – ГГУ).

В средние века Гуго Гроций, во многом под влиянием поздней схоластики, дал следующее понятие деликта: «Здесь мы правонарушением называем всякую вину, состоящую как в действии, так и воздержании от действия, противном тому, как люди должны поступать вообще или же сообразно определенному качеству. В силу такой вины возникает естественное обязательство при наличии ущерба, а именно – обязательство возместить его» [1, с. 420].

Приведенный фрагмент содержится в главе 17 Второй книги Гроция, безусловно он оказал определяющее влияние на становление современного деликтного права. Указанные идеи были восприняты знаменитым французским юристом, труды которого легли в основу Code Civil, Робером Жозефом Потье [10]. Этим фактом легко объясняется заданный в ст. ст. 1240 и 1241 Кодекса Наполеона вектор привлечения к ответственности виновного лица: «любое действие, причиняющее вред другому лицу, обязывает виновного в причинении ущерба возместить его. Каждый несет ответственность за ущерб, который он причинил не только своим умышленным деянием, но и своей неосторожностью».

Аналогичный подход поддержан и в абз. 1 § 823 ГГУ: «лицо, которое умышленно или по неосторожности незаконно причиняет вред жизни, конечностям, здоровью, свободе, собственности или каким-либо другим правам другого лица, обязано предоставить другой стороне компенсацию за возникший в результате этого ущерб».

Таким образом, римское право, а затем средневековые школы последовательно выработали устоявшиеся общие представления о деликтной ответственности, но отдельные интересующие нас аспекты получили необходимое внимание лишь под влиянием развития учения о государстве.

С одной стороны, в Риме времен Империи государственная казна в действительности уже могла обладать некоторой субъектностью и чертами юридического лица как представителя всего *populus Romanus* [3, с. 18], но государство все еще растворялось в личности императора [4, с. 351].

Сначала все государственное имущество было сосредоточено в *aerarium populi romani* или в *aerarium*

Saturni. Затем выделился императорский *fiscus* как личное имущество. Позже *fiscus* перестал рассматриваться как частное имущество в общем гражданском обороте и поглотил государственную казну.

Сам вопрос о самостоятельной природе государства не занимал римских юристов в период республики [2, с. 9]. Законы, упорядочивавшие совершение сделок между государством и частными лицами, рассматривали такие отношения не как систему взаимных прав и обязанностей между двумя субъектами, а как объективный порядок, которому в равной степени подчинены и должностные, и частные лица. То есть имущественная правоспособность казны носит только публичный характер.

Как следствие, применение норм о деликте к государству было затруднено и тем, что казна не подчинялась общим правилам гражданской подсудности. Если римлянин не исполнял своих обязательств перед казной, его принуждали силами государства, но если казна уклонялась от осуществления своих обязанностей, то с жалобой надлежало обращаться к самой же казне. Складывалась сложная и на первый взгляд неразрешимая ситуация: государство еще не становилось ответчиком в силу отсутствия правоспособности, а привлечение конкретных должностных лиц часто оказывалось нецелесообразным ввиду недостаточности их имущества.

Государство не отвечало по деликтным обязательствам и в Средние века. В Германии был выработан небезынтересный для нашего исследования подход: должностные лица считались представителями публичной власти, но согласно доктрине представительства, деликты, совершенные представителями, оказывались вне предоставленных представляемым полномочий, а потому относились к сфере ответственности самого должностного лица, но никак не государства.

Дело в том, что в Германии вплоть до начала 19 века не было учения о государстве как о юридическом лице. В 17–18 веках государственная служба походила по своей природе на отношения личного найма. Немецкие юристы видели не публично-правовое образование как самостоятельный субъект, а правителя как физическое лицо. Сам государь во многих отношениях скорее не абсолютный монарх, а специфический высший чиновник, нанимающий иных государственных служащих [2, с. 185 – 188]. Теория личной ответственности государственных служащих также во многом объясняется опасениями отклонения проекта ГГУ. Так, было решено в § 839 установить запрет на предъявление требований непосредственно к Империи, но специальной оговоркой во Вводном законе к ГГУ позволить отдельным землям отступить от общего правила [3, с. 31]. На современном этапе ст. 34 Основного закона Германии устанавливает ответственность государства за вред, причиненный органом публичной власти или должностным лицом.

Памятуя об установлении абсолютной монархии в средневековой Франции, Германии и Англии, не удивимся действию принципа «король не может быть не прав» [5, с. 116]. Это короткое, но емкое выражение послужило идейной основой формирования института, продержавшегося в Соединенном Королевстве вплоть до 20 века: иммунитета Короны.

Еще в 1866 году в деле *Mersey Docks and Harbour Board Trustees против Gibbs* Палата лордов впервые пришла к выводу о том, что государственные органы не имеют полного иммунитета от ответственности за причиненный вред. Примечательно, что актом было призна-

но, что государство должно нести ответственность за должностных лиц так же, как частные работодатели несут ответственность за своих работников. Однако решение позволяло предъявлять иски лишь к органам уровня местного самоуправления. В значительной степени решить проблему ответственности государства и обязанности возмещать причиненный им и его должностными лицами вред стало возможным в Великобритании только с принятием Закона о королевском разбирательстве 1947 года, в нормах которого было установлено право частных лиц выступать с иском против правительства и его ведомств [9, с. 129]. В нормах этого акта, среди прочих его достоинств, была закреплена идея ответственности ведомств за неправомерные действия их должностных лиц.

Широко известно французское дело *Blanco*, примерно того же периода, 1873 года. При его разрешении трибунал пришел к выводу о возможности привлечения компании, находящейся в государственной собственности, к ответственности за причинение ее работниками вреда. Однако возмещение было основано не на общегражданских нормах о деликте, а административных правилах [3, с. 29 – 30].

Исследователи начала 20 века отмечали, что во Франции сложилась троичная система отношений с участием государства: (1) обязательства *domaine prive de l'Etat*, то есть частно-правового характера; (2) отношения *de la puissance publique*, то есть публичного характера и (3) связи промежуточного административного характера. Специфика положения третьих объясняется основанием их возникновения: так называемыми административными контрактами, например, из поставок на нужды казны [2, с. 81].

Если вред был причинен государственным органом или должностным лицом в рамках отношений первого типа (частно-правовых), то разрешение связанного спора по подсудности относится к компетенции гражданских судов. Облеченный властью субъект получает статус юридического лица и понесет ответственность по правилам компенсации убытков, вызванных неправомерными действиями работников или органов организации. В отношениях публично-правовой сферы господствовал принцип «безответственности» казны. Промежуточные же административные отношения предполагают, что государство не демонстрирует в них свои властные полномочия и силу принуждения, но и не распоряжается имуществом лишь в собственных, независимых от каких-либо иных участников оборота интересах. Во многом именно эти особенности повлияли на возникновение серьезных затруднений при попытках решить вопрос с установлением ответственности государства. Основное общее, выработанное административными судами правило, – в таких делах *Code Civil* не применяется. При разрешении такой категории споров руководствуются специальными административными актами, содержание которых неотделимо от сути каждого конкретного рассматриваемого дела.

Казалось бы, что нет серьезных догматических препятствий к тому, чтобы рассматривать ответственность государства на общих основаниях Гражданского кодекса Франции, но мнение, господствующее во французском юридическом сообществе до сих пор, не позволяет совершить такой правоприменительной революции.

Известная Франции 20 века триединая система правосубъектности государства в настоящее время пре-

терпела неожиданные изменения: практика выбрала путь исключительно административной ответственности. Таким образом, для властных субъектов действуют по своему содержанию в основном все те же нормы о деликте, что известны Кодексу Наполеона, но помещены они в административные акты. В предложенной концепции прямая ответственность государства обосновывается ненадлежащим исполнением принятых публичных обязанностей. Тем не менее, в итоге не просто не происходит умаления интересов граждан в эффективной защите, но появляются дополнительные гарантии их обеспечения.

Однако О. Гирке полагал, что деликтная ответственность может быть только гражданско-правовой. Независимо от того, что вред был причинен властным субъектом, специфических публичных отношений не возникает, но применяются общие правила о возмещении вреда [6, с. 794 – 796].

Рядом ученых, например Р. ф. Модем или Э. Ленингом, были предприняты попытки разработать теории, отрицающие возможность возложения на государство обязанности возместить ущерб, однако широкой поддержки эти научные труды не нашли.

Так, Роберт Моль полагает, что ненадлежащее исполнение закона должностным лицом, повлекшее причинение вреда, само по себе – неблагоприятное явление, падающее грузом и на государство. Сохранение и защита публичного порядка – интерес власти, страдающий в указанном случае, а потому большее, на что может рассчитывать потерпевший, – «выплата пособия в путях монаршего милосердия» [8, с. 555].

Подобная позиция представляется не просто несколько экстравагантной, но и антисоциальной. Если государство не смогло обеспечить нормальное функционирование собственного аппарата, то публичному образованию следует признать свою вину и понести ответственность, но никак не перекладывать ее на хрупкие плечи гражданина, гораздо более слабого и даже беззащитного перед лицом такого государства.

Теория Ленинга также отмечалась правоведами как отличающаяся оригинальностью [2, с. 211]. Этот ученый полагал, что в качестве фиска государство вступает в юридические сделки частных лиц с равными правами и обязанностями, подчиняет себя верховенству частного права. Однако эти принципы не применяются, если «государство не отождествляет себя с частными лицами» и «как высшая власть противостоит подвластным ему». В таких обстоятельствах «частные права личности не являются препятствием для государственной власти» и «тот факт, что госслужащие считаются органами государства, еще не говорит об ответственности государства за их действия» [5, с. 93]. Логическим следствием озвученных убеждений становится невозможность для гражданина получить компенсацию, например, в случаях вынесения чиновником незаконного акта или неисполнения им должностных обязанностей. Первое положение объясняется наличием у частных лиц возможности не исполнять вынесенный акт в силу его про-

тивоправности. Второе суждение основано на том, что «индивидуум не имеет юридических требований к государству в отношении обеспечения выполнения задач, возложенных на государство, или соблюдения законов и постановлений, изданных в общегосударственных интересах» [5, с. 117, 126].

Чувство социальной справедливости и фундаментальные представления о правопорядке не позволяют согласиться с приведенными доводами. Если не во всех без исключения, то, по крайней мере, во многих отношениях государство подчинено верховенству права. Нет оснований выносить публично-правовые образования, их органы и должностные лица за рамки деликтной ответственности. Развитие истории демонстрирует, что государство всячески пытается избавиться себя от лишних, по его мнению, расходов казны, но такие действия не соответствуют требованиям общественной безопасности и должны, на наш взгляд, пресекаться.

Библиографический список

1. Гроций Г. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Гуго Гроций; пер. с латин. А. Л. Саккетти; [Вступ. статьи А. Л. Саккетти, А. Желудкова, с. 10 – 38]. [Репринт с изд. 1956 г.]. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1994. 867 с.
2. Лазаревский Н. И. Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами: догмат. исслед. СПб.: тип. Спб. акц. общ. печатного и писчебум. дела в России «Слово», 1905. XVI, 712 с.
3. Маркелова А. А. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный государственными, муниципальными органами и их должностными лицами: дис. ... канд. юрид. наук. М.: 2022. 236 с.
4. Покровский И. А. История римского права. 3-е изд., испр. и доп. Петроград: изд. юрид. кн. скл. «Право», 1917. 431 с.
5. Edgar Löning, ord. Prof. der Rechte a. d. Universität Dorpat, Die Haftung des Staats aus rechtswidrigen Handlungen seiner Beamten nach deutschem Privat- und Staatsrecht. Dorpat, 1879. 135 p.
6. Gierke O. Die Genossenschaftstheorie und die deutsche Rechtsprechung. Berlin: Weidmann, 1887. 1024 p.
7. Gordley J. Foundations of Private Law: Property, Tort, Contract, Unjust Enrichment. Oxford: Oxford University Press, 2007. 496 p.
8. Mohl R. System der Präventiv-Justiz oder Rechts-Polizei / von Robert von Mohl. 3 vielfach veränderte Auflage. Verlag der H. Laupp'schen Buchhandlung, 1866. 641 p.
9. Oliphant K. The Liability of Public Authorities in England and Wales / in: The Liability of Public Authorities in Comparative Perspective. ed. by K. Oliphant. Cambridge. Antwerp. Portland: Intersentia, 2016. 887 p.
10. Perillo J. M. Robert J. Pothier's Influence on the Common Law of Contract. Fordham University School of Law Research Paper. 2004. No. 63. 20 p.

К ВОПРОСУ О РАЗЛИЧИИ ПОНЯТИЙ ВРЕД И УБЫТКИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Рысбекова Б. Р., адъюнкт 2 курса факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Научный руководитель: Дерюгина Т. В., доктор юридических наук, профессор
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Москва, Россия

Аннотация. В настоящей статье автор провел сравнительный анализ понятий вред и убытки в гражданском праве России и Киргизии. Итогом исследования стали два вывода. Во-первых, законодательство этих стран в рассматриваемой сфере значительно совпадает, что сближает взгляды ученых-цивилистов указанных государств и создает основу для создания в будущем унифицированного материально-правового международного договора в области гражданского права между этими странами. Во-вторых, Кыргызская Республика могла бы воспользоваться опытом России и решить проблему толкования гражданско-правовых категорий путем разъяснения их содержания в актах высшего суда этого государства.

Ключевые слова: вред, убытки, ущерб, обязательства из причинения вреда, упущенная выгода.

ON THE ISSUE OF THE DIFFERENCE BETWEEN THE CONCEPTS OF HARM AND LOSS IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE KYRGYZ REPUBLIC

Rysbekova B. R., 2nd year adjunct of the Training for Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel Faculty
Supervisor: Deryugina T. V., Doctor of Sciences (Law), Professor Moscow University
Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia

Abstract. In this article, the author conducted a comparative analysis of the concepts of harm and loss in the civil law of Russia and Kyrgyzstan. The study resulted in two conclusions. Firstly, the legislation of these countries in the field under consideration significantly coincides, which brings together the views of civil scientists of these states and creates the basis for the creation of a unified substantive international treaty in the field of civil law between these countries in the future. Secondly, the Kyrgyz Republic could take advantage of Russia's experience and solve the problem of interpreting civil law categories by clarifying their content in the acts of the supreme court of that State.

Keywords: harm, loss, damage, obligations from harm, loss of profit.

Вопрос о соотношении понятий «вред» и «убытки» является достаточно актуальным в свете существующих противоречий в понимании их сущности на уровне научно-теоретических концепций, законодательства и практического применения. Существующие разногласия в определении терминологического аппарата заставляют осмыслить эти дискуссионные вопросы с новой точки зрения. В таком контексте нельзя не согласиться с мнением О. Э. Лейста, который отметил, что использование терминов с разным содержанием представляет опасность с методологической точки зрения, так как простое переименование известных явлений не обогащает наше научное знание [6, с. 32]. Проблема соотношения понятий не нова для цивилистической науки, а в международном частном праве она является одной из разновидностей юридико-технической проблематики применения коллизионных норм и называется скрытая коллизия или конфликт квалификации [3, с. 22].

Ещё в дореволюционном российском гражданском праве сложились три точки зрения на понятие «вред». Первая возникла тогда, когда на территории России стали появляться первые теоретические исследования в области цивилистики. Эта позиция была непосредственно связана с деятельностью профессора Д. И. Мейера. Главным положением такого рода воззрений было то, что вред, как правовая категория, относится исключительно к области гражданского права, и он может быть

причинен только имущественным объектам [9, с. 244]. Представители рассматриваемого направления не проводили различий между понятиями имущественного вреда, ущерба и убытков, что было прямым отражением содержания действующего в то время гражданского законодательства, в котором не было установлено определенных критериев для их разграничения.

Вторую позицию в области рассматриваемых категорий выдвинул К. Н. Анненков, который утверждал, что вред может быть причинен как вследствие уменьшения имущества, так и вследствие нарушения других благ потерпевшего: жизни, здоровья, чести и т. д. [1, с. 212]. То есть представили этой точка зрения дефиницию «вред» предлагали понимать в двух аспектах: (1) вред, причиненный имущественным объектам, и (2) вред, причиненный неимущественным субстанциям.

Третья точка зрения на содержание вреда была высказана магистром права К. Д. Кавелиным, который утверждал, что вред может быть причинен только личности, а понимать под ним необходимо «последствия нарушения, отразившиеся непосредственно на физической личности того, к кому нарушение относится. Сам по себе вред, нанесенный лицу, не подлежит имущественной оценке» [5, с. 602 – 603].

В современной юридической науке указанная проблема остается в центре внимания, вызывает многочисленные дискуссии. Различные авторы представляют

разнообразные точки зрения, поскольку законодательство неоднозначно использует эти термины. Однако в российском гражданском праве общепризнано, что категория вреда должна рассматриваться в качестве конкретного события или действия, в результате которого причинены негативные или неблагоприятные последствия, которые могут затронуть здоровье, имущественные и неимущественные права или интересы лиц [2, с. 103].

То есть вред может быть материальным, физическим и моральным. В отдельных исследованиях в Кыргызской Республике отмечается, что возможны различные виды вреда, которые могут быть причинены лицу в результате незаконного поведения (например, уголовного, административного или дисциплинарного) [4, с. 219]. Между тем и в гражданском праве России и Киргизии делают различия между терминами «вред» и «убытки». Под последним понятием понимают не просто вред, а денежное выражение имущественных потерь кредитора, которые уже произошли или могут произойти в будущем. Поэтому дефиниции «вред» и «убытки» соотносятся между собой как родовое и видовое понятие, и не являются синонимами. Термин «убытки» используется в контексте нарушений договорных обязательств, в то время как дефиниция «вред» используется для описания негативных последствий в рамках внедоговорных отношений. Убытки включают в себя как непосредственный (реальный) ущерб от деяния, так и упущенную выгоду. Более того, возмещение убытков обычно имеет материальный и измеримый характер [8, с. 79].

Среди цивилистов РФ есть представители, которые не разграничивают между собой исследуемые дефиниции. Так, согласно мнению А. В. Милохавой, понятие «вред» и «убытки» можно рассматривать как равнозначные [10, с. 10].

Последователи третьего направления в науке полагают, что понятие вреда более широкое по отношению к убыткам. В частности Н. С. Малеин, включает в категорию вреда все отрицательные последствия нарушения права, в том числе возможные убытки и потери [7, с. 51]. Это мнение находит свое отражение и в законодательстве, так Гражданский кодекс Кыргызской Республики (далее – ГК Киргизии) содержит ст. 16, а в гражданском праве РФ существует аналогичная ст. 151 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), которые направлены на компенсацию морального вреда, то есть неимущественных потерь пострадавшего, если ему причинены нравственные и физические страдания. Таким образом, понятие вреда действительно шире по своему содержанию, так как охватывают не только имущественные потери, но и неимущественный вред.

Оценивая содержание гражданского законодательства Российской Федерации и Кыргызстана в части возмещения вреда, необходимо признать, что оно сильно похоже и в большинстве случаев совпадает и терминологически и по смыслу. Такой факт легко объясним. Во-первых, в основе правопорядков обеих государств лежит гражданское право СССР, частью которого когда-то были эти страны. И, во-вторых, нормативной основой их цивилистики является Модельный Гражданский кодекс, как рекомендательный законодательный акт Содружества Независимых Государств, который был принят в

г. Санкт-Петербурге 29.10.1994 на 5-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ.

Именно поэтому нормы рассматриваемого в настоящей статье института построены и в России, и Киргизии по пандектной системе, то есть имеют общую и особенные части. Так, ст. 14 ГК Киргизии и ст. 15 ГК РФ устанавливают общие принципы ответственности за причинение вреда, само понятие убытков и их виды (реальный ущерб и упущенная выгода). Затем эти нормы конкретизируются в разделах «Обязательственное право» (для РФ это ст. ст. 393 – 394 ГК РФ, а для Кыргызстана – ст. ст. 358 – 359 ГК Киргизии), а также в главе 59 «Обязательства вследствие причинения вреда» ГК РФ и соответственно главе 51 ГК Киргизии в отношении регулирования деликтных обязательств в этой стране.

Анализируя нормы права Российской Федерации и Кыргызской Республики, следует отметить отсутствие в их содержании определения понятия «вред» и ясного разграничения между дефинициями «вред» и «убытки». Однако Россия решает эту проблему посредством принятия разъяснительных актов Верховного Суда РФ. Так, в определении Верховного Суда РФ от 26.08.2014 № 81-КГ14-10 был истолкован термин «вред», а именно под ним предложено понимать всякое умаление охраняемого законом материального или нематериального блага, любое неблагоприятное изменение в охраняемом законом блага, которое может быть имущественным или неимущественным (нематериальным).

Позднее в п. п. 13 – 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ» более подробно, чем в ст. 15 ГК РФ, было разъяснено содержание понятия «убытки», как совокупности реального ущерба и упущенной выгоды. Эти категории получили следующее определение:

– реальный ущерб – утрата или повреждение имущества, а также расходы, которые произведены (или будут произведены в будущем) лицом, право которого нарушено, для его восстановления;

– упущенная выгода – неполученные доходы, которые лицо, которому причинен вред, могло бы получить при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Во-первых, законодательство России и Киргизии в сфере вопросов возмещения вреда значительно совпадает текстуально, терминологически и по смыслу, что объясняется общим прошлым и единой нормативной основой. Эти факты сближают и научные цивилистические взгляды ученых указанных государств. В совокупности перечисленные обстоятельства, на наш взгляд, создают возможность формирования единого унифицированного гражданско-правового источника (международного договора или соглашения) между этими странами или даже на всем постсоветском пространстве. И, во-вторых, Кыргызская Республика могла бы воспользоваться опытом России и решить проблему толкования гражданско-правовых категорий путем разъяснения их содержания в актах высшего суда или судов этого государства.

Библиографический список

1. Анненков К. Н. Система русского гражданского права. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1899. 672 с.
2. Гражданское право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция»/ под научной редакцией Р. А. Курбанова, Т. В. Дерюгиной, А. Н. Кузбагарова: под общ. ред. Н. Д. Эриашвили, А. В. Тумакова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 743 с.
3. Иловайский И. Б. Правовое регулирование брачно-семейных отношений с иностранным элементом: учебно-методическое пособие / И. Б. Иловайский; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2022. 169 с.
4. Исираилова А. Т. Понятие гражданско-правовой ответственности и ее сущность // Вестник Кыргызского государственного университета строительства, транспорта и архитектуры им. Н. Исанова. 2015. № 4 (40). С. 217 – 221.
5. Кавелин К. Д. Избранные произведения по гражданскому праву. М., 2003. С. 722 с.
6. Лейст О. Э. Понятие ответственности в теории права // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 1994. № 1. С. 31 – 37.
7. Малеин Н. С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях / отв. ред.: Лаптев В. В. М.: Наука, 1968. 207 с.
8. Мамажанов К. С., Согаева Л. И. Гражданское право Кыргызской Республики: общая часть. Курс лекций. Бишкек: «Маданият», 2012. 511 с.
9. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2000. 829 с.
10. Милохова А. В. Гражданско-правовая ответственность вследствие причинения вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 22 с.

ОСОБЕННОСТИ ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НОТАРИУСА

Салова А. С., студент 3 курса юридического факультета

Научный руководитель: Белова О. А., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены отличительные черты деликтной ответственности такого субъекта гражданского оборота как нотариус, охарактеризованы содержание его противоправных действий и порядок возмещения им вреда. Подчеркивается значимость установления вины правонарушителя и сложность ее доказывания. Автор приходит к выводу о том, что особенности деликтной ответственности нотариуса отражают специфику его профессиональной деятельности.

Ключевые слова: гражданское право, внедоговорные обязательства, деликтная ответственность, нотариус.

FEATURES OF TORT LIABILITY NOTARY

Salova A. S., 3rd year student of the Law Faculty

Supervisor: Belova O. A., Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
Volograd Institute of Management, branch of RANEP, Volgograd, Russia

Abstract. This article examines the distinctive features of the tort liability of such a subject of civil turnover as a notary, describes the content of his illegal actions and the procedure for compensating them for harm. The importance of establishing the guilt of the offender and the complexity of proving it is emphasized. The author comes to the conclusion that the peculiarities of the notary's tort liability reflect the specifics of his professional activity.

Keywords: civil law, non-contractual obligations, tort liability, notary.

В Российской Федерации нотариальная деятельность может осуществляться как со стороны государственных нотариусов, так и нотариусов занимающихся частной практикой, то есть частными нотариусами. В связи с этим и ответственность за нарушения в этой сфере будут нести различные субъекты гражданского оборота. В первом случае меры принудительного характера применяются по отношению к государству, так как нотариус будет считаться государственным должностным лицом. Во втором случае к ответственности привлекается сам частнопрактикующий нотариус.

В рамках настоящей небольшой статьи мы предпримем попытку дать анализ особенностям деликтной ответственности именно частных нотариусов.

Деликтная ответственность, в том числе и нотариуса, является разновидностью гражданско-правовой ответственности, которая наступает, как правило, при наличии полного состава гражданского правонарушения. Таким образом, для наступления ответственности необходимо установить следующие условия, входящие в состав гражданского правонарушения: противоправное действие или бездействие лица, не исполнившего (ненадлежащее) исполнившего свою обязанность; наступление вреда (убытков); наличие причинной связи между противоправным поведением лица, нарушившего обязательство, и нанесенным вредом (убытками) и, как правило, наличие вины правонарушителя. В совокупности эти условия образуют состав гражданского правонарушения, являются основанием гражданско-правовой ответственности.

Если применить указанную выше схему состава гражданского правонарушения к особенностям совершаемых нотариусами деликтов, то в силу ст. 17 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденных Постановлением Верховного Совета РФ от 11.02.1993 № 4462-1 (далее – Основы), их противоправные действия (бездействие) возможно систематизировать на следующие группы: во-первых, совершение нотариального действия с нарушением закона; во-вторых, неправомерный отказ в совершении нотариального действия; в-третьих, разглашение сведений о совершенных

нотариальных действиях; в-четвертых, действия двух и более нотариусов, приведшие к признанию сделки недействительной, в случаях удостоверения таковой двумя и более нотариусами; в-пятых, нарушения требований к хранению нотариальных документов, установленных правилами нотариального делопроизводства.

Первое из указанных выше противоправных действий касается профессионализма работников нотариата. Оно совершается нечасто, но как справедливо отмечает А. В. Телегина, нередко нотариальные правонарушения остаются незамеченными, что обусловлено отсутствием надлежащего контроля за деятельностью нотариусов и эффективного результата применяемых по отношению к ним мер воздействия. Это порождает за собой такое неблагоприятное последствие как беззащитное положение лиц, обратившихся за получением нотариальных услуг [6, с. 80].

Отказ в совершении нотариального действия возможен, но для привлечения нотариуса к ответственности он должен обладать таким свойством как неправомерность. Это понятие на практике является весьма неоднозначным и может быть по-разному истолковано в каждом конкретном случае. Так, в производстве Снежинского городского суда Челябинской области находилось дело, в котором истец требовал признать отказ в выдаче доверенности незаконным. Его основанием послужило возникшее у нотариуса сомнение в дееспособности доверителя, который не имел возможности говорить и писать, вследствие чего не способен был выразить волеизъявление ни в какой доступной форме. Дело рассматривалось в двух инстанциях с разными результатами, однако при вынесении окончательного вердикта действия нотариуса были признаны правомерными [7, с. 152].

Сущность третьего незаконного деяния нотариуса заключается в разглашении сведений, полученных при осуществлении профессиональных обязанностей. Особенность таких случаев выражается в том, что информации о привлечении нотариусов к ответственности за такие правонарушения фактически отсутствует. Мы считаем, что это вызвано сложностью доказывания соот-

ветствующего факта нарушения, а также тем, что нотариусы надлежащим образом исполняют обязанность по сохранению тайны.

Деликтная ответственность может возникать и у двух нотариусов одновременно в случае, например, совместного удостоверения ими сделки. Как отмечает Е. Н. Агибалова, урегулирование законодателем особенностей имущественной ответственности нотариусов при совершении таких сделок представляется своевременным и адекватным [2, с. 125]. Названным правоотношением присуща солидарность, означающая возможность обращения лицом, законные интересы которого были нарушены признанием сделки недействительной, к двум нотариусам одновременно либо к одному из них с целью возмещения вреда. Однако законодатель определяет, что не всегда ответственность несут оба нотариуса, например, если положения нормативно-правовых актов были не соблюдены только одним из них, то ответственность должно нести только это лицо. Я. Д. Игуменова указывает на проблему привлечения к ответственности нотариусов при удостоверении ими такой сделки, так как не урегулирован вопрос относительно территориальной подсудности в случае, если вред причинен двум сторонам сделки [3, с. 72].

Нотариус несет ответственность не только за деликт, возникший в результате конкретно его действий, но и за нарушение, явившееся последствием деятельности его работников. Это свидетельствует о том, что нотариус в правоотношениях выступает не только как субъект, оказывающий соответствующие услуги, но и как работодатель.

В ст. 401 Гражданского кодекса РФ установлено, что лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности. Поэтому для применения мер ответственности к нотариусу необходимо в обязательном порядке установить его вину. В литературе неоднократно выражалось сожаление, что законодатель не закрепил более подробные формы вины, известные отечественной цивилистике [2, с. 126], что применительно к ответственности нотариуса усложняет процесс доказывания именно его виновности. Так, В. М. Лемякина делает акцент на том, что в большинстве случаев наличие добросовестного заблуждения относительно каких-либо фактических обстоятельств дела выступает в качестве основания для отказа в привлечении к ответственности частнопрактикующего нотариуса [4, с. 145].

Этот довод хорошо подтверждает следующий пример из судебной практики. Благовещенским городским судом было отказано в удовлетворении требований о привлечении к ответственности нотариуса за ненадлежащее исполнение им своих профессиональных обязанностей. В этом деле истец считал, что ответчик ненадлежащим образом установил личность лица, обратившегося с целью выдачи доверенности, так как не обратил внимания на то, что представленное удостоверение являлось поддельным, в результате чего возник реальный ущерб для заявителя. Однако суд отклонил такой довод, сославшись на то, что у нотариуса не имелось сомнений по поводу подлинности документа, удостоверяющего личность, при совершении нотариального действия, поскольку для выявления его поддельности, необходимо было использовать специальные технические средства, которыми нотариус не обладает. В связи с чем, отсутствует его вина и причинная связь с последствиями в виде утраты истцом права собственности на квартиру.

Особенностью гражданско-правовой ответственности нотариуса является и порядок возмещения им вре-

да. В ст. ст. 17, 18 и 18.1 Основ определяется несколько способов компенсации вреда, причиненных физическому или юридическому лицу неправомерными действиями нотариуса. Первым способом выступает страховое возмещение, предусмотренное в рамках договора, заключенного с целью страхования гражданской ответственности нотариуса. Главным условием действия указанного метода является достаточность страхового возмещения для покрытия соответствующего ущерба. Использование второго способа необходимо при наличии такого обстоятельства, как нехватка средств, в результате чего производится компенсация за счет страховой суммы, установленной договором коллективного страхования ответственности нотариуса. Аналогично условиям применения второго метода используется третий способ – возмещение причиненного вреда за счет личных средств нотариуса, а в случае недостаточности его имущества – за счет средств компенсационного фонда Федеральной нотариальной палаты. Е. Н. Агибалова справедливо заметила, что с учетом всех потенциально возможных объектов для взыскания трудно себе представить ситуацию, чтобы имущественный вред, причиненный российским нотариусом, не был возмещен [1, с. 139; 2, с. 131].

Действительно, нотариус, осуществляющий в частном порядке нотариальную деятельность, должен обязательно ее застраховать и тем самым минимизировать объемы своей ответственности. Е. И. Соколова подчеркивает ограниченный характер выбора организации, с которой будет заключен страховой договор, потому что ей может выступать только та компания, которая прошла аккредитацию в Федеральной нотариальной палате [5, с. 140].

Таким образом, деликтная ответственность нотариуса обладает специфическими чертами, отражающими в ней профессиональную окраску их основной деятельности.

Библиографический список

1. Агибалова Е. Н. Деликтная ответственность нотариуса: по материалам судебной практики // Государство, право и общество: вопросы теории и практики: сборник материалов III Всероссийской с международным участием научно-практической конференции (г. Сочи, 27 – 28 октября 2022 г.) / отв. ред. А. Ю. Яковлева-Чернышева. Киров: Изд-во МЦИТО, 2022. С. 135 – 141.
2. Агибалова Е. Н. Специфика деликтной ответственности нотариуса в Российской Федерации: основные выводы из анализа судебной практики // Юридическая ответственность и цифровизация: проблемы права и процесса: монография / В. В. Долинская, Т. В. Ефимцева, Е. В. Мищенко [и др.]. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2023. С. 111 – 135.
3. Игуменова Я. Д. Проблематика удостоверения сделки двумя и более нотариусами // Вестник науки. 2022. Т. 2. № 4 (49). С. 68 – 73.
4. Лемякина В. М. Вина как основание ответственности нотариуса // Глаголь правосудия. 2013. № 1 (5). С. 144 – 145.
5. Соколова Е. И. Имущественная ответственность нотариусов // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 4 (34). С. 138 – 141.
6. Телегина А. В. Проблемы юридической ответственности нотариуса // Вестник науки. 2020. Т. 3. № 4 (25) С. 79 – 83.
7. Щепетнова Д. С., Иловайский И. Б. Перспективы развития нотариального удостоверения семейно-правовых соглашений в Российской Федерации // Актуальные проблемы частного и публичного права: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Волгоград, 30 октября 2020 года. Выпуск 13. Волгоград: Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 151 – 154.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА О СПОСОБАХ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПРИЧИНЕННОГО ВРЕДА В НАТУРЕ: ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ВЕЩИ ТОГО ЖЕ РОДА И КАЧЕСТВА ИЛИ ИСПРАВЛЕНИЕ ПОВРЕЖДЕННОЙ ВЕЩИ

Тулаев В. А., аспирант 1 курса юридического факультета
Научный руководитель: Агibalова Е. Н., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены особенности возмещения причиненного вреда в натуре посредством применения судами ст. 1082 ГК РФ в различных обстоятельствах дел. В качестве основы для исследования автором были выделены пять дел, которые являются ключевыми при определении специфики возмещения вреда в натуре. В заключение сделаны выводы, раскрывающие специфику возмещения вреда в натуре.

Ключевые слова: возмещение вреда в натуре, предоставление вещи того же рода и качества, исправление поврежденной вещи, судебная практика, обязательства, исковые требования.

JUDICIAL PRACTICE ON WAYS TO COMPENSATE FOR DAMAGE IN KIND: PROVIDING A THING OF THE SAME KIND AND QUALITY OR CORRECTING A DAMAGED THING

Tulaev V. A., 1st year graduate student of the Law Faculty
Supervisor: Agibalova E. N., Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
Volograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Abstract. This article examines the specifics of compensation for harm in kind through the application by courts of Article 1082 of the Civil Code of the Russian Federation in various circumstances of cases. As a basis for the study, the author identified five cases that are key in determining the specifics of compensation for harm in kind. In conclusion, conclusions are drawn that reveal the specifics of compensation for harm in kind.

Keywords: compensation for harm in kind, provision of a thing of the same kind and quality, correction of a damaged thing, judicial practice, obligations, claims.

В настоящее время законодателем в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) определены и сформулированы способы возмещения вреда лицом, которое несет ответственность за причинение вреда.

Закон устанавливает исключительно два альтернативных способа возмещения причиненного вреда – возмещение вреда в натуре и возмещение убытков. Следует отметить, что последний способ является наиболее применимым в судебной практике. Между тем, по мнению автора настоящей статьи, наибольший интерес для исследования представляет возмещение вреда в натуре.

Согласно ст. 1082 ГК РФ, возмещение вреда в натуре включает в себя открытый перечень действий, то есть законодатель как конкретизировал определенные варианты – предоставление вещи того же рода и качества, исправление поврежденной вещи, так и предусмотрел возможность совершения иных действий.

Правовая конструкция ст. 1082 ГК РФ предполагает, что выбор способа возмещения вреда предоставлен суду, поскольку «суд в соответствии с обстоятельствами дела обязывает лицо, ответственное за причинение вреда». Иначе говоря, потерпевшая сторона располагает двумя альтернативными способами, но суд, удовлетворяя требование о возмещении вреда и опираясь на фактические обстоятельства по делу, решает, какой из способов применим в конкретном случае.

Данный тезис находит свое отражение и в научной среде. Так, А. А. Громов считает, что «приведенная редакция подразумевает, что выбор между возмещением

вреда в натуре и взысканием убытков зависит не исключительно от воли потерпевшего, не только от факта причинения вреда, но и обусловлен фактическими обстоятельствами дела» [1].

Способ возмещения вреда в натуре не так часто применяется в судебной практике, поскольку обстоятельства того или иного дела не всегда дают суду возможность применения данного способа с точки зрения реальности возмещения вреда в натуре и необходимости учитывать публичный интерес, целесообразность и эффективность средства защиты [3].

Интерес к исследуемому способу возмещения вреда вызван разнообразной судебной практикой. Как правило, и юристы, и судьи плохо представляют себе то, как данный иск должен рассматриваться, в каких случаях он должен отклоняться и, что не менее важно, как данное решение будет исполняться [4, с. 211]. Анализ судебной практики показывает, что можно выделить пять различных категорий дел, представляющих интерес для темы, посвященной возмещению вреда в натуре.

Первая категория характеризуется, прежде всего, уникальностью поврежденного объекта. Позиция судебной практики по данному вопросу является однозначной и не позволяет применять по ст. 1082 ГК РФ такой способ возмещения вреда как предоставление вещи того же рода и качества, поскольку уникальный и единственный в своем роде объект в реальности не представляется возможным заменить такой же вещью, а одной из задач судопроизводства является справедливое судебное разбирательство, обусловленное правильным применением

норм материального права. В таком случае вред, который был причинен, может быть возмещен по ст. 1082 ГК РФ, но посредством такого способа как взыскание причиненных убытков.

В качестве примера представляется целесообразным отметить дело, рассматриваемое арбитражным судом Северо-Кавказского округа, в котором предметом искового требования являлось возмещение вреда, причиненного археологическому комплексу, находившемуся под государственной охраной. Проанализировав фактические обстоятельства дела, кассационная инстанция, подтвердив выводы первой и апелляционной инстанций, пришла к выводу о том, что объект археологического наследия не может быть возмещен в натуре посредством замены вещью того же рода или качества в силу его уникальности (речь шла об археологическом комплексе «Городище Горгишпа, некрополь» (V век до н. э. – II век до н. э.)) (*постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 06.02.2013 № Ф08-8135/12 по делу № А32-26981/2010*).

Мы полагаем, что вывод суда о применении такого способа как возмещение вреда посредством возмещения причиненных убытков, а не замены вещью того же рода и качества, является законным, справедливым и обоснованным. Так, в результате причинения вреда лица, виновные в этом, по решению суда наделены обязанностью возместить стоимость мероприятий, которые необходимы для того, чтобы сохранить объект археологического наследия. Важно подчеркнуть, что указанные мероприятия прямо установлены законодателем в качестве способа, позволяющего восстановить право, которое было нарушено.

Возмещение вреда в натуре не применяется судами и в случае невозможности предоставить вещь того же рода и качества, исходя из ее существования в единственном экземпляре.

Вторая категория дел основана на том, что предмет исковых требований определен неточно, а именно – не установлено, в отношении какого имущества заявлено требование о возмещении вреда в натуре.

Обращает на себя внимание ситуация, в рамках которой кассационная инстанция подтвердила позицию первой и апелляционной инстанции при рассмотрении искового заявления «об обязании ответчика восстановить демонтированный им железнодорожный путь своими силами и за свой счет, сдать восстановленный путь предприятию в порядке, установленном законом, по акту с участием компетентных служб» (*постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 11.07.2012 № Ф10-2152/12 по делу № А09-2773/2011*). Все три инстанции при разрешении дела по существу опирались на соответствие фактическим обстоятельствам дела. Истец посчитал необходимым выбрать в качестве способа возмещения вреда восстановление положения, которое было до того, как был причинен вред его имуществу. Опираясь на выбранный способ возмещения вреда, истец указал, что необходимо осуществить исправление поврежденной вещи, а значит обязать ответчика восстановить железнодорожный путь. Между тем, исходя из установленных судами обстоятельств, истец не представил какие-либо документы (а именно технический паспорт, план и продольный профиль, чертежи спорного сооружения), индивидуализирующие часть железнодорожного пути, который необходимо было восстановить. Существенным обстоятельством для судов стало несоответствие нормативной базы, регулирующей правила эксплуатации и обслуживания железных дорог, и предоставленных истцом документов.

Анализ указанного судебного решения демонстрирует, что использование такого способа возмещения вреда в натуре как исправление поврежденной вещи представляется возможным в случае, при котором истцом четко определено имущество, которое необходимо восстановить до состояния причинения вреда. При этом необходимо предоставить суду все документы, которые позволили бы определить границы работ по восстановлению имущества до прежнего состояния.

Третья категория дел касается такого аспекта при возмещении вреда в натуре как реальность исправить поврежденную вещь.

Показательным является дело, в рамках которого ответчик на приобретенном земельном участке осуществил демонтаж тепловых сетей, которые находились в собственности истца, в связи с чем истец в качестве средства защиты нарушенного права требовал возместить вред в натуре посредством исправления поврежденной вещи. В рамках первой инстанции истец не обосновал и не привел доказательств, которые способствовали подтверждению того, что у ответчика существует техническая возможность восстановить тепловые сети самостоятельно. Помимо этого, отдельно было указано, что требования истца являются чрезмерными, поскольку демонтированная ответчиком тепловая сеть была введена более 20 лет назад и длительное время не использовалась, при этом не указано, в каком состоянии тепловая сеть находилась в момент, когда ответчик осуществил демонтаж. Исходя из указанных обстоятельств и учитывая, что тепловая сеть является сложным объектом недвижимого имущества, а строительство, монтаж и установка должны осуществляться строго по установленным правилам, требование истца о применении в данном случае возмещения вреда в натуре не соответствует гражданскому законодательству. Все три инстанции в рамках рассмотрения дела пришли к выводу о том, что ст. 1082 ГК РФ предусматривает возмещение вреда путем передачи вещи, определяемой родовыми признаками, тогда как предмет спора не был охарактеризован такими признаками (*постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 08.06.2012 № Ф04-2491/12 по делу № А03-9488/2011*).

В свете проанализированной судебной практики, думается целесообразным отметить позицию Д. В. Дождева, который считает, что факт возникновения исковых требований, основанных на нереальности, связан с тем, что «переход к рыночному хозяйству подорвал позиции принципа реального исполнения» [2].

В целом, приведенное дело является показательным не только с точки зрения неверного способа защиты нарушенного права, но и с позиции недостаточной аргументации правовой позиции истца. В рамках требования возмещения вреда в натуре необходимо охарактеризовать родовые признаки вещи, которую необходимо восстановить. При этом процесс восстановления вещи должен быть реальным для ответчика и соответствовать его возможностям.

Четвертая категория дел, на которую стоит обратить внимание при анализе судебной практики относительно возмещения вреда в натуре, касается создания в результате исполнения решения суда нового уникального объекта.

Правительство Москвы и ЗАО «Белимар» незаконно осуществили снос нежилого двухэтажного здания, которое считалось памятником архитектуры. Посредством искового заявления Федеральное агентство по управлению государственным имуществом обратилось в Арбитражный суд города Москвы с требованием восста-

новить незаконно снесенное двухэтажное здание, являющееся памятником культуры (*постановление Президиума ВАС РФ от 30.11.2010 № 10478/10*).

На наш взгляд, при разрешении данного дела судом было учтено несколько ключевых факторов.

Прежде всего, при применении ст. 1082 ГК РФ суды указали, что при определении своего требования истец должен учитывать, что суд может принять решение исключительно в рамках заявленных требований. Иначе говоря, если истец не заявляет требование о возмещении причиненных убытков, то суд не обладает основаниями применить к ответчику данную меру гражданско-правовой ответственности. В рамках рассматриваемого дела, истец требовал возмещения вреда в натуре, однако удовлетворение данного требования не представлялось возможным. При этом принудить ответчика возместить причиненные убытки суд не обладает правомочием. Подобные обстоятельства не позволили истцу возместить причиненный ущерб.

Также следует обратить внимание на следующую позицию судов, раскрывающую возмещение вреда в натуре ввиду открытого перечня действий. В рамках рассматриваемого дела истец заявил в качестве способа возмещения вреда в натуре создание и передачу нового объекта. Суды указали, что ст. 1082 ГК РФ не предполагает создание нового объекта с целью возмещения вреда. Важным аспектом при определении искового требования является то, что истец должен учитывать, что возмещение вреда осуществляется посредством передачи вещи, обладающей родовыми признаками. Следовательно, если речь идет об уникальной вещи, каковым является памятник архитектуры, то передать вещь того же рода и качества не представляется возможным. При этом важно учитывать и то, что, по мнению судов, нецелесообразность применения рассматриваемого способа возмещения вреда связана с тем, что памятник был снесен в момент, когда он находился в разрушенном состоянии. Соответственно требование истца о восстановлении не корректно; восстановление памятника по факту представляет собой создание нового объекта, поскольку восстановить его до прежнего аварийного состояния не представляется возможным.

В 2020 году судом кассационной инстанции было рассмотрено схожее дело, в рамках которого суды указали, что «спорный объект на момент рассмотрения спора уничтожен, его восстановление в прежних границах невозможно»; следовательно, возмещение вреда в натуре предполагает создание нового объекта, что противоречит правилам, установленным законодателем в ст. 1082 ГК РФ (*постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19.02.2020 № Ф08-171/20 по делу № А53-13770/2019*).

Приведенные положения судебной практики позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на открытый перечень действий при возмещении вреда в натуре, речь не идет о создании нового объекта, поскольку законодатель определил необходимость соответствия возмещенной вещи родовым признакам поврежденной вещи. В случаях если истец в своих исковых требованиях настаивает на необходимости предоставить исправленную вещь, которая была полностью разрушена, то такой способ защиты нарушенного права будет признан судом неправомерным.

Пятая категория дел, которая была проанализирована автором настоящего исследования, связана с возложением на лицо, причинившее вред, обязанности по восстановлению поврежденной вещи и проведению ком-

плекса действий, способствующих ее ремонту.

В одном конкретном деле ответчик причинил вред имуществу истца, в результате чего были созданы препятствия в осуществлении истцом права собственности. При удовлетворении требований истца суды ссылались на положения ст. 304 ГК РФ и 1082 ГК РФ, указав, что «на лицо, ответственное за причинение вреда, может быть возложена обязанность возместить вред путем проведения мероприятий по ремонту и восстановлению поврежденных конструкций здания» (*постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 13.08.2013 № Ф09-7724/13 по делу № А60-22571/2012*).

Таким образом, из проведенного анализа судебной практики следует сделать пять выводов, касающихся возмещения вреда в натуре как способа возмещения вреда, предусмотренного ст. 1082 ГК РФ. Во-первых, если речь идет об уникальности поврежденного предмета, то возмещение вреда в натуре не может быть применено судом, поскольку нарушается основной принцип данного способа, а именно – предоставление вещи того же рода и качества.

Во-вторых, в случае, когда истцом не определено имущество, подлежащее восстановлению, возникает сложность в возложении обязанности ответчика исправить конкретную вещь.

В-третьих, суды учитывают принцип реальности выполнения решения суда, поскольку исправление поврежденной вещи, которая по своей сущности является сложной и требует профессиональных знаний для ее восстановления, невозможно для ответчика. Иначе говоря, требование истца о возмещении вреда в натуре должно быть выполнимым со стороны ответчика.

В-четвертых, правила применения положений ст. 1082 ГК РФ не позволяют судам удовлетворять требование истца о создании нового уникального объекта в рамках возмещения вреда в натуре, поскольку это противоречит обязанности передачи вещи, обладающей родовыми признаками поврежденной вещи.

В-пятых, в рамках реализации требований истца о возмещении вреда в натуре на лицо, причинившее вред, суды как правило возлагают обязанность осуществить комплекс действий, позволяющих отремонтировать вещь и восстановить ее до того состояния, в котором она была до повреждения.

Библиографический список

1. Громов А. А. Комментарий к ст. 1082 ГК РФ в части требования о возмещении вреда в натуре // Вестник гражданского права. 2022. Т. 22. № 6. С. 149 – 196.
2. Дождев Д. В. Исполнение обязательства в натуре: возрождение договорной дисциплины в постсоветском обязательственном праве или новое определение ценности обязательства // Проблемы постсоветской теории и философии права: перспективы свободного общества: сборник статей, Москва, 20 апреля 2018 года / Московская высшая школа социальных и экономических наук. Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2018. С. 90 – 129.
3. Ерохова М. А., Усачева К. А. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения // Вестник ВАС РФ. 2013. № 8. С. 90 – 116.
4. Карапетов А. Г. Соотношение требования о взыскании убытков с иными средствами защиты прав кредитора // Убытки и практика их возмещения: сборник статей / Издательский центр частного права. Москва: ООО «Издательство «СТАТУТ», 2006. С. 202 – 277.

ПОПИРАНИЕ АБСОЛЮТНОГО ПРАВА: КАК СУДЕБНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО СПОСОБСТВОВАЛО СНИЖЕНИЮ РАЗМЕРОВ КОМПЕНСАЦИИ ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Яковлев Н. Ю., аспирант 3 курса юридического факультета
Научный руководитель: Кожемякин Д. В., кандидат юридических наук
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья рассматривает нарушение исключительного права как разновидность деликта, подчеркивая соответствие его элементов классическим составляющим деликта. Подробно анализируется судебное правотворчество, создавшее различные разновидности возможности снижения размера компенсации за нарушение исключительного права.

Ключевые слова: компенсация, исключительное право, деликтное право, размер компенсации.

THE TRAMPLING OF AN ABSOLUTE RIGHT: HOW JUDICIAL LAW-MAKING HAS CONTRIBUTED TO THE REDUCTION OF COMPENSATION FOR INFRINGEMENT OF AN EXCLUSIVE RIGHT

Yakovlev N. U., 3rd year graduate student of the Law Faculty
Supervisor: Kozhemyakin D. V., Candidate of Sciences (Law)
Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia

Abstract. The article considers the infringement of exclusive right as a kind of tort, emphasizing the correspondence of its elements to the classical components of the tort. Judicial law-making, which created different varieties of the possibility of reducing the amount of compensation for the violation of exclusive right, is analyzed in detail.

Keywords: compensation, exclusive right, tort law, amount of compensation.

Нарушение исключительного права правообладателя на созданные им или принадлежащие ему результаты интеллектуальной деятельности можно считать разновидностью деликта.

Однако ключевое различие между деликтом в традиционном понимании этого понятия и нарушением интеллектуальных прав состоит в наличии нескольких вариативных способов защиты последнего.

Совокупное толкование ст. ст. 12, 15 и 1252 ГК РФ позволяет сделать вывод, что защита нарушенного исключительного права может осуществляться несколькими способами, которые будут релевантны в зависимости от характера совершенного правонарушения. В частности, к способам защиты прав законодатель отнес следующие: (1) признание права; (2) пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; (3) возмещение убытков; (4) изъятие материального носителя; (5) публикация решения суда о допущенном нарушении с указанием действительного правообладателя.

Кроме того, ключевое отличие, определяющее защиту исключительного права, заключается в том, что положения ст. 1252 ГК РФ позволяют правообладателю требовать от правонарушителя уплаты компенсации вместо возмещения убытков. Нельзя не согласиться в данном случае с мнением Л. А. Новоселовой, которая подчеркивает, что возмещение компенсации по существу упрощает имущественные потери лица при условии, если невозможно определить точный размер убытков, либо факт несения этих убытков [3, с. 50].

На сегодняшний день требование, касающееся выплаты компенсации как способа защиты нарушенных исключительных прав, практически полностью заменило

взыскание убытков. В отношении большинства объектов интеллектуальной собственности законодателем предусмотрены три метода расчета размера компенсации: 1) компенсация в диапазоне от 10 тысяч до 5 миллионов рублей; 2) компенсация, равная двукратному размеру стоимости контрафактных экземпляров; 3) компенсация в размере, эквивалентном двукратной стоимости права на использование объекта.

В большинстве случаев, которые связаны с нарушением интеллектуальных прав, преимущественно применяется первый из перечисленных методов расчета. Второй и третий из них накладывают на правообладателя более значительное бремя доказывания, так как требуют, например, представления в суде доказательств стоимости контрафактного товара.

Оценка судами размера компенсации в спорах, в которых размер компенсации заявлен в твердой сумме в диапазоне от 10 тысяч до 5 миллионов рублей, в силу прямого на то указания в абз. 2 п. 3 ст. 1252 ГК РФ производится в зависимости «от характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований разумности и справедливости».

При рассмотрении дела суд не имеет права присуждать компенсацию в размере, который превышает заявленную истцом сумму, поскольку в этом случае суд выходит за пределы иска. Поэтому положения абз. 2 п. 3 ст. 1252 ГК РФ, на наш взгляд, следует толковать как право суда снижать размер присуждаемой компенсации по итогу судебного спора.

Поскольку законом был установлен нижний предел компенсации в размере 10 000 рублей, на практике возникали спорные ситуации относительно, например, кумулятивной охраны одного результата интеллектуаль-

ной деятельности разными институтами права интеллектуальной собственности [1, с. 46; 2, с. 24]. В частности, ярким примером такой кумулятивной охраны служит регистрация товарного знака с изображением персонажа из мультитипикационного фильма. В таких случаях, продажа товаров с подобным изображением образует уже, как минимум, два нарушения: нарушение права на товарный знак и нарушение исключительного права на аудиовизуальное произведение. Первое нарушение касается права на товарный знак, который может быть зарегистрирован на изображение персонажа. Второе нарушение, соответственно, связано с нарушением исключительного права на аудиовизуальное произведение, в котором этот персонаж впервые появился.

Ситуации с «перевесом» в пользу правообладателя возникали и ввиду того, что первоначальная редакция п. 3 ст. 1252 ГК РФ не содержала имеющегося ныне абзаца 3, позволяющего судам снизить размер компенсации, если одним действием нарушителя нарушены права на несколько объектов интеллектуальной собственности, которые принадлежат одному и тому же правообладателю.

В 2014 году законодатель внес изменения в Гражданский кодекс РФ, чтобы решить возникшие правоприменительные проблемы. Эти изменения позволили судам снижать компенсацию ниже 10 000 рублей, но не более чем на 50 % от этой суммы, в случаях, когда одно нарушение затрагивает несколько объектов интеллектуальной собственности одного правообладателя. Это был первый шаг к формированию практики снижения размера компенсации ниже, чем это было установлено законом. Подобная мера, на наш взгляд, была направлена на более гибкое и справедливое рассмотрение дел, учитывающее специфические обстоятельства каждого случая нарушения интеллектуальных прав.

Со временем стало ясно, что внесенные изменения не принесли ощутимых результатов. Преследуя цель сократить количество ситуаций, когда правообладатели требовали компенсацию в размере десятков тысяч рублей за продажу контрафактной продукции, стоимость которой не превышает пары сотен рублей, Конституционный Суд РФ встал на защиту индивидуальных предпринимателей, предоставив второй вариант снижения компенсации ниже низшего предела, даже ниже, чем 50 % от минимального размера компенсации. В постановлении Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П (далее – Постановление № 28-П) были сформулированы условия, позволяющие снизить размер: (1) когда величина возмещения существенно превышает понесенные убытки правообладателя; (2) если нарушение интеллектуальных прав совершается предпринимателем впервые; (3) если характер нарушения не является грубым; (4) если незаконное использование результатов интеллектуальной деятельности не является существенной составляющей предпринимательской деятельности [5, с. 120].

Указанные критерии предоставили судам возможность снижать размер компенсации за соответствующее нарушение интеллектуальных прав в конкретных ситуациях. Очевидно, что избранная позиция Конституционного Суда РФ была обусловлена необходимостью защиты интересов правонарушителя как более слабой стороны. В особенности, если правонарушителем выступает индивидуальный предприниматель, который отвечает по обязательствам всем своим имуществом.

Однако впоследствии при применении Постановления № 28-П перед судами встал ряд вопросов. Во-первых, распространяются ли условия снижения компенсации ниже, чем 50 % от минимального размера компенсации на юридических лиц, которые, как и индивидуальные предприниматели, осуществляют предпринимательскую деятельность? Во-вторых, возможно ли снижение размера компенсации ниже 50 % в случаях, когда компенсация рассчитана в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров или двукратной стоимости права использования результата интеллектуальной деятельности?

В ответ на эти вопросы Верховный Суд РФ дал соответствующие разъяснения в определении от 25.04.2017 по делу № А40-131931/2014. Верховный Суд подчеркнул, что правила, установленные Конституционным Судом РФ о снижении компенсации до 50 % от минимального размера, могут быть применены не только к индивидуальным предпринимателям, но и к юридическим лицам в целях обеспечения равенства сторон в гражданском процессе. Также Суд уточнил, что компенсация, которая исчисляется на основе двукратной стоимости контрафактного продукта или права использования, может быть снижена лишь в случае предоставления мотивированного заявления со стороны нарушителя прав. По нашему мнению, указанные разъяснения способствуют более точному правоприменению и учитывают интересы всех сторон в спорах о защите интеллектуальной собственности.

Между тем Верховный Суд РФ сделал вышеприведенные выводы в процессе рассмотрения дела, где были нарушены права на один товарный знак. Фактически, суд вышел за рамки Гражданского кодекса РФ и Постановления № 28-П, так как правила о снижении размера компенсации предполагали ее уменьшение только в случае множественных нарушений. То есть Верховный Суд РФ расширил применение указанных правил на случаи с одиночными нарушениями, что потенциально может оказать влияние на дальнейшую практику судебного разбирательства в подобных ситуациях.

Таким образом, правила о снижении размера компенсации ниже низшего предела были существенно расширены Верховным Судом РФ и такое расширение сложно назвать оправданным. Если Постановление № 28-П имело целью защитить экономически более слабых индивидуальных предпринимателей, то представляется не совсем целесообразным распространение таких же условий и на юридических лиц. Кроме того, Верховный Суд РФ отошел от правила о множественности нарушений, согласно которому снижение компенсации ниже установленного предела было возможно лишь в случае, если одним действием нарушались права на несколько объектов интеллектуальной собственности, принадлежащих одному правообладателю [4, с. 92].

Рассматривая генезис вариаций снижения размеров компенсации, нельзя обойти вниманием постановление Конституционного Суда РФ от 24.07.2020 № 40-П. В этом постановлении Конституционный Суд фактически признал, что Постановление № 28-П создало некую неопределенность. В целях внесения правовой ясности, Суд указал, что правовая позиция, содержащаяся в Постановлении № 28-П, носит общий (универсальный) характер, тем самым подтверждая выводы, сформулированные Верховным Судом РФ.

Однако в отношении возможности расширения субъектного состава применения практики снижения компенсации ниже 50 % от минимального размера Конституционный Суд РФ не сформулировал никаких указаний. Отсутствие каких-либо выводов на этот счет лишь усиливает правовую неопределенность. Представляется, что умолчание о таком важном аспекте как распространение возможности снижения размера компенсации ниже 50 % является «молчаливым согласием» на нее со стороны Конституционного Суда РФ.

Необходимо также осветить относительно недавний вывод Суда по интеллектуальным правам, который создал еще один вариант снижения компенсации ниже низшего предела. Рассматривая дело о взыскании компенсации за нарушение прав на 376 изображений товара, Суд по интеллектуальным правам пришел к выводу, что необходимо учитывать их серийный характер. Он отменил вынесенные решения и направил дело на новое рассмотрение (*постановление Суда по интеллектуальным правам от 14.05.2024 по делу № А56-99330/2021*). В результате сумма присужденной компенсации сократилась с 3 760 000 рублей (по 10 000 рублей за одно изображение) до 280 000 рублей (при новом рассмотрении суды установили, что 376 фотографий можно объединить в 28 серий и взыскали компенсацию из расчета 10 000 рублей за одну серию). Истец же изначально заявлял сумму компенсации из расчета 50 000 рублей за одну использованную ответчиком фотографию. Как следует из материалов дела, общее количество фотографий, созданных в рамках договора авторского заказа с фотографом, составляет 685 фотографий.

Фактически, Суд по интеллектуальным правам снизил размер компенсации за одну фотографию до значения в 745 рублей, и при этом ответчиком выступало юридическое лицо.

Снижение размера компенсации воздействует не только непосредственно на размер присуждаемых правообладателю сумм, но и влияет на распределение расходов, понесенных сторонами при рассмотрении спора. В связи с тем, что сумма расходов, возмещаемых сторонами друг другу, зависит от степени удовлетворенности требований, снижая компенсацию, суды отказывают в удовлетворении заявленных истцом требований. Тем самым создавая ситуации, когда размер взыскиваемых ответчиком с истца расходов превышает размер присужденной истцу компенсации.

Для обеспечения баланса интересов высшими судами России был сформулирован следующий подход. Верховный Суд РФ указал, что случаи, когда ответчик при доказанном факте нарушения взыскивает с правообладателя сумму понесенных расходов в размере больше, чем правообладатель получил компенсацию за нарушение его прав, не соответствуют требованиям справедливости (*определение Верховного Суда РФ от 26.02.2020 № 305-ЭС19-26346 по делу № А40-14914/2018*). Позитивно воспринял и поддержал такой подход к распределению расходов и Суд по интеллектуальным правам (*постановление Суда по интеллектуальным правам от 02.07.2021 № С01-1536/2020 по делу № А71-2762/2020*).

Фактически, правоприменительная практика, созданная высшими судами, позволила правообладателю «выйти в ноль» в вопросе о получении компенсации за нарушение исключительного права. «Пчёлы против мёда» – только так можно назвать приведенную выше по-

зицию Суда по интеллектуальным правам относительно серийности. Вместо того, чтобы защищать правообладателей от незаконного использования их интеллектуальной собственности, этот судебный орган своей практикой создает такие условия, когда гражданско-правовая ответственность становится настолько незначительной, что ее наличие ничего не значит.

Некоторые улучшения по изложенной ситуации появились в выводах постановления Конституционного Суда РФ от 28.10.2021 № 46-П. В этом акте было сформулировано следующее положение: «судебные расходы нарушителя не могут быть взысканы с правообладателя, если тот предъявил требование о выплате компенсации в минимальном законном размере, а суд снизил этот размер, опираясь на правовые позиции, выраженные в Постановлении № 28-П». То есть Конституционный Суд РФ сформировал правовую позицию, которая защищает правообладателя, поскольку он наделяется правом предъявлять требование о компенсации в минимальном предусмотренном законом размере, зная, что в случае снижения этого размера судебные расходы ответчика не будут взысканы с него. На наш взгляд, подобный подход способствует более сбалансированному рассмотрению дел об интеллектуальной собственности.

Тем не менее, наличие разнообразных возможностей для судов по уменьшению размера компенсации, даже ниже низшего предела, а также противоречия в подходах, сформулированных высшими судами, создают чрезвычайно большую правовую неопределенность относительно перспектив дела. Более того, снижение размера компенсации чревато тем, что правообладатель, во избежание рисков «выйти в ноль», будет заявлять требование из расчета 10 000 рублей за одно нарушение, чтобы действовали правила, установленные постановлением Конституционного Суда РФ от 28.10.2021 № 46-П. В противном случае правообладатель повторит судьбу истца в деле № А56-99330/2021, когда было заявлено требование о взыскании судебных расходов по итогам рассмотрения дела (расходы составляли 600 000 рублей). Суд сначала снизил их размер до 150 000 рублей, а затем, следуя правилу о пропорциональности, удовлетворил их в размере 2 234 04 рублей.

Подводя итог, мы можем отметить, что в настоящее время судебная практика сформировала множество вариаций для снижения размера компенсации. Ее сущность как способа защиты права практически перестала носить превентивный и штрафной характер. Ситуацию осложняет еще и процессуальное правило о пропорциональности распределения судебных расходов. Таким образом, правообладатели, во избежание рисков, вынуждены рассчитывать размер компенсации исходя из ее низшего предела. Такие подходы не только создали значительный «перекося» баланса интересов, но и существенно, по нашему мнению, нарушают принцип справедливости, поскольку дискреция правообладателя в выборе определения размера компенсации фактически лишена какого-либо выбора, кроме минимального размера. Подобная правовая политика высших судов существенно попирает абсолютное право на объекты интеллектуальной собственности. Все это создает правовой дисбаланс в системе защиты интеллектуальной собственности, поскольку ограничивает возможность правообладателей получать справедливую компенсацию за нарушение их прав. Кроме того, подобная практика может дискредитировать саму систему защиты интеллектуальной собственности.

Поэтому высшим судам необходимо пересмотреть подходы к определению размера компенсации для того, чтобы обеспечить баланс интересов между правообладателями и нарушителями, а также соблюсти принцип справедливости.

Библиографический список

1. Ворожевич А. С. Пересечение прав на товарные знаки, произведения и промышленные образцы // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2017. № 18. С. 45 – 57
2. Елисеев В. И. Проблемы кумулятивной охраны результатов интеллектуальной деятельности // Законодательство. 2017. № 2. С. 22 – 28.
3. Новоселова Л. А. Принцип справедливости и механизм компенсации как средство защиты исключительных прав // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17. № 2. С. 48 – 55.
4. Овчинников И. В. Снижение размера компенсации за нарушение исключительного права: о пределах судебного правотворчества // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 1 (39). С. 89 – 95.
5. Павлова Е. А. Компенсация как мера ответственности за нарушение исключительных прав (продолжение) / Е. А. Павлова, В. О. Калятин, В. А. Корнеев, М. В. Радецкая, Э. А. Евстигнеев, М. А. Кольздорф, А. Е. Туркина, Н. Б. Спиридонова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 3 (37). С. 118 – 210.

ФОТООТЧЕТ О КОНФЕРЕНЦИИ

Фотография № 1. Приветственное слово в адрес почетных гостей и участников конференции.

Слева направо – руководитель организационного комитета и генеральный модератор конференции доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС кандидат юридических наук, доцент **Елена Николаевна Агibalова**; заместитель директора Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС кандидат экономических наук, доцент **Вадим Валериевич Яковенко**; декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС кандидат юридических наук, доцент **Ольга Александровна Сергачева**.

Фотография № 2. Почетные гости и участники конференции.

Слева направо – и. о. исполнительного директора – руководителя Аппарата Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» **Софья Романовна Дерюгина**; председатель Совета Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», адвокат, управляющий партнер Волгоградской коллегии адвокатов «Мейер и партнеры», доцент кафедры юриспруденции Волжского филиала Волгоградского государственного университета кандидат юридических наук, доцент **Олег Александрович Коробов**; консультант отдела организации назначения и осуществления страховых выплат Управления организации страхования профессиональных рисков Отделения Социального фонда Российской Федерации по Волгоградской области **Татьяна Алексеевна Лапинская**.

Фотография № 3. Почетные гости и участники конференции.

Слева направо – доцент кафедры «Право и социально-гуманитарные дисциплины» Волгоградского государственного аграрного университета кандидат юридических наук, доцент **Андрей Николаевич Садков**; профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ **Петр Мартынович Филиппов**.

Фотография № 4. Почетные гости и участники конференции.

Слева направо – адвокат, председатель Сталинградской коллегии адвокатов Адвокатской палаты Волгоградской области **Сергей Степанович Сагумянц**; помощник нотариуса г. Волгограда Т. В. Колосковой **Наталья Алексеевна Каплунова**; нотариус Камышинского района Волгоградской области **Светлана Васильевна Артамонникова**.

Фотография № 5. Почетный гость и участник конференции.

Выступление старшего методиста Нотариальной палаты Волгоградской области кандидата юридических наук **Ирины Александровны Митрофановой**.

Фотография № 6. Почетный гость и участник конференции.

Выступление нотариуса Пушкинского нотариального округа Московской области, члена Комиссии по повышению квалификации нотариусов и помощников нотариусов Московской области Московской областной Нотариальной Палаты **Светланы Владимировны Тарновской**.

Фотография № 7. Почетные гости и участники конференции.

Слева направо – консультант отдела организации назначения и осуществления страховых выплат Управления организации страхования профессиональных рисков Отделения Социального фонда Российской Федерации по Волгоградской области **Татьяна Алексеевна Лапинская**; профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС доктор юридических наук, профессор **Мадина Таукеновна Аширбекова**.

Фотография № 8. Участники конференции.

Слева направо – преподаватель кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС **Лариса Евгеньевна Стрилец**; доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС кандидат юридических наук, доцент **Анна Юрьевна Осетрова**.

Фотография № 9. Участник конференции.

Секретарь организационного комитета конференции ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС **Иван Игоревич Коверченко**.

Фотография № 10. Коллективная фотография участников конференции.

Нотариус Пушкинского нотариального округа Московской области, член Комиссии по повышению квалификации нотариусов и помощников нотариусов Московской области Московской областной Нотариальной Палаты **Светлана Владимировна Тарновская**; руководитель организационного комитета и генеральный модератор конференции доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС кандидат юридических наук, доцент **Елена Николаевна Агибалова**; член организационного комитета и модератор конференции доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС кандидат юридических наук, доцент **Игорь Борисович Иловыйский**; студенческий актив конференции.

Научное издание

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ
(МЕДВЕДЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2024)**

*Сборник материалов международной
научно-практической конференции памяти
Михаила Федоровича МЕДВЕДЕВА
(1925–2011)*

Электронное издание

Процессор Intel® или AMD с частотой не менее 1.5 ГГц
Операционная система семейства Microsoft Windows или macOS
Оперативная память: 2 Гб оперативной памяти
Пространство на жестком диске 11,15 МБайт

Дополнительные программные средства: программа для просмотра PDF
Издательско-полиграфический центр ВИУ РАНХиГС
г. Волгоград, ул. Герцена, 10